Цена № в Москве, на станц. ... ., в провинции 3 руб.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. * ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Богоявленский пер., 5

Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 5 до 7 час. вечера.

Телефоны: Телефонограммы 5-2-80. Общий 2-45-45. Секретарь редакции 4-81-82. Ночной редакции 4-55-54.

Условия подписки на один месяц—75 руб. Подписка принимается только от учреждений и организаций. Требования на высылку газет просим направлять в агентства Центропечати. Контора открыта ежедневно, кроме праздников, от 10 ч. утра до 4 ч. дня. Телефон к-ры 3-35-13, 4-43-47.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ ПЕРЕСТРЕЛКА И УСИЛЕННЫЕ ПОИСКИ РАЗВЕДЧИКОВ.

ПРЕЗИДЕНТОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ИЗБРАН ГАРДИНГ.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ОТКЛОНИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О БЛОКЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ.

№ 250. Воскресенье 7 ноября 1920 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 250.

Три года живет и борется Республика Советов, держа в руках то молот, то винтовку.

Три года, голодный и холодный, в жестокой борьбе, идет рабочий от победы к победе.

Дождался он времени, когда последние враги его гибнут, когда оковы трещат на руках зарубежных братьев.

Дальше вперед! Не сгибайте могучих плеч! Близок час мировой победы.

Раздавленные, разбитые и проученные рукой пролетариата.

Глава дикой дивизии, генерал **КОРНИЛОВ**. Убит в бою с красными.

Кандидат в российские Бонапарты, кумир мелких демократов, друг московского купечества, адвокат **КЕРЕНСКИЙ**. Политически умер 25 октября 1917 г.

Кровавый царь **НИКОЛАЙ РОМАНОВ** и наследник его **АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ**. В бозе почили от руки уральских рабочих.

Русские патриоты, лобызавшие сапоги Вильгельма, черносотенные генералы **КАЛЕДИН** и **КРАСНОВ**. Умерли, как умерло их дело.

Герой украинского кулачества, всеми битый и всех продававший, **ПЕТЛЮРА**. Укрывается под крылом белой Польши.

Милостью генерала Гофмана, волею помещиков и кулаков, гетман всея Украины **СКОРОПАДСКИЙ**. Пал от руки пролетариата российского и германского, исчез без возврата.

Творец Брестского мира, душитель Советской России ген. **ГОФМАН**, слуга кровавого императора **ВИЛЬГЕЛЬМА**. Оба пали под ударами рабочей революции.

[illegible] В. Ч. К.

Наемник английских шпионов, продажный политический разбойник, виновник гибели Ярославля, черный социалист **САВИНКОВ**. Выброшенный из России, продает душу всем генералам посменно.

Верховный правитель России, оплот и прибежище контр-революции российской и международной, царский адмирал **КОЛЧАК**. Воссоединился в небесах с Николаем Романовым.

«Соратник» всероссийских буржуев, разделивший их руки об руку с Колчаком, кулацко-казачий атаман **ДУТОВ**. Разгромлен оренбургскими рабочими и исчез неизвестно куда.

Мальбруки, ходившие походом на Питер, генерал **ЮДЕНИЧ** и «батько» **БУЛАК-БАЛАХОВИЧ**. Претерпели судьбу Мальбрука. Юденич сбежал с казенными деньгами, а Булак-Балахович «продал шпагу» белым полякам.

Творцы добрармии, борцы за Великую Россию, защитники князей Долгоруковых, генералы **АЛЕКСЕЕВ** и **ДЕНИКИН**. Алексеев не дожил до краха. Деникин добрался до Тулы, но низвергнут в Черное море.

Московский домовладелец, глава остатков московской буржуазии, профессор, шпион и кандидат в министры, **ЩЕПКИН**. Расстрелян В. Ч. К.

Грабитель на большой дороге, палач дальневосточных рабочих и крестьян, подонок из союзных наемников, атаман **СЕМЕНОВ**. Выбит из Читы партизанскими отрядами и выброшен за пределы России.

Последний из серии белых генералов, русско-немецкий помещик, крымский разбойник барон **ВРАНГЕЛЬ**. Бьется в железных тисках Красной армии и ждет неизбежного конца.

Стальщики мировых крестов, приказчики международного капитала, руководители мировой бойни, всесветные грабители, душители и развратители пролетариата, смертельные враги русских рабочих и крестьян, политики с великими чубами и длинными [illegible] **ВИЛЬСОН**, **МИЛЬЕРАН** и **ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ**. Отрезаны от всеми [illegible], ждут на [illegible] массой, пропагандой, ждут своей участи.

Растущий великан.

Три года живет и здравствует российская республика советов. Ее красное знамя—символ восстания угнетенных, пламенный язык, взвившийся над толпами рабочих в годы буржуазного господства,—высится над твердыней рабочей власти, вольно струится по ветру, светит миру красным сиянием, всех зовет к себе, за собой.

Старое, боевое знамя, скитавшееся по закоулкам подполья, пробитое пулями—стало знаком великой рабоче-крестьянской державы, близкой к первенству в мире, по признанию ее врагов.

Сломлены старые классы, не осталось воспоминания о капиталистах, помещиках, о своре их слуг — чиновников, офицеров, полицейских. Сложен новый порядок, где нет богатых и бедных, где все трудятся и всем открыты двери к пользованию благами жизни и завоеваниям культуры. Этот порядок охраняет и устраивает новый, простой и крепкий, чудесный аппарат власти — советы, их исполкомы, сеть подчиненных им ячеек, — сплошь наполненный людьми черной кости, рабочими и крестьянами, уже научившимися управлять. На страже этого порядка стоит грозная *Красная* армия, могучая железная машина, танк, разрушающий окопы и проволочные заграждения врагов. Живет и растет республика труда. Чинит паровозы, рубит дрова, гонит по рекам нефть, выбрасывает из недр земли все больше угля, заваливает хлебом амбары, загружает вагоны [illegible] солью, каждый [illegible] до мирной поры.

Мы бедны, мы страшно бедны, мы голодны и холодны. Но разве вы не видите, как мы выросли и как мы растем? То, на что мы вчера смотрели снизу вверх, как на недосягаемую вершину,—сегодня уже ниже ног наших. Твердо идя по этому пути—железной диктатуры трудящихся, упорного, планомерного, сознательного труда,—мы распутаем все узелки, мы восстановим все, мы построим новый, лучший мир!

Три года назад мы были так неумелы, так запуганы, так беспомощны. Сбросив своих врагов стихийным натиском, отбивая вразсыпную их последние удары, мы ощупью искали новых форм жизни, мы строили ее с таким же умением, с каким простые каменщики без помощи инженера стали бы строить огромный, десятиэтажный дом. Кустарничество и партизанщина противостояли великому распаду и хаосу, в которых и от которых погибла буржуазия.

Из распада и хаоса снова полилось злобное, искаженное ненавистью лицо буржуазии. Пользуясь неумелостью, слабой организованностью победивших масс, она надеялась сломить нас заговорами, натиском офицерских и казачьих банд. Ей мерещились московские подвиги Мина и Римана 1905 г. Офицеры, щелкая хлыстами по лакированным сапогам, мечтали о том, скольким рабочим они размозжат головы ударами прикладов, скольких людей положат у стенки на белом, запятнанном кровью снегу, сколько рабочих казарм оставят без крыш, с обгоревшими от взрыва снарядов стропилами.

Первые отряды рабочей гвардии разбили их кровожадные мечты, но тут же натолкнулись на штыки прусских солдат, руководимых мастерами палочного дела—фельдфебелями Вильгельма и немецкими офицерами-помещиками. Наскоро сколачиваемые добровольческие войска; их расхлябанность, митингование, неумелость; их постоянное отступление перед ничтожными силами врага; война в вагонах; захват чуть ли не половины Европейской России немецкими империалистами; тяжелый «похабный» мир; постоянная угроза низвержения советской власти немецкими штыками —все это мы прошли, и всюду по дороге, помаленьку крепли, хотя по дороге хищники иноземные и российские разоряли и растранжирили города, железные дороги, заводы, фабрики, копи. И тогда еще успели бросить в массу лозунг: «награбленное подсчитай и используй». И тогда еще, пользуясь передышкой, взялись за транспорт и продовольственную работу.

Кончилось смутное время немецкой юнкерской оккупации, время, когда немецкий империализм хотел использовать Россию в своих *военных* целях. На смену пришли победоносные союзники с их прямыми агентами—чехо-словаками и белыми генералами. Эти хотели использовать страну, как *колонию*, насадить у нас при помощи русских помещиков и буржуа—индийские порядки и, заняв десантами все побережье, высасывать из России хлеб, лес, нефть, марганец и золото. Мы столкнулись в боях с их разлагавшимися, неохотно дравшимися, экспедиционными войсками, мы заострили свое оружие против их наемников, которые успели на чужое золото состряпать целые белые армии. Мы уже выросли, мы уже нащупали путь к организованности и дисциплине. Подаваясь то вперед, то назад, мы, наконец, покатились неудержимо вперед и, нанося удары Колчаку и Деникину, выковали, наконец, в огне регулярную рабоче-крестьянскую армию.

[illegible] железных дорог из-за отсутствия топлива. Но паровозы наши все же еле ходили и длинными вереницами стояли на кладбищах. Дома замерзали. Колеса станков не вертелись. Мы кликнули призыв к напряженному труду, к напряжению сил по-военному. И перелом начался с весны 1920 г. Наши железные дороги пошли. Топливная работа развернулась полным ходом. Понемногу стали двигаться и наши промышленные предприятия. И когда поляки повели на нас наступление, мы выставили в ответ армию, не только крепкую духом и дисциплиной, но кроме того, правильно снаряженную и питаемую благодаря успехам хозяйственной работы в тылу.

Польская война была новой пробой нашей зрелости. То была настоящая война государства с государством—хотя бы и государства красного с государством белым, война с настоящей государственной армией, питаемой всеми силами союзников. Она дала нам и поражение, и победу. Мы не сломили войск польской буржуазии и не нанесли этим первого решающего удара мировой буржуазии, а это могло случиться. Но мы показали, что способны на настоящую «большую» войну, и на мировой бирже были признаны за великую державу.

Так, через годы напряженной борьбы и труда, через вереницы кровавых жертв, бесчисленных поливов, усилий пролетарской воли и ума, мы пришли к третьей годовщине красной трудовой республики.

Она твердо, во весь рост стоит на ногах. Она борется с последним хищным волком, бродящим в ее владениях,—с генералом Врангелем. Она высится крепким колоссом, среди разлагающихся, охваченных революционным брожением буржуазных государств. К ней тянутся взоры рабочих всех стран, угнетенных всех стран—Запада и Востока. Она оборвана, боса, исхудала от голода и труда. Но она окончила победой борьбу за самосуществование. Добивать последних врагов и строить, воссоздавать, творить новую жизнь—таков ее клич!

ТРИ ГЕРОИЧЕСКИХ, ПОБЕДОНОСНЫХ ГОДА...
РАБОЧИЙ ВЗОР ВПЕРИЛ В ГРЯДУЩИЕ ВЕКА.
ТОВАРИЩ, К НЕБЕСАМ ВЗМЕТНУВ ОГНИ ЗАВОДА,
НЕ ВЫПУСКАЙ ИЗ РУК ШТЫКА.

Д. Б.

Международная революция в 1917—1920 гг.

На вопрос о том, когда началась международная революция, будущие историки в один голос будут давать ответ:

— В 1917 году русская революция была ее началом.

Когда некоторые наши враги ядовито спрашивают нас: «Где же ваша международная революция?», мы всегда бы им ответить: «Вот она, перед вами. Эта революция происходит на ваших глазах. Она еще не завершилась». Она еще не удлинила наступления первого ее фазиса. Но она уже происходит. Муха, которая сидит на громадном, быстро вращающемся колесе, не сам чаще вращение этого колеса, или некоторые наши современники, особенно белые. Все русские, которые насквозь пропитаны духом буржуазного скептицизма, уподобляются этой мухе. Они не замечают, что мы уже вошли в полосу международной революции, и «обещанная» международная революция пришла.

Разве могла бы Советская Россия продержаться три года, если бы пожар международной революции не загорелся то тут, то здесь, если бы рабочее восстание не стояло грозным призраком перед буржуазией главных стран Европы.

Всего три года прошло со времени нашей октябрьской революции, но как легко забывается плохое! Как скоро стали мы забывать то международное положение, каково было в октябре—ноябре 1917 года. Три года тому назад мы были совершенно одиноки на международной арене. Мы знали, мы верили, что международный пролетариат победит и оценит наше положение, но мы вместе с тем не могли не видеть того, что в ту пору международный пролетариат не был еще с нами.

Вспомните, как ужасающе одиноки были мы в те памятные дни и недели, когда германские империалисты пытались загнать нас в брестские колодки и наручники. Вспомните ту глухую стену, которую мы чувствовали вокруг в первые месяцы нашей борьбы, когда каждый день на нас сваливались новые беды.

Сравнительно немного прошло, но крайне поучительный эпизод. Вспомните политику первого революционного правительства в Германии, состоявшего наполовину из и зависимых социалистов. [illegible] Вильгельма, после [illegible] в Берлине и целом ряде других городов рабочих советов, «революционное» правительство, состоявшее из трех социал-демократов и трех независимых, [illegible] из пределов Германии нашего посла и отказалось принять от Советской России предложенный нами для германских рабочих хлеб. Разумеется, эта трусливая и предательская политика [illegible] «революционного» правительства Германии в значительной мере объяснялась [illegible] и контр-революционностью господ социал-демократов (в скобках, скажем [illegible] этих последних [illegible]) [illegible]

[illegible] такую политику, если бы чувства германских рабочих тогда не относились бы с [illegible] к рабоче-крестьянскому правительству России.

И как это коренным образом изменилось теперь! Международная пролетарская революция развивается не так быстро, как мы бы этого хотели. Но все-таки она идет вперед. Почему империалисты Антанты, почему разбойничья Англия, почему богатейшая и кровожаднейшая буржуазия Франции, Англии и Америки до сих пор не уничтожила единственной пролетарской республики, Советской России? Ведь, эти мировые [illegible] пошли бы на все, чтобы только отомстить [illegible] нам. Но они не сделали этого единственно потому, что рабочий класс Европы и Америки тянется за нас. Европейский и американский пролетариат еще недостаточно силен для того, чтобы он мог отвратить голову империалистским разбойникам, но он уже достаточно силен для того, чтобы помешать буржуазии проделать эту операцию над нами.

В течение трех лет, из месяца в месяц, изо дня в день, и даже, можно сказать, из часа в час буржуазия и казенные «социалисты» всего мира непрестанно, систематически, неуклонно клеветали на Советскую Россию. Десятки сотен и тысяч печатных станков каждый день выбрасывали миллионы экземпляров буржуазных и социал-демократических газет, изрыгавших на нас всякую хулу. За эти три года буржуазия и ее прислужники, социал-демократы, извели такую бездну бумаги [illegible] на все [illegible] что этой бумагой, наверное, можно было бы не только покрыть всю Сахарскую пустыню, но и все девственные леса Южной Америки.

Вот сегодня исполнилась третья годовщина нашей пролетарской революции. Где та страна в мире, где бы рабочие, по крайней мере в их массе не были теперь за нас? Пламенная солидарность тружеников всего мира с первой победившей пролетарской республикой—разве это не есть начало мировой пролетарской революции!? Эта солидарность—фундамент, база мировой пролетарской революции! Да, мы не видим еще того, чтобы рабочие большинства стран с оружием в руках бросались прямо на свою буржуазию! Да, грудь с грудью пролетариат еще не схватился с мировой буржуазией! Но эта непоколебимая уверенность в прочности Рабоче-Крестьянской Российской Республики, эта полное, спокойное убеждение в том, что Советская Россия—защитница всех угнетенных, эта беззаветное отношение рабочих Европы и Америки к пролетариату России, все это для дела мировой пролетарской революции означает больше, чем то или другое восстание. За три года существования Советской власти мы видели революции в Германии, Австрии, Венгрии, Финляндии, Латвии и на Балканах. Часть этих революций (как в Венгрии, Латвии и Финляндии) были резко выраженными пролетарскими революциями, но недостаточно сильными, чтобы победить при данном положении вещей. Революция в Германии (а также и в Австрии) не была социалистической в полной мере, хотя бы в начале пейзажировать и называть Германию «социалистической республикой». Революция в Германии была, и было даже буржуазной революцией, в полном смысле этого слова. Настоящая буржуазная демократическая революция в такой стране, как современная Германия, не возможна. То, что мы видели там, является только прелюдией к великому пролетарскому перевороту. Тем не менее, каким была германская революция 1918 года, дело не закончится.

Пролетарское движение в таких странах, как Германия, сейчас как бы ушло внутрь. Двигание назревает там медленно, борьба там необычайно трудна и мучительна, потому что буржуазия там в [illegible] сильнее, чем была русская буржуазия. Победа пролетарской революции в России способствовала целый ряд [illegible] условий: [illegible] земельного вопроса, помощь крестьян, которые еще не были разоружены, той [illegible], которая одна только могла [illegible] землю, соперничество двух империалистических трестов, которые друг друга почти полностью нейтрализовали, и тем самым давали дышать молодой Советской России, и т. п. Классическим типом пролетарской революции, быть может, является именно германский тип, где так многочислен и силен пролетариат, но где вместе с тем так организована, так хитра и цепка буржуазия, где сильно контр-революционное влияние обуржуазившейся демократии...

Три года, протекшие со времени нашей победы, можно рассматривать [illegible] эпоху в истории. Эти три года в общем и целом ушли на то, чтобы идеи завоевать международный пролетариат. Теперь это достигнуто. Теперь международный пролетариат на стороне первой пролетарской Республики. В течение этих трех лет сил международного пролетариата—при данном уровне его сознательности и организованности—хватало лишь на то, чтобы нейтрализовать разбойничьи попытки европейской и американской буржуазии. До 1920 года мы видели в этом отношении известное равновесие сил. Теперь на наших глазах чаша весов медленно, но неуклонно начинает перетягивать на нашу сторону. До сих пор международный пролетариат в общем [illegible] [illegible]

[illegible] правительству и вмешиваться в русские дела. Нейтралитет,—вот то требование, которое защищалось рабочими массами Европы и Америки. До сих пор «Hands off Russia!» (руки прочь от России!), таков был лозунг, например, английских передовых рабочих до самого последнего времени. Разумеется, этот лозунг неплох. Разумеется, рабочие Англии и других стран должны и впредь требовать от своей буржуазии, чтобы она убрала руки прочь от Советской России, но этот лозунг, тем не менее, недостаточен. Руки прочь—это еще оборонительная тактика. Теперь Коммунистическим Интернационалом выдвигается требование перехода от обороны к наступлению. «Руки прочь от Советской России!» Коммунистический Интернационал заменяет паролем: «За горло международную буржуазию и колено ей на грудь!»

Когда советские войска стояли у ворот Варшавы, становилось особенно наглядно, что международный пролетариат вступает в полосу, которую можно будет характеризовать: «От обороны к наступлению». Советские войска потерпели неудачи на польском фронте. Но все-таки в общей картине развивающейся мировой пролетарской революции эти польские неудачи являются только эпизодом, замедляющим темп социалистического развития, но не изменяющим характера его.

Наша революция 1905 года не была международной. Она была быстро раздавлена, но все-таки, она успела оказать свое большое революционизирующее влияние и на Запад и на Восток, но вся революция 1905 года, была, можно сказать, детской забавой по сравнению с нашей великой пролетарской революцией 17—20 г. г. Так и международное влияние нашей нынешней революции, в миллион раз сильнее, чем влияние революции 1905 года, а вместе с тем и миллион раз сильнее, и то эхо на нашу революцию, которое раздается с Запада и с Востока, с Севера и Юга. На нашу революцию 1905 года мы отвечали на Востоке отчасти, выразившейся в младо-турецкой революции, персидской революции и т. п. На нашу же пролетарскую революцию 1917—20 г. г. Восток откликнулся во много раз сильнее. Бакинский съезд народов Востока был [illegible] величайших революционных событий. В Баку мы [illegible], что наша революция из европейской превращается в мировую. Наша революция 1905 г. встретила отклик и на Западе. Но как слаб был этот отклик! В Германии и в других странах дело доходило, максимум, до того, что рабочие брали [illegible] [illegible]. А теперь? Теперь такие страны классического капитализма, как Англия, уже больше года [illegible] сотрясаются в сильнейшей лихорадке. Свидетелем тому [illegible] Совет Действия в Лондоне был, несомненно, [illegible] Английских Советов Рабочих Депутатов.

Различными путями, иногда крайне тяжелыми, путями, зигзагами, с отступлениями, через ухабы, через снежные сугробы, через колючую проволоку и ... [illegible] пролетариат все-таки, повсюду идет вперед. Коммунистический Интернационал поставил себе задачей быть мозгом, грозной, железной рукой, организатором этой международной революции и Коммунистический Интернационал выполнит свою историческую миссию.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

БЕЗ БАРИНА—ТРИ ДНЯ, ТРИ МЕСЯЦА, ТРИ ГОДА...
А ВПЕРЕДИ ВЕКА, ВЕКА...
КРЕСТЬЯНИН ШЕПЧЕТ: «...Х, НЕ ПОДВЕЛА Б ПОГОДА!
К РАБОТЕ ЧЕШЕТСЯ РУКА».

Д. Б.

Международная политика за год.

Год борьбы антантовского капитала с Сов. Россией был годом не только военного поражения на всех полях битв, на которых мерили свои силы Сов. Россия и вооруженная Антантой русская контр-революция. Это был год экономического и политического развала Антанты. Союз победоносных, капиталистических держав оказался полным призраком. Они не сумели не только согласовать на деле свою политику по отношению к побежденным ими странам, они не только не сумели задержать экономического развала этих стран, который им самим угрожает задержкой их экономического развития. Но они столкнулись друг с другом во всех узловых пунктах мировой политики. В то время, когда руководящей целью французского империализма является лихорадочно-быстрое выжимание из германского народа наложенной на него контрибуции и попытка вынудить русский народ к уплате царских долгов,—английское правительство надеется, что оно сможет при помощи русского сырья и русского хлеба освободиться от американской монополии. Американское правительство боится возвращения русского сырья и русского хлеба на мировой рынок, именно, по тем мотивам, по которым Англия этого добивается. Но американское правительство нуждается в России, как в рынке сбыта промышленных товаров, как в противовесе Японии. Итальянское правительство чересчур слабо, чтобы преследовать самостоятельные цели по отношению к Сов. России, вынуждается в первую очередь боязнью обострить военной политикой по отношению к Сов. России движение итальянского пролетариата, связанного узами глубокой любви с русскими. При перевесе интересов английского и американского капитала над французскими, надо было ожидать победы мирных тенденций в лагере союзников, [illegible] французский империализм [illegible] [illegible]

[illegible] ни одному не по силам была вести ни английскому, ни американскому капиталистическому правительству. Не только не существует общей политики Антанты, но не существует единой определенной политики английского или американского правительства. Торговая буржуазия Англии—за мирные сношения с Сов. Россией. Но, чем более растут затруднения английского империализма в Передней и Средней Азии, чем более он там вынужден вести политику обороны, тем более грозным для него врагом является Сов. Россия. Она, доказав беззащитным до того народам Востока, что трудовой народ может побеждать своих поработителей, делается центром притяжения, является оплотом восстающего Востока. Старая империалистская клика Англии, соглашаясь внешне на торговую сделку с Сов. Россией, пытается одновременно бросить на нее новых врагов, устроить ей новое кровопускание, дабы путем гражданской войны не допустить усиления Сов. России, как организующего центра восставшего Востока. Эта тенденция впадает в фарватер антисоветской политики французского империализма, который натравляет на Сов. Россию белую Польшу. Белая Польша, вассал Франции, вооружает при помощи Врангеля, осколка старого союзного [illegible] снаряда, мирную политику английской торговой буржуазии, возглавляемую Ллойд-Джорджем. Ллойд-Джордж борется нерешительно против этой новой интервенции. Ибо, как же ему решительно бороться за мир с Сов. Россией, в крепости которого он сам не верит? Как же ему ради этого сомнительного мира с Сов. Россией углублять разногласия с Францией, армия которой гарантирует бессилие только что побежденной Германии?

Ллойд-Джордж и английское правительство не сопротивляются польскому наступлению 26-го апреля, которое механически сводит к нулю торговое соглашение, ибо предпосылкой этого соглашения является мирное строительство Сов. России. Английские капиталисты выпускают тем более важное из своих рук, что он видит: Сов. Россия—не Деникин, она не намерена позволить англичанам грабить Россию, она хочет получить за золото нужные ей для возрождения русского хозяйства машины. А вопрос о торговле сырьем Сов. Россия пытается отодвинуть до момента, когда будет укреплен ее хозяйственный аппарат, когда она без ущерба будет в состоянии вывезть продовольствие и сырье. Капиталисты Англии шли на торговую сделку с Сов. Россией, дабы контрабандной продажей предметов потребления разбить хозяйственный план Советского правительства, а не для того, чтобы позволить Сов. России доказать миру, что коммунизм представляет выход из капиталистической анархии. Капиталисты Англии ждут поэтому, не удастся ли польским белым легионам, с оружием в руках, вырвать у Советской России украинский хлеб и сахар, не удастся ли врангелевским бандам захватить донецкий уголь. Тогда Англия сумеет отстоять перед Францией свою часть добычи. Советская Россия оказывается сильнее, чем это предполагали английские капиталисты, ее войска доходят до Варшавы, и лондонская биржа уже мысленно видит красную конницу у Рейна. Она угрожает Сов. России войною. Но в тот же момент поднимается английский рабочий класс и кричит английской буржуазии: «стой!» Первый раз в истории Англии он определяет ее политику.

Потерпев поражение, Красная армия отступает назад, но в сердце английской буржуазии уже не покидает испуг перед перекинувшейся в Европу, на правах великой державы, Россией — пролетарской Россией. Мир с Советской Россией, свободные торговые сношения с нею снова отодвинулись вдаль: на их место становятся новые попытки Англии создать новый южный фронт, соединить с армией Врангеля армию белой Грузии и белой Армении, отрезать при их помощи Сов. Россию от донецкого угля, кубанского хлеба и бакинской нефти. Франция делает нажим, чтобы удержать Польшу от мира. Но белая Польша, которая слышала у Варшавы грохот советских пушек, которая видела, что союзники не в состоянии подать ей в решительный момент достаточную помощь, отказывается плясать под дудку союзников. Она заключает прелиминарный мир и перемирие на несколько худших условиях, чем она его могла бы заключить в марте и, таким образом, отдает Врангеля на разгром.

Третья годовщина октябрьской революции видит уже начало этого разгрома. Но этот разгром еще не окончен. На Кавказе завязывается новый узел борьбы, через бакинские ворота, которые Англия [illegible] [illegible] у него из рук мировая революция. Тяга народных масс всех стран к Сов. России так сильна, что даже обыкновенные предатели и антантовские шпионы из рабочего лагеря, открыто высказывающие с женевской трибуны съезда II Интернационала ненависть к Сов. России, принуждены, под давлением рабочих масс, высказываться против всякой попытки войны с Россией. [illegible] Польши германскими, чешскими и австрийскими железнодорожниками [illegible] великому невозможность открытой войны антантовских государств против Сов. России. Остаются попытки кровопускания при помощи малых наемников, в роде героя Савинкова, «бледный конь» которого, выйдя из конюшни [illegible], далеко не уйдет. Или в роде Булак-Балаховича, разыгрывающего под ряд то роль юденического великорусского патриота, то роль «батьки», конкурента атамана Петлюры, о котором сложилась уже народная песенка: «В вагоне Директория, под вагоном территория». Ясно, что с этими видами международной контр-революции Сов. Россия справится как бы ни мешали они ее работе. Но надо считаться с тем, что, ведя с нами переговоры о торговых сношениях, мировая буржуазия будет пользоваться всякими случаями, всякой нашей болезнью, всякими изменами на теле Сов. России, дабы впрыскивать отраву в наши раны, дабы создавать новые нарывы, дабы отвлекать нас от хозяйственной работы. В момент, когда в Сов. России прибавится какая-нибудь другая страна, в которой победит рабочий класс, мировая буржуазия может начать [illegible] ва-банк, [illegible] контр-революционных добровольцев, собранных во всем мире, может [illegible] значительными уступками [illegible] может принудить нас [illegible] к решительной схватке. Но мы уже не изолированы от мирового рынка, и мы должны всеми силами пытаться получить от капиталистического мира все, что только можно получить, для работы над хозяйственным возрождением страны. Мы должны раз навсегда понять тот вывод, что наше экономическое строительство невозможно отложить до момента заключения всеобщего мира. Что такому моменту не скоро быть, что одна часть русского рабочего класса должна строить новый мир, в то время, когда другой приходится защищать его своей грудью. Это ведет ко второму выводу. Мы, вдвое, долго не сможем перековать наших мечей на плуги. И строительство Красной армии является в такой же степени нашей задачей, как и хозяйственное строительство. Три года внешней политики Сов. России — это три года борьбы с оружием в руках, но и с молотом в руках.

К. РАДЕК.

У ног антантовской Европы
Простерлись верные холопы,
Вся соглашательская мразь,
Антанта кланяет в поклонах.
Но оказались, уж, старушки
Уж никакой больше нет!

Рука костлявая повисла...
Глава—мутны... Слова—без смысла...
Старуха шпаль в забитке.
Хозяева зовут [illegible]
А мы уверенно и сильно
Мощь [illegible]

Д. Б.

Герои и мученики пролетариата, павшие на его пути к победе.

Старый революционер, десятки лет стоявший в рядах рабочего класса, постоянный сиделец царских тюрем, мужественный борец пролетариата **УРИЦКИЙ**. Убит из-за угла правыми эсерами, когда Антанта вползала на нашу гибель.

Партийный, ставший народным трибуном, любимец Красного Питера **ВОЛОДАРСКИЙ**. Убит из-за угла правыми эсерами за то, что имел огненную речь, испепелявшую врагов труда.

Молодой ученый, храбрый солдат революции **ЧУДНОВСКИЙ**. Окруженный вильгельмовскими и гайдамацкими бандами, раненый и истекающий кровью, застрелился, не желая сдаваться врагу.

Железный человек, не имевший минуты для себя, почти не выходивший из царских застенков, только расправивший еще свои крылья во время революции, не знавший усталости, несгибаемый герой **НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВ**. Пойман в тайге с карабином в руках и расстрелян Колчаком.

Рабочий-рыцарь, чистая душа, храброе сердце, совесть рабочего класса **ЯНЫШЕВ**, павший в бою героем. Пролетарий [illegible], умер от ран.

[illegible] честный, верный сын рабочего класса **И. ЖУК**. Погиб в боях с Юденичем.

Бесстрашный пролетарий, изгнанный царем в Америку, с винтовкой и молотом боровшийся у нас, молодой богатырь **ВОСКОВ**. Пал под пулями белых, охраняя подступы к Великому Питеру.

Рабочий **КУТАСОВ**, охранявший пролетарское достояние, организатор хозяйства трудовой Руси. Расстрелян Колчаком.

Матрос **ЖЕЛЕЗНЯК**, смелый боец, неизменный враг врагов рабочего класса за разгон бело-эсеровской учредилки, всесменный фронтовик гражданской войны. Пал геройской смертью в боях с казацкими генералами.

Рабочий, выросший в революции, октябрьский боец, организатор Москвы **БАРЫШНИКОВ**. Погиб от рук белых палачей, когда Деникин шел на Москву.

Любимый солдат, редактор «Окопного Набата», проповедник гражданской войны против империалистов, хладнокровный и решительный тов. **НАХИМСОН**. Расстрелян савинковскими юнкерами и чехословаками в Ярославле.

ТЫСЯЧИ ДРУГИХ, ЧАСТО БЕЗВЕСТНЫХ БОЙЦОВ, погибавших на бесчисленных фронтах Республики, которую они обороняли с оружием в руках, умиравших в тюрьмах, расстрелянных в тайге, повешенных на больших дорогах империалистскими разбойниками, зверски растерзанных офицерьем и кулачьем, вырезанных в Киеве и Юзовке, на Урале и в Сибири, в Прибалтийском крае и в Финляндии, тысячи славных и верных товарищей, погибших за великое дело, выше которого нет в истории человечества.

Наши бессмертные вожди **ЛИБКНЕХТ** и **ЛЮКСЕМБУРГ**, **ТЫШКА** и **САМУЭЛИ**, имена которых будут вечно гореть в веках, как путеводные звезды великих страданий и великой борьбы рабочего класса.

Тысячи венгерских, финских, немецких **ПРОЛЕТАРИЕВ, СОЛДАТ** и **МАТРОСОВ**, которые своей борьбой шли на [illegible], руки которых [illegible] и [illegible] общего мирового дела.

Их прах [illegible] на местах [illegible]

Несите их знамя вперед.

Мы не считали наших жертв. Отступая мы оставляли их простреленные тела на поругание белым палачам. Наступая, мы хоронили их наспех в безызвестных братских могилах, где их имен не прочесть на взрытой земле и среди могильной травы. Умерших в лазаретах редко провожали с почестями на кладбище. Простите нас живых, дорогие товарищи! В коммуне мертвых вы все нам дороги, все без различия и всех вас будет вечно поминать рабоче-крестьянская Республика, которую вы спасли своей смертью.

Вас много, но неизмеримо больше тех, которые продолжают ваше дело в коммуне живых. Вы отстояли ее в борьбе, вы завещали ей довести до конца освобождение человечества от рабства и нищеты.

Матери погибших, гордитесь вашими детьми! Ваши слезы делают рыхлой землю на их могилах. Но памятник им строят те, кто строит социализм. Лучшего памятника им не надо. Ведь, они пали под тяжестью первых кирпичей, которые несли для храма будущего.

Дети дорогих мертвецов! Каждый из вас, когда вырастет, может с гордостью сказать: мой отец погиб за дело коммунизма. Будьте же достойны их святых теней. Не оплакивать мертвых, а делать счастливыми живых должны вы в своей работе. Уравновесьте же их великий подвиг смерти долгой жизнью, наполненной социалистическим трудом над той же постройкой.

Серая шинель, забрызганная кровью. Мы становимся на колени перед тобой в трехлетнюю годовщину Октябрьской Революции.

Е. П.

Задачи четвертого года.

Среди текущих «всеобщих» задач в области народного хозяйства, как поднятие производительности и т. д., и т. п.,— на рубеже нового советского года мысль останавливается на тех общих вопросах, в постановке которых практически мы уже подошли или подходим, и работа над разрешением которых уже по одному тому составит задачу четвертого года, что такое разрешение служит лучшим залогом успеха и в вопросах текущей деятельности.

1. Установление пропорциональности частей народного хозяйства, необходимо нам в первой очереди. Это есть существеннейшая часть того, что обычно именуется популярным термином (обозначением): «единый хозяйственный план». Как рачительный хозяин, пролетариат должен составить всеобщую роспись распределения трудовых сил и материальных ресурсов России: столько процентов мы даем на постройку и ремонт домов коммунальными отделами советов, столько на производство винтовок Промвоенсоветом, столько на изготовление мануфактуры Высовнархозом, столько на организацию народного просвещения и т. д. и т. п. Первые годы планомерное установление такой пропорциональности было для нас недоступно по неизвестности одних моментов и по отрезанности от советского центра контрреволюцией районов, необходимых для установления других. Теперь Россия уже вновь об'единена почти полностью, и советская организация успела уже фактически овладеть основными частями народного хозяйства (кроме земледелия) в достаточной степени для сознательного установления необходимой пропорциональности. Мы несколько поосмотрелись, осмотрелись, освоились с доставшимся наследством,—пора и можно уже начать делать практические выводы. При буржуазии пропорция частей народного хозяйства складывалась путем механизма так-наз. «слепой игры экон. сил» на товарном рынке. Эта система умерла, а новой, т.-е., сознательного регулирования в целом, еще не могло быть — шла случайная жизнь изо дня в день, почти бессистемное продолжение тех или иных почему-либо сохранившихся обрывков прежнего, иногда с судорожными порывами в особо большую сторону,—порывами, большая часть возможного эффекта, которых пропадала бесплодно вследствие общей несогласованности, вследствие отсутствия планомерно установленной пропорции частей.

Этот период исторически был неизбежен, на преодоление его отрицательных сторон выростала постепенно опора систематичность отдельных еще разрозненных частей и навык и «вкус» к системе вообще, — но чем скорее он отойдет в прошлое, тем лучше. Физическое овладение разными сторонами хозяйственной жизни и идея единого плана сделали уже такие успехи, что можно не останавливаться в преддверии, за протяжении четвертого года практическом разрешении в положительную сторону вопроса о создании единого плана и о соответственном приведении в порядок нынешней советской экономической организации,—запутанной и бессистемно складывавшейся в течение трех лет при решении отдельных конкретных вопросов.

2. Перепись индустриального оборудования и надлежащее перераспределение технических ресурсов является обязательным и мощным средством для поднятия уровня производительных сил в такой стране, которая почти не имеет притока нового оборудования, но которая перешла от распыленного хозяйства отдельных капиталистов и групп капиталистов к об'единенному государственному хозяйству в области обрабатывающей и горной индустрии, лесного дела и транспорта. В буржуазную эпоху запасы наличного и уже установленного на заводах и фабриках машинного оборудования всегда на много превышали даже высшую фактическую выработку довоенного времени,— напр., в русской металлургии примерно почти на половину. Ибо каждое капиталистическое предприятие организовывалось и существовало с расчетом на рост (и иначе и существовать не могло, ибо случай равновесия воспроизводства в эпоху капитализма существует обычно лишь в теориях) — и в итоге всегда мертвым грузом непроизводительно лежало большое количество оборудования. Это было своего рода обязательным «накладным расходом» капиталистической системы производства.

Все эти крупные запасные технические ресурсы России остаются почти не использованными и в лучшем случае служат для пополнения коллекции раритетов покойного тов. Сосновского: то он найдет 7½ верст запасных кожаных приводных ремней, сложенных в резерв при таганрогском заводе, то знаменитый паровоз в Луганске, то на Ижорском заводе более 1½ милл. пудов хромоникелевой стали, хранимой на случай сооружения новых броненосцев (!), то кучу бездействующих мощных моторов в Харькове и т. п. Но еще важнее этих резервов установки уже существующие и неиспользованные. Как много можно в этом отношении достигнуть, показывает пример той, едва ли не единственной отрасли, где дело перераспределения наличных технических ресурсов поставлено было широко и систематически — имею в виду рельсы. Как известно, без нового производства рельс, благодаря снятию их оттуда, где они не используются, и целесообразному перераспределению избыточных наличных запасов, накопленных ранее отдельными дорогами, — Советская Россия построила за эти три года около пяти тысяч верст новых рельсовых путей, т.-е., более чем на 10% сразу увеличила жел.-дор. сеть, если не считать Украины, где почти ничего не уложено.

Конечно, всякую практическую задачу можно утопить раздуванием ее до фактически невыполнимых сейчас быстро размеров в роде составления полного инвентаря всей Р. С. Ф. С. Р. и т. п. Но крупных и средних капиталистических предприятий было в России не так много, и деловая перепись их технического оборудования не представляется трудно разрешимой задачей даже сейчас. Наоборот, только психологической неподготовленностью к системе можно об'яснить, что до сих пор еще не осуществлена эта мера, элементарно необходимая для разумного хозяйства и могущая быть проведенной при широком содействии самих рабочих.

Мы уверены, четвертый год разрешит эту задачу. Когда каждая машина, каждый котел, каждый станок будет иметь в государственном справочном техническом бюро свою карточку, тогда легко будет добиться, чтобы работа велась лишь на лучших, много повышающих производительность труда станках и т. п., а не случайно, как сейчас. На каждом заводе должна быть установлена последовательность станков по их качеству, и лучшие должны быть всегда заняты, вместо нынешней системы прикрепления станка к рабочему,—с отпуском или прогулом рабочего бездействует и отличный станок, а рядом продолжается работа на плохом. В этой области немного внимания и системы способно дать очень заметные результаты для повышения успешности, производительности труда, которое надо решительно предпочитать увеличению, его напряженности (продолжительности и т. п.) не только в теории, но и путем обдуманно приводимого технического руководства на практике.

3. Регулирование крестьянского хозяйства—это задача, в которую мы начинаем упираться все более и те или иные попытки подхода к разрешению которой во всяком случае должен будет увидеть четвертый год. Если посев ржи упал в Великороссии в 1919 г. примерно на пятую часть сравнительно с мирным временем, то посев льна упал уже более и на половину, то же самое с хлопком,—вообще, крестьяне гораздо менее бережно относятся к сохранению важных для всего государства в целом посевов, как посевы конопли и т. п., чем к поддержанию на прежнем уровне посевов, растений, съедобных и для самого крестьянина, как предмет личного потребления. Но Россия не может длительно обходиться ничтожным количеством масличных и технических растений, обрекая себя этим на дальнейшее сокращение производства и потребления мыла, веревок, необходимого для техники и прозодежды, брезента и т. д. Быть может, окажется целесообразным Наркомзему, по данным переписи 1916 г., в районах наиболее благоприятных для льна, пеньки, подсолнечника и т. д., определить по каждой волости, сколько десятин и какой процент посева составлял тогда посев конопли, льна, масличных растений и т. д. Затем можно будет каждой такой волости поставить условие: если ты засеешь столько-то десятин коноплей, льном и т. д.—получишь соль, металл, стекло и другие «премиальные» продукты, которые государство в силах направить сейчас в деревню. Если же волость не делает этого для государства, то и государство приберегает свои продукты для более сговорчивых и сознающих свой долг перед всей страной деревень. Все это было бы, правда, еще довольно элементарным приступом к прямому регулированию самого производства в крестьянском хозяйстве; быть может, затем окажется возможным путем совместного действия агрономической пропаганды, премиальных выдач и недостатка рабочего скота побудить крестьян южной степной полосы перейти к коллективной обработке, которая дала бы возможность более ранней вспашки, что одно по тридцатилетнему опыту земских опытных полей и помещичьих экономий почти наполовину повышает урожай при обычных на юге условиях.

Вообще, здесь мы встречаемся с областью, до сих пор прямым советским воздействием еще почти не затронутой. Ясно одно—меры в этом деле должны основываться на предварительном конкретном определении Наркомземом желательного направления воздействия в каждой местности с точки зрения правильно понятого сочетания общегосударственных интересов с интересами района. И не менее ясно—подобное воздействие на крестьянское производство должно будет, вероятно, внести некоторые изменения в систему распределения продуктов Компродом в деревне. Придется применяться не только к разверсткам, но и к производственным заданиям. Вместе с тем сделаны будут дальнейшие шаги в **натурализации отношений между государством и деревней**, что в своем завершении приведет со временем к исчезновению надобности в деньгах.

4. Вовлечение в производственную работу всей толщи городской средней и мелкой буржуазии является задачей, подобной которой еще не видел мир, и которую мы, однако, должны поставить и решить. Из продовольственной статистики видно, что в наших городах живет несколько миллионов лиц «третьей категории». Кроме того, всякий знает, что насчитывающее во всем государстве чуть не миллион душ советское чиновничество имеется почти во всех учреждениях в количестве, значительно превышающем действительную потребность, и пополнило свои ряды почти *сплошь из среднебуржуазной среды*. Наконец в России очень большое количество мелких и средних городов, которые служили лишь торговым, чиновничьим и ремесленным центром для своей округи и сплошь заселено мещанством. Временно это мещанство может коротать свои досуги за спекуляцией, но по мере укрепления советского строя простор для нее должен будет сокращаться. Да и разбухание советских учреждений легко происходило только в оканчивающийся уже почти бессистемный период трехлетнего чернового строительства. Теперь же с каждой мерой по упорядочению государственной организации, по внесению в нее плана и порядка будут отмирать целые учреждения и целые батальоны служащих в остающихся «ведомствах». Осуществление одной такой меры, как предусмотренная декретом 11 октября отмена некоторых денежных расчетов, освободит по всей России десятки и десятки тысяч человек для более полезного труда.

Все дело в том, чтобы массы эти поставить на труд, действительно полезный для общества. Здесь придется прибегнуть к способам практического обучения производственному труду, какие может быть и не снились Главпрофобру, придется от пассивной политики Комтрудов и Отделов Рабочей силы перейти к активному насаждению занятий.

Предстоит задача сотни тысяч возможных работников и работниц из буржуазной среды **перевести на постоянный полезный физический труд**. Мы ищем сплошь и рядом простых чернорабочих, подавальщиц на фабриках и метельщиц для трамвая, когда в стенах наших городов имеется громадный неиспользованный резервуар физической силы. Никакими случайными или временными суррогатами, как лагерь или пятидневная трудовая или снеговая повинность, не достигнуть производственного перевоспитания буржуазии. Нужно превратить широкие слои выходцев из средней и мелкой буржуазии (за исключением квалифицированных специалистов, как стенографисты, техники и т. д.), в таких же постоянных физических рабочих, занятых производственным трудом, какими являются прочие, входящие в состав пролетариата мужчины и женщины.

Можно представить себе массовую отправку их на находящиеся в том же городе фабрики и заводы для выполнения обязанностей всюду недостающих необученных рабочих, как подавальщицы при машинах и т. д., и т. п. Короткое пребывание в предприятии под руководством уже имеющихся там рабочих и работниц, которые укажут, что делать, быстро приспособит их к делу—и на фабрике они будут получать свой советский паек и «прозодежду» с гораздо большей пользой для России, а в конечном счете и для самих себя, чем сейчас.

Можно представить себе организацию в каждом городе массовых мастерских ремонта и переделки белья, платья и обуви *с почти полным прекращением* отпуска ниток частным лицам и с такой широкой постановкой дела, чтобы все население города действительно могло ими пользоваться без бесконечного ожидания очереди получения. Если мы не можем пока, как следует, все время заново одевать население, дадим по крайней мере возможность переделывать и поправлять старое. Каждая советская барышня умеет держать иголку в руках, а кто и не умеет, может быть выучен этому без особых чудес—*и самая изящная барышня* будет сидеть и шить, раз ей будет известно, что это прочно, что таков теперь новый уклад жизни, что полезный труд есть самое почетное занятие в нашем государстве и что без него не дадут есть. Надо только *решиться взяться за дело* и все не знающие что делать во многих учреждениях и праздно слоняющиеся по коридорам барышни будут не только шить, но и стирать, если Исполкомы славно будут организовывать массовые прачечные, достаточные для частной стирки всего белья городского населения.

Можно представить себе, что широкие слои праздного, или спекулирующего, или забронировавшегося на советской службе обывательства будут *превращены в постоянных огородников на городской земле*. Копать огороды, полоть траву и т. д.— все это занятия, к которым люди могут быть приучены сравнительно легко, и так как, при этом не надо выселяться из города, а в городах и на их окраинах обычно *достаточно пустующих земель*, то это дело могло бы быть поставлено на практическую ногу с несомненной пользой для облегчения продовольственного положения.

Многое можно себе представить, вплоть до того, что *весною* с наступлением теплых дней советским учреждениям может быть предписано выделить из своего состава в качестве первого шага хотя бы 25% наличного состава для превращения их в постоянных физических рабочих и *работниц и без права вновь* увеличить свой состав до прежних 75%. Мы убеждены, впрочем, что многие учреждения могли бы выделить с большей пользой для населения и больше 25%—только после получения какого-нибудь ордера надо *было бы ходить для его регистрации не в пять комнат, к пяти барышням*, а только к двум или трем. О том, чтобы просто лишь к одной, не смею и мечтать, чтобы не прослыть за утописта.

Параллельно с попытками передвинуть *в производство* мелкобуржуазной и среднебуржуазной обывательской среды, в старое время в некоторых своих слоях считавшей физический труд ниже своего достоинства, должна будет быть более решительно поставлена и задача окончательной **ликвидации частного капитала** в последней поощряемой еще или терпимой государственными учреждениями форме— именно в виду подрядчиков (иногда стыдливо именуемых «уполномоченными») и капиталистических поставщиков. Мы выставили крупный капитал из индустрии, национализовали прежние крупные торговые предприятия, дома, банки, транспорт,—но за то едва ли не все более пышным цветом стало распускаться одно время капиталистическое подрядчество (иногда прикрывающееся, впрочем, кустарно-кооперативной вывеской). Подрядчики военные, железнодорожные, строительные, топливные,—вот кто главный потребитель спекулятивного рынка, вот кто главный финансист внутренних контр-революционных заговорщиков, вот кто главный агент разложения известной части советской администрации. Современный подрядчик получает миллионные авансы и ничем не рискует. Недвижимое имущество давно об'явлено конфискованным, а драгоценности и деньги спрятаны. Если же через полгода, не выполнив дела, вернет аванс, то цена этому количеству рублей теперь совсем иная, много меньшая, разница пошла ему, а вся сумма служила пока фондом для спекуляции. Когда же он работу выполнит, неизменно оказывается, что она обошлась в несколько раз дороже и сделана еще хуже, чем при хозяйственном способе. Надо думать, в четвертом году удастся, наконец, ликвидировать почти полностью эту язву советского строя.

Написано уже довольно много, а не сказано еще ни слова ни о производственной пропаганде, ни о выполнении других лишениях. Да простит четвертый год, если пока ограничимся сказанным—пусть редакционные сотрудники попробуют сперва свои зубки хотя бы на этих орешках.

Ю. ЛАРИН.

ТРИ ДНЯ, ТРИ МЕСЯЦА, ТРИ ГОДА...
А ДАЛЬШЕ СЧЕТ ПОЙДЕТ НЕУЖТО НА ВЕКА?!
БУРЖУЙ РЫДАЕТ:—«НОЧЬ... ГЛУХАЯ... БЕЗ ИСХОДА!..»
И ТРЕТ ПОМЯТЫЕ БОКА.

Д. Б.

Практическое осуществление государственного регулирования сельского хозяйства.

На исходе третьей годовщины Советской республики мы подошли вплотную к вопросу о государственном регулировании крестьянского сельского хозяйства—к внедрению в него первых реальных зачатков социалистической организации. Вместо обзора наших достижений в области сельскохозяйственного строительства и вытекающих отсюда перспектив, рассмотрим поэтому конкретно вопрос о том, как практически осуществить плановой засев и нормализацию крестьянского производства. Мы думаем, что этим не без успеха можно заменить **юбилейный обзор**.

Как подойти конкретно к плановому засеву, созданию единого государственного семенного фонда и нормализации обработки? Прежде всего, как построить план обязательного засева?

В предшествующей статье (№ 248 «Правды») мы наметили основные вехи: погубернский план, на основе посевной площади 1916 г., с точным нормированием только охранных культур, обязательством так или иначе использовать весь яровой клин, без ломки севооборота, обязательного многополья и пр.

Мы упоминали только о выработке плана в губерниях. Это мы сделали с умыслом. Нельзя, конечно, отказаться от выработки и общегосударственного плана в центре. Но в этом деле надо сейчас избегать излишней централизации и рационализации. Т. Шефлер в № 246 «Эк. Жизни» сообщает, что план разделения России на сельскохозяйственные районы «разработан и ляжет в основу производственной программы Наркомзема 1921 г.» Мы думаем, что районирование сельского хозяйства, т.-е. определение для каждой губернии, какие виды растений она должна разводить— в зависимости от ее почвенных, климатических и хозяйственных условий— дело более отдаленного будущего. План районирования сейчас может быть только примерной, только сравнительным материалом при выработке погубернских планов обязательного засева. Кроме того, *он может и должен быть непосредственной основой* посевного плана совхозов и коллективных хозяйств. Пока что, для крестьянского хозяйства будем держаться, как основы, естественно сложившейся площади 1916 г., внося в нее необходимые поправки—и постепенно, в сторону районирования, и [illegible] переменой с того времени уклонов.

Выработку плана обязательного засева надо начать в центре, но нужно вырабатывать его в общих чертах без излишней рационализации (в смысле немедленной «подгонки» под районы) и без излишней детализации, предоставляя местам вносить практические поправки. Именно так вырабатывалась наша продовольственная разверстка: этот опыт нужно учесть.

Общегосударственный и погубернский план должен быть выработан Наркомземом совместно с Наркомпродом (учет интересов продовольственного снабжения) и В. С. Н. Х. (учет интересов промышленности, потребляющей деревенское сырье). Разногласия должны быть выравнены Советом Народных Комиссаров, а затем план передается для отзывов и внесения поправок на места. Здесь его может рассмотреть расширенное губпродсовещание с добавлением представителя губкомтруда и губсовнархоза (в таком составе уполномоченный В. Ц. И. К., предгубисполкома, завгубземотделом, председатель Совнархоза, губпродкомиссар —мы уже имели три четверти будущего боевого посевного органа, губпосевкома). К предварительному рассмотрению должны быть привлечены широкие совещания агрономов и практиков. После этого план утверждается Совнаркомом и готов к действию.

Немедленно после этого Наркомпрод вырабатывает общегосударственную семенную разверстку, на покрытие всей потребности для засева площади «охранных» или «ударных» культур. Выработку посевного плана и разверстки можно вести параллельно, так как одна относится к другой, как лицо и снятая с него гипсовая маска. Одновременно с передачей для отзыва на места плана посева, передается на места губпродсовещаниям для отзыва и слепок с него —семенная разверстка.

Наше сравнение, впрочем, неточно. Слепок не во всем будет сходиться с оригиналом. Семенная разверстка не вполне должна совпадать с потребностью в семенах данной волости, уезда и даже губернии. Она может быть и больше и меньше этой потребности. Места неурожайные или не имеющие запасов данного рода семян дополнительно снабжаются (за из'ятием всего имеющегося в них запаса) из более обильных районов. Но и здесь нельзя слишком далеко перегибать палку и из'ымать из губернии, уезда или волости слишком много сверх их собственной, намеченной планом потребности: семенная заготовка может от этого стать непопулярной. Надо в большой мере ориентироваться на покрытие нехваток из общегосударственных запасов, получаемых при выполнении выше собираемых разверсток. Но все же надбавки к заготовке для местных нужд необходимы, и их надо проверить путем процентных отчислений (как это делалось, наприм., т. Чесуновым осенью в Туле). На село дается наряд: 90% его свозится в общественный амбар (или в совхоз—для удобства сортировки, проверки всхожести и пр.), 10% отчисляется в волостной фонд. Из волостного фонда таким же порядком делаются отчисления в уездный и т. д.

Мы останавливаемся на этих подробностях именно для того, чтобы показать, как предотвратить слишком «размашистый» подход к делу, который может натолкнуть его на подводные камни. К таким слишком размашистым подходам относится, наприм., превосходный теоретически ясный и последовательный план т. Архангельского (№ 221 «Эк. Жизни») о выделении ударных районов технических растений (льна, конопли, сахарной свеклы), о переводе (правда, по договору) населения этих районов целиком на производство растительного сырья, в обмен за это государство будет снабжать их орудиями, семенами, предметами потребления и хлебом (да еще печеным—в виде премии). Все это *хорошо—для будущего года*. А в нынешнем мы не сумеем снабдить их ни семенами, ни хлебом, ни тем паче орудиями и мануфактурой. Говорить о создании специализированных хозяйств, сводить это в план—рано. Пока надо вести расчет на смешанное продовольственно-сырьевое хозяйство. Размахнешься слишком широко и ударишь по воздуху.

И погубернский план засева, и семенная разверстка **должны быть готовы** к середине января 1921 г. К этому **моменту Компрод должен подогнать оконча**ние основной заготовительной работы по предварительным разверсткам. После этого аппарат продорганов в трех четвертях своих сил **поворачивается на** работу по внутреннему перераспределению хлеба и по сосредоточению семенного фонда. Запаздывать с этим делом нельзя, так как семенной фонд в отдельных местах к весне может исчезнуть. План и разверстка, в сущности, нужны и еще раньше: передовые губернии начнут кончать продовольственную заготовку еще в ноябре—декабре. Для них придется, по крайней мере, выработать предварительные губернские задания.

При заготовке семян придется обратить **огромное внимание на правильную техническую постановку дела.** Надо, чтобы взятые государством семена не только не испортились, но чтобы они были выданы для посева в блестящем состоянии, чтобы производитель получил—если возможно—лучший материал, чем тот, который он обычно высевает. Для этого нужно поставить тщательное наблюдение над шутурой и др. качествами зерна при приемке; увеличивать разверстку при плохом качестве в целях отсортировки и последующего возвращения отсортированного брака; повышать качество семян добавлением к ним семенного материала, отсортированного из продовольственной заготовки и пр. Небрежная постановка этой стороны дела может сорвать всю операцию и надолго подорвать нашу сел.-хоз. работу.

Таков конкретный подход к плановому засеву и государственному семенному фонду. Теперь по вопросу о нормализации обработки. И здесь основные вехи намечены: выработка нормальной программы операций по образцу приемов старательного хозяина-середняка, с осторожными поправками на агрономическую азбуку; исключение всяких указаний, связанных с риском; отказ от сложных агрономических советов и от ломки единоличного способа обработки; об'явление нормальной программы операций государственной повинностью.

В развитие этих положений отметим, что в данном случае необходима особая осторожность в смысле излишней централизации и рационализации. Общегосударственный декрет по этому вопросу должен быть весьма скуп на положительные указания, ни в каком случае не **устанавливать конкретных норм, а только** предоставить право устанавливать их местным органам, исходя из местных хозяйственно-бытовых условий. Наоборот, он должен включать определенное воспрещение перегружать, усложнять, слишком конкретизировать норму и обеспечить контроль центра за соблюдением этих условий. Нужно, чтобы эта норма простая, ясная, и практическая, выдвигаясь не только из губернии в губернию, но даже из уезда в уезд, и вместе с тем, чтобы на местах *не было сделано в этом деле грубых* ошибок. Всего лучше вырабатывать такие нормы на специальных губернских с'ездах или совещаниях, под контролем центра.

Более сложные требования могут пред'являться или особо избранным районам, или образцовым хозяйствам (наприм., коллективам). Обязательная предпосылка—специальное наблюдение **и помощь со стороны государства.** Введение *общественной обработки* возможно также только с этими оговорками—там, где можно пустить в ход тракторы, электрические плуги и пр. Для массы же крестьянских хозяйств руководящей нитью является обязательное равнение на грамотного старательного хозяина. Большее—**«могий вместити да вместит»**, но это уже сверх плана или по специальным показательным планам.

Тов. Н. Богданов в № 205 «Эк. Жизни» *выразил сомнение в том, чтобы* **государственное принуждение можно было** распространить на методы обработки. Язвительно упомянув о «неких начальниках», **т. Богданов заявляет: «расширение посевной площади, обязательный засев полей красноармейцев,** введение трудовой повинности **посевания...—вот, примерно, все рецепты**, которые можно применить приказом... **Производственные процессы...—трудовые** процессы и, как таковые, они зависят от соотношения целого ряда элементов организации индивидуального крестьянского хозяйства, от **соотношения рабочей силы и едоков хозяйствующей** семьи».

Мы совершенно не понимаем, какое отношение этот «целый ряд элементов» имеет к такому, напр., правилу: **паши под пар в апреле, а не в мае.** Вспашку каждый пахарь при всех «элементах» делает; хороший хозяин сделает ее раньше; агроном давно втолковывает это рядовому крестьянину, как простой и верный способ повысить урожай. Почему же нельзя сделать этого обязательным правилом? И таких простых, почти всем середнякам доступных приемов имеется целый ряд. **Их-то и надо зафиксировать в виде обязательной нормы, внимательно считаясь с хозяйственно-бытовыми условиями**, т.-е. учитывая «элементы» т. Богданова, считаясь с средним уровнем этих элементов.

Наконец, если эти «элементы» сочетаются в отдельных хозяйствах неблагоприятно, надо пустить в ход мирскую **помощь на основе трудовой повинности** (что т. Богданов почему-то считает возможным лишь для семей красноармейцев) и, наконец, всяческую **помощь государства**. На что же иначе совхозы, колхозы, прокатные пункты и проч. учреждения наркомзема? Они-то, ведь, и должны стать в период **сельской кампании плановного, нормализационного засева и обработки опорными пунктами, техническими базами всей работы. Тут** только они найдут свое призвание.

Кстати, о совхозах и коллективных хозяйствах. Многим может показаться, что, проводя государственное регулирование крестьянского хозяйства, мы их сводим на смарку и оставляем в тени. Такое понимание было бы глубоко неправильно. Организация кампании, намечаемой нами, предполагает сосредоточение на них строжайшего внимания (и не только наркомзема, но всех втянутых в работу общественных сил), особую заботу о них и всестороннее их использование и укрепление. Совершенно конкретно это уже наблюдалось весной и летом настоящего года в Тульской губернии.

На совхозах и колхозах испытываются высшие звенья планового засева (здесь проводится, например, специализация хозяйства применительно к районам); тут особенно демонстрируется дальнейшая ступень посевного плана— многополье; тут—в колхозах—обязательно проводится наивысшая нормальная программа обработки; здесь пускаются в ход в первую голову тракторы и электро-плуги. Для всего этого они должны тщательнейшим образом быть снабжены орудиями и средствами производства. Но и спрос с них должен *быть большой*.

В то же время совхозы являются опорными пунктами и техническими базами—отчасти семенной заготовки, затем введения в дело улучшенного инвентаря, штабами производственной сельско-хозяйственной пропаганды (которая сама собой, в огромных размерах и в практической постановке, развернется в ходе кампании. Они будут также опорными точками политически-организационного аппарата кампании: к ним будут привязаны районные или участковые бюро, ведущие работу.

Совхозы и колхозы своего значения не теряют, не меняют свою функцию. Они должны быть, прежде всего, уделами государственного регулирования и ударными, образцовыми хозяйствами. А взгляд на них, как на «зерновые фабрики», прибегающие от продовольственного кризиса или как на магниты, привлекающие крестьян в лоно социализма, надо оставить.

Характеристику организационного аппарата для проведения кампании мы отложим для другой статьи. В заключение—о мерах проведения в жизнь обязательных планов и норм.

Т. Богданов в цитируемой статье сомневается в действительности «боевых приказов» и предлагает использовать в качестве стимулов только «рынок в современной его форме» и «премию» (правда, с добавлением «штрафных нарядов»). Мы полагаем, что для реализации обязательных планов и норм нужно применять и государственное принуждение, и премирование (но не по способу т. Богданова).

Курс на старательного хозяина одновременно является и курсом против лодыря. Меры репрессии против последнего, и притом, вполне действительные, возможны и необходимы. Таковыми могут быть и «штрафные наряды» т. Богданова, и имущественные взыскания вплоть до отобрания своего имущества за злостное расточение семян, сознательное невыполнение государственной программы и пр., с передачей имущества старательным хозяевам-беднякам. Меры взыскания, особенно наиболее серьезные, должны накладываться в судебном порядке, для чего можно создать особые сессии ревтрибов—по образцу продовольственных сессий. Тяжесть удара должна, понятное дело, ложиться только на злостных саботажников-кулаков или определенных спекулянтов.

Наоборот, хозяйственного крестьянина можно «заинтересовать премией». Помимо преимущественного снабжения товарами деревень, выполнивших посевную разверстку и правильно обработавших землю, можно ввести повышенные для них потребительской нормы при выполнении продовольственной разверстки. При плановом засеве и близком руководстве государства обработкой земли получается для этого возможность, как в виду повышения сбора, так и в силу того, что **становится возможным правильный учет площади посева и урожая.** Это, кстати сказать, огромное преимущество планового засева и нормализации обработки. Продовольственная разверстка станет на прочный фундамент производственного учета, станет более справедливой и гибкой. И на пробе к системе продовольственного налога, мы сможем тогда провести потребительское премирование лучших хозяев.

Н. ОСИНСКИЙ.

О борьбе внутри итальянской социалистической партии.

В № 213 «Правды», от 25 сент. 1920 г., было напечатано мое небольшое «письмо к немецким и французским рабочим по поводу прений о втором конгрессе Коммунистического Интернационала». «Avanti» («Вперед»), центр. орган итальянской социалистической партии, от 5 октября, перепечатывая это письмо, снабдил его замечаниями, на которых стоит остановиться, ибо они наглядно показывают неправильность позиции, занятой товарищем Серрати, редактором «Вперед».

«Об'яснения Ленина,—читаем мы,—до известной степени смягчают драконовские *условия, продиктованные товарищами*, которые не вполне в состоянии правильно оценить людей и обстоятельства на таком расстоянии и при таком отличии обстановки»...

...«Ленин *оставил одну свою добычу*: Модильяни»...

...«Теперь Ленин говорит,—не знаем, от своего ли имени или от имени Исполкома Комм. Интернационала,—что допускаются и «из'ятия» (из общего правила, с согласия Исполкома).

Иронические замечания насчет «добычи», в виде которой должен фигурировать Модильяни, один из реформистов, попадают мимо цели. Вопреки мнению Серрати, мое неупоминание имени Модильяни (и Ленина) отнюдь не является умышленным. Те или другие имена взяты мной в виде примера, для характеристики направления, а вопрос о тех или иных отдельных лицах я оставил и оставляю в стороне, не берясь решать его, считая его второстепенным, удаленным на допустимость из'ятий. Вопреки заявлению Серрати, он отлично знает (ибо он ссылается точно на мою статью в «Правде»), что я говорю и могу говорить **только** от своего имени, никоим образом не от имени Исполкома.

Своими замечаниями Серрати отводит читателей «Вперед» в сторону от главного, основного, существенного вопроса: от вопроса о том, допустимо ли оставлять теперь в итальянской партии революционного пролетариата реформистов. Серрати прикрывает неправильность занятой им позиции, стараясь отвлечь внимание от существенного на второстепенное и неверное.

Против этого надо бороться. Существенное надо выяснить.

*Серрати и в данной заметке и в дру*гих статьях говорит о недостаточной осведомленности московского конгресса (II конгресс Комм. Интернационала) насчет итальянских дел. Будто бы, суть не в борьбе двух коренных направлений, не в решении коренного вопроса о допустимости «единства» с реформистами, а в разногласиях насчет того, о чем «Москва» не точно осведомлена!

Вопиющая неправильность этого взгляда—и этой попытки отвлечь внимание от главного—разоблачена всего лучше официальным отчетом о прениях **внутри Цека** итальянской соц. партии. Прения эти состоялись всего за несколько дней до выхода названного номера «Вперед», именно: **28, 29, 30 сентября и 1 октября в Милане.**

Прения эти закончились голосованием двух резолюций, из которых одну можно назвать коммунистической, другую— «центристской» или уклончивой или защищающей в скрытой форме союз («единство»!) с реформистами. Первая победила, собрав 7 голосов (Террачини, Дженнари, Роджент, Тунтар, Казуччи, Марциале и Беллоне); вторая была отклонена (5 голосов: Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Серрати).

Первая отличается замечательной ясностью и точностью. Она начинается указанием на то, что «теперешние условия» итальянской революционной борьбы требуют «большей однородности» партии. Далее говорится, что в партии позволили остаться всем под условием подчинения дисциплине и что это условие не выполнено; что ошибочно ждать подчинения дисциплине со стороны тех, кто имеет убеждения, противоположные принципам и тактике III Интернационала; что поэтому, приняв 21 пункт московских условий, надо провести «радикальную чистку» партии, **удалив** из нее реформистские и оппортунистические элементы.

Тут нет ничего, нет частностей. Тут ясная политическая линия. Тут точно указаны мотивы решения: конкретные факты истории партии в Италии, конкретные особенности ее революционного положения.

Вторая резолюция—образец уклончивости и худой дипломатии: 21 пункт признается, но признано, что «эти условия допускают возможность сомнительных толкований», что «необходимо сообразовать политический критерий каждой секции III Коммун. Интернационала с историческими условиями и с конкретными фактическими особенностями **данной страны, сами же из** [illegible] же Интернационала; резолюция подчеркивает «необходимость сохранить единство итальянской социалистической партии на основе 21 пункта»; отдельные случаи нарушения дисциплины должны строго наказываться центральным комитетом партии.

Коммунистическая резолюция говорит: революционное положение требует большей однородности партии. Это бесспорно. Резолюция защитников «единства» с реформистами пытается обойти эту бесспорную истину, не решаясь оспорить ее.

Коммунистическая резолюция говорит: особенность Италии в том и состоит, что условие подчинения реформистов решениям партии **оказалось неисполненным.** В этом гвоздь дела. Раз так, то оставлять реформистов в партии **при обострении** общего революционного положения, даже, может-быть, накануне решающих революционных битв, **не только ошибочно, но и преступно.**

Верен факт или нет? Исполняли реформисты решения партии, подчинялись ей на деле, проводили ее политику или нет? Резолюция защитников реформистов не может ответить утвердительно, не может оспорить отрицательного ответа коммунистов и уклоняется от ответа, вилят, вертится, ссылается вообще на различные конкретные особенности различных стран, ссылается на них **для того**, чтобы важнейшую «конкретную особенность» именно Италии, именно в данный момент обойти и представить в ложном свете. Ибо эта конкретная особенность Италии как раз состоит в том, что реформисты уже оказались на деле неспособными исполнять действительно решения партии, проводить на деле ее политику. **Прозвана [illegible]** ков единства с реформистами побивает себя целиком.

Серрати, Баратоно, Занарини, Баччи и Джакомини уже доказали этим с полнейшей очевидностью и бесспорностью, что они в корне неправы, что их политическая линия в корне неверна.

И прения в Цека итальянской партии еще более вскрыли эту полную неверность линии Серрати. Коммунисты как раз указывали на то, что реформисты, оставаясь тем, что они есть, не могут не саботировать революцию, как они саботировали уже *во время недавнего революционного движения итальянских рабочих*, захватывавших фабрики.

Ведь в этом весь гвоздь вопроса! Как же можно готовиться к революции, идти навстречу решающим битвам, имея в партии людей, саботирующих революцию? Это не только ошибка, это—преступление.

И если Серрати рассчитывал, как он заявляет прямо в своем письме в «L'Humanité» от 14 октября,—на исключение одного Турати [*]), то и тут ошибка Серрати уже разоблачена **фактами**. Ибо итальянские реформисты не только собрали свой особый фракционный с'езд (в Реджио Эмилия 11 октября 1920 г.), не только повторили на нем все существенные из своих реформистских взглядов, не только устроили торжественнейшую овацию на этом с'езде Филиппу Турати, но и заявили устами Тревеса: «Либо останемся в партии, либо выйдем из нее все». Отметим кстати, что буржуазная пресса и сами реформисты старались всячески раздуть значение своего фракционного с'езда, но в «Avanti» от 13 октября (миланское издание) читаем прямо, что реформисты собрали представителей всего *от 200 секций партии*, которая насчитывает их **тысячи!**

Но остановимся подробнее на главном доводе Серрати по существу вопроса. Серрати боится раскола, ослабляющего партию и в особенности профсоюзы, кооперативы, муниципалитеты. Не разрушить этих учреждений, необходимых для строительства социализма,—вот основная мысль Серрати. «Где возьмем мы,—говорит он («Avanti» 2 октября 1920 г., туринское издание),—столько «коммунистов», хотя бы и самых пламенных коммунистов вчерашнего дня для того, чтобы занять все те общественные посты, с которых мы прогоним людей по предложению Террачини?» И та же самая мысль в редактируемом товарищем Серрати журнале «Коммунизм» (№ 24, с. 1627), в статье Серрати о 2-м конгрессе III Интернационала: «Представьте себе миланскую коммуну (т.-е. городское хозяйство Милана), управляемую *некомпетентными* людьми, новичками, выдающими себя со вчерашнего дня за пылких коммунистов!»

Серрати боится разрушения профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов, неумелости и ошибок новичков.

Коммунисты боятся саботирования революции реформистами.

Это сопоставление показывает принципиальную ошибку Серрати. Он все время повторяет одну мысль: о необходимости **[illegible]** направо, а надо тянуть налево при данных итальянских условиях. Чтобы успешно совершить революцию и отстоять ее, итальянская партия должна сделать еще известный шаг налево (нисколько не связывая себе рук и не забывая, что обстоятельства впоследствии очень могут потребовать известных шагов направо).

Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии. *Это соображение решающее.* Сравнивать с этой опасностью опасность «потери» или неудач, ошибок, краха профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов и проч. просто смешно, и не только смешно, а преступно. Рисковать всей судьбой революции из-за соображений о том, не будет ли неудач с городским хозяйством Милана и т. п., значит совершенно растеряться, совершенно не понимать коренной задачи революции, совершенно не уметь подготовить ее победу.

Мы в России сделали тысячи ошибок и потерпели тысячи крахов, потерь и пр., вследствие неумелости новичков и некомпетентных людей в кооперативах, коммунах, профсоюзах и пр. Мы не сомневаемся, что другие народы, более цивилизованные, сделают меньше таких ошибок. Но, несмотря на эти ошибки, мы достигли главного: завоевания власти пролетариатом. И эту власть отстояли 3 года.

Ошибки, указываемые т-щем Серрати, суть частности, поправимые в миллион раз легче, чем «ошибки», допускающие саботаж революции меньшевиками и срыв самой революции. Это ясно само собою. Это наглядно показала Венгрия. Это подтвердил и наш опыт, ибо за три года пролетарской власти в России много раз бывали трудные положения, когда капитализм был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии или хотя бы даже в более или менее значительном числе внутри центральных советских учреждений вроде Ц. И. К.

Серрати не понял особенности того переходного момента, который имеется налицо в Италии, где по общему признанию дело идет к решающим битвам пролетариата—буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, турратистов из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов.

Приведу наглядный пример. Перед самой октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Для итальянских рабочих полезно напомнить эту ошибку. Такие виднейшие большевики и коммунисты как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Милютин проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». **[illegible]**

*) Вот главное место из этого письма: «Мы все стоим за условия Москвы. Речь идет об их применении. Я утверждаю, что надо очистить партию от вредных элементов—и я предложил исключить Турати— и что мы не должны терять массы синдикатов (профсоюзов по русски) и кооперативов. Другие хотят радикального раскола. Вот в чем расхождение». («L'Humanité» от 14 октября. Курсив Серрати).

Три года революции и крестьянство.

Три года власти—срок короткий, можно сказать, младенческий и вместе с тем за эти три года русское крестьянство политически выросло, пожалуй, больше, чем за последние сто лет.

Три года тому назад крестьянские массы, в особенности крестьяне-малороссы, с удовольствием прислушивались к большевистским лозунгам, выгодным крестьянству: захват помещичьей земли, прекращение войны,—лозунгам заманчивым и издавна привлекающим крестьянство.

Это была первая полоса революционного развития масс деревни.

Второй период,—полоса уравнительности,—начинается с половины восемнадцатого года, когда крестьяне, в большинстве своем уже расправившись с помещичьими землями, их постройками и инвентарем, перешли к уравнительному переделу внутри самих крестьянских общин. Начался передел земли, введение контрибуции на местных кулаков, отнятие инвентаря, одним словом, беднота и середняк стремились и с кулаками разделаться так же, как с помещиками. Высшим проявлением этих настроений были комитеты бедноты.

Но кулачество оказалось более устойчивым, чем помещичий класс. Оно ответило борьбой против захвата его имущества, против разорения. Каждое незаконное, с прежней юридической точки зрения, решение комитета бедноты или просто местного бедного населения, каждая небольшая реквизиция или конфискация вызывала невероятный вой состоятельной крестьянской среды. Этим воем заразился середняк, который стал опасаться, что после кулаков дело дойдет до него. Крик этот был настолько громок, что в Советской России одно время создалось впечатление, что идет буквально грабеж и произвол бедноты над трудовым более или менее состоятельным населением. По существу же кулачество во многих местах было сильней бедноты, если не численностью, то несравненно сильнее физически и привычкой распоряжаться и управлять.

Процесс, который происходит в настоящее время,—распределение земли в соответствии с лучшим ее использованием,—можно назвать третьим периодом революционного развития крестьян. В этот период у крестьян наблюдается стремление разделить землю на такие участки, границы которых совпадали бы с наибольшей выгодой их использования.

Политика Наркомзема вполне соответствует указанным периодам революционного перерождения деревни. Сначала борьба за землю, а затем лучшее ее использование, стремление сделать отдельные индивидуальные хозяйства с экономической точки зрения наиболее целесообразными, наиболее выгодными для производства.

Надо признаться, что указанные формы землепользования,—уравнительный раздел и более или менее целесообразное округление обрабатываемого участка,—не ведут крестьянские массы к коммунизму.

Лишь организация коммун и совхозов есть начало обобществления производства, но условия для их развития были очень неблагоприятны и, поэтому, если бы развитие коммунистического строительства деревни опиралось только на организации коммун и совхозов, то это развитие затянулось бы на большие десятилетия. Но советский строй пробивает все новые и новые пути, открывая деревне и крестьянским массам новые возможности, не учитывавшиеся раньше. Если Наркомзем подходил все время к крестьянской общине со стороны землеустройства, для улучшения производства, то Наркомпрод к этой крестьянской общине подходит с противоположной стороны, отбирая результаты этого производства. Наркомпродом в этом отношении проделаны огромные изменения в головах крестьянских масс. Общение органов Наркомпрода с крестьянским населением по вопросам, их глубоко задевающим, как отбор хлебных излишков, мясная, масляная, яичная повинности, получение предметов первой необходимости из органов Наркомпрода, наконец, связь крестьянских кооперативов опять-таки с органами Наркомпрода,—все это, несомненно, дает огромный толчок к пробуждению политического сознания крестьянина.

В начале крестьянские массы очень враждебно относятся к Компроду, стремясь всеми способами избежать падающей на них разверстки, жалуясь, что он расстраивает их хозяйство. Действительно, будучи часто технически несовершенны, местные органы Компрода дают своей неуклюжестью имеющих излишки. Но эта отрицательная сторона покрывается тем, что через политику Наркомпрода крестьянин на практике начинает знакомиться с советским государством. Крестьянин высоко ценит свои продукты, гораздо выше, чем они действительно стоят, и потому он, вынужденный подчиняться разверстке, начинает ретиво смотреть, как и куда идут его продукты.

При всем его желании найти моральное оправдание неподчинению наложенной на него разверстке, он его не находит, и чем внимательнее, чем дальше начинает видеть его взор, тем положительнее, тем понятнее является ему твердость власти в этом вопросе.

И уже признав моральную правильность разверстки, он начинает замечать дурные стороны способов отбора излишков, что для Советской власти, кроме пользы, конечно, ничего не приносит.

Таким образом, в общем и целом Наркомпрод выполнил тяжелую работу внедрения в распыленные массы мелких производителей понимания государственности. Действительно, ни одно учреждение, ни одно ведомство не заставило так много думать крестьян о государстве, как Наркомпрод. Это понятно, если судить по тем результатам, которые мы имеем за эти три года, когда количество получаемого хлеба и других излишков увеличивалось в несколько раз. Органы Компрода все более густою сетью своих учреждений покрывают деревню, все сильнее втягивая ее в общегосударственный обмен.

Разумеется, пока лишь принуждение органов власти заставляет крестьянина выполнять требования Компрода, ибо Компрод почти не имеет у себя предметов производства городской промышленности. Но с увеличением товаров для обмена в руках Компрода, несомненно, усилится и его влияние на крестьянина, как на производителя. Это усиление проявится не только в смысле большего получения излишков от сельского хозяйства, но и улучшения самого хода производства.

Подводя итог за прошедшие три года, можно смело сказать, что за это время мысль крестьянина выросла более, чем за сто лет в прошлом. Конечно, Советская Россия слишком велика, и развитие ее идет постепенно от центра к периферии. Социалистическое сознание крестьянских масс растет полосами. Наиболее вперед ушло великорусское крестьянство северных и промышленных центральных губерний, которое обыкновенно имеет больше дела с органами Советской власти, сталкиваясь с ними и как рабочая сила, выполняющая для государства различные трудовые повинности.

Следующий пояс—это окраины Великороссии, где крестьянство сталкивается с Советской властью, как самостоятельный производитель, главным образом, предметов питания, где он целиком признал Советскую власть и где он стремится только как можно выгоднее сдать продукты своего производства органам Советской власти. И, наконец, третий, последний пояс—это Украина, находящаяся в периоде 17 года, которая переживает первую эпоху революционного развития. Конечно, Украина пройдет гораздо быстрее путь революционизирования, с меньшими ошибками, благодаря тому опыту, который имеет Северная Россия.

Можно смело сказать, что прошедшие три года укрепили Советскую власть не только на вражеских фронтах, но и на внутреннем, на крестьянском, дали твердую опору Советской власти в проведении новых начал, в приближении крестьянских слоев и их хозяйства к коммунистическому хозяйству.

М. КАЛИНИН.

Революция продолжается.

Третья годовщина совпадает с близким концом революционной борьбы. Мы сейчас на баррикадах Перекопа. По одну сторону наступают трудящиеся со знаменем социализма, общественного труда и общего блага. По другую отступают вампиры со знаменем капитализма, эксплоататорского угнетения и блага своего кармана. Это конец первого периода великой трехлетней борьбы. Победа ясна. Победа близка.

Наша рабочая республика не собирается считать свои задачи выполненными. Все наши силы уже сейчас устремляются на хозяйство и производство. Производственными становятся профсоюзы. Великая годовщина застает на переломе и нашу партию—она становится производственной.

Революции предшествовала и ей сопутствует агитация и пропаганда. За короткий период мы опрокинули в сознании масс не мало устоев старого мира, но наша главная задача—построить свой новый мир.

Это не будет мирным строительством. Перед нами ожесточенная борьба с еще не сломленными устоями старого мира, с привычкой и умением строить хозяйство, рассчитанное на хозяина и его эксплоататорские приемы и интересы. За три года революция победно ввела социализм в политические формы и в правовые взаимоотношения. Она уничтожила господство буржуазии и право собственности на орудия производства. Сейчас перед нею грандиозная задача ввести социализм в технику производства.

Великая годовщина совпадает с началом этой последней стадии революционной борьбы. Нашей дальнейшей агитацией в Европе и Америке должны быть формы нашего труда и его результаты.

Перед самой партией сейчас стоят задачи, в которых нужно отдать себе ясный отчет. Конечно, мы можем наметить только основные моменты производственной пропаганды. Лишь в процессе работы можно будет оформить всю грандиозность стоящей перед нами задачи.

Первое. **Производственная пропаганда не должна быть аполитичной.**

Аполитичность производственной пропаганды, если стать на этот скользкий путь, следуя спецам, которые говорят, что они за советское строительство, но вне политики, может обессилить эту пропаганду и отклонить ее от ее назначения, точно так же, как проповедуемая аполитичность профессионального движения, выдвинутая в свое время зубатовцами разного толка и болезненно нами изжитая. Необходимо, чтобы каждый производственный процесс рассматривался в политической обстановке, чтобы рабочему было ясно, что [illegible] сложным подъемным краном управляет власть трудящихся.

Необходимо, чтобы каждый производственный вопрос ставился в рамки нашего политического бытия, чтобы производственные вопросы рассматривались не по аналогии с средой господства буржуазии, частных заводов и конкуренции, а в условиях власти трудящихся, планового хозяйства и пролетарской солидарности.

Политический фон производства должен быть выявлен определенно и резко, чтобы через производственную пропаганду для трудящихся выявилась ценность их политических завоеваний.

Производственная пропаганда призвана не уничтожить политическую пропаганду и, следовательно, политические органы пропаганды, а только подвести прочный фундамент под последние, создать для них новые горизонты, дать им новые методы и приемы и, таким образом, расширить и углубить их.

Второе. **Производственная пропаганда должна быть глубоко-социалистической.** Нужно, чтобы трудящиеся выработали себе определенное производственно-социалистическое миросозерцание, чтобы красной нитью через всю производственную пропаганду проходила тенденция, что социализм не только улучшает экономическое благосостояние трудящихся, но и является мощным фактором прогресса самого производства, что социализм по природе своей является высшей формой производства и что социализм побеждает не потому, что он является итогом социальной справедливости, а главным образом потому, что в истории культуры низшие производственные формы хозяйства неизбежно заменяются высшими, что социализм дает простор технике, которая, благодаря индивидуальности капиталистического производства, стала неестественно задерживаться в своем росте, ибо по своему грандиозному размаху переросла анархические рамки капиталистического строя с его пауперизмом и ограниченностью потребления. Социализм должен, таким образом, стать для рабочего не предметом философии и морали, как подходят к нему теперь наши политработники, а вопросом развития его фабрики, его завода.

Этот метод производственной пропаганды должен быть проведен так, чтобы становилась всем ясной разница между капиталистическим и социалистическим паровозом, плугом, гвоздем, чтобы стало ясно, что только созданные в социалистическом обществе они из орудий угнетения станут опорой первого пролетарского века—начала нового ренессанса человечества.

Третье. **Производственная пропаганда должна выявить коммунизм производства, к которому мы идем через политику и социализм, тот будущий коммунизм производства, который дает возможность работать без власти, и без принуждения, который в обстановке высоко развитой технической и умственной культуры действительно совершенно раскрепостит человеческий труд.** Сюда относится пропаганда всех великих технических усовершенствований и открытий, намечаемых, но еще неосуществленных. Эти красивые линии и сочной картины грядущего коммунизма производства с наименьшей затратой труда могут создать благоговейную любовь к культуре производства, как великому светочу трудового освобождения масс.

Четвертое. **Нормализация производства является той областью производственной пропаганды, в которой должна выразиться особенно полно и рельефно воля трудящегося к обобществлению самого процесса производства.** Все производственные процессы должны пропагандироваться, как нормализованные. «Нормализованная гайка есть хороший кусок социализма»—этот тезис тов. Троцкого можно расширить в обратном порядке, вызвав в сознании масс сейчас еще совершенно не осознанное понятие: социализм — это нормализованное производство.

Только нормализация, уничтожая индивидуализм в технике, дает возможность развить социалистическую, а через нее и коммунистическую технику производства и следовательно все производственные процессы должны пропагандироваться с точки зрения нормализации, как альфы и омеги пролетарского строя.

Пятое. **Производственная пропаганда должна окончательно отвратить трудящихся от капиталистического строя.** Она должна быть во всех своих частях направлена против этого строя, рассматривая производство капитализма, как хищническое, ведущее к пауперизации масс, неспособное удовлетворить потребности широкого потребления и вызывающее вырождение трудящихся.

Рабочие, изучая производство во всех областях, должны научиться смотреть на капиталиста с ненавистью, усвоить себе, что капиталист из организатора производства превратился в его дезорганизатора, уничтожающего путем борьбы в своей среде производительные силы, что борьба капиталистов друг с другом явилась борьбой с самим производством, борьбой, которая в своем злостном развитии дала нам мировую войну. Эту борьбу нужно проследить во всех производственных процессах. И только тогда рабочие действительно воспитают в себе, наряду с ненавистью к капитализму, любовь к социализму.

Шестое. **Любовь к производству, воля к производству—должны быть целью производственной пропаганды.** Здесь нужно вызвать стихийное, героическое движение, нужно создать тягу к производству,—движение, требующее такой же веры, самоотверженности и самоотречения, как борьба на фронтах. Только тогда, когда станет ясно, что без закрепления производственных позиций все наши военные победы бледнеют и исчезают, когда станет ясно, что все наши пути ведут в Рим производства, тогда появится революционная психология производственника, тогда рабочие перестанут принимать следствие за причину и, благодаря этому смешению, видеть зло не там, где оно таится. Нам нужно освободить их от гипноза недостатка сырья и продовольствия и сделать ясным, что это не причина, а следствие того же расстройства производства.

Нужно выяснить трудящимся, что и канцелярская волокита, о которой трудящиеся много совершенно справедливо говорят с пеной у рта, исчезнет, когда производство [illegible]: чем больше будет гвоздей, тем [illegible] получить. Количество канцелярской бумаги неизбежно обратно пропорционально количеству произведенного хлеба и металла. Такая агитация дает выход [illegible] производственному подъему. Но от этой неизбежной канцелярщины нужно резко отделить всю канцелярщину, задерживающую производство.

«Социализм—это учет», этот тезис т. Ленина должен быть дополнен: социализм—это учет не только орудий и продуктов производства, но самого производства, его наиболее разумного применения, рассчитанного не только на сбережение продуктов труда, но на обновление всего трудового строя, где наряду с усилением его продуктивности должно идти упрощение его форм. Это должно заставить каждого рабочего углубиться в трудовые проблемы, это должно заставить наших высших строителей подойти наново ко всей системе работы подчиненных им советских барышень. Это должно стать источником активной работы наших партийных товарищей в целях правильного создания той государственности, которая приведет к сегодняшнему социализму и завтрашнему коммунизму.

В великий торжественный день годовщины великой борьбы перед нами во всем своем величии стоят новые громадные задачи, осознанные и ясные. Понять их, это [illegible] их осуществить, но они осуществимы только массовым революционным порывом. Мы сейчас поднялись на следующую ступень. Наша революция продолжается.

Я. ШАТУНОВСКИЙ.

Честь красноармейцу.

Красноармеец, Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон,
Не ты-ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов—без корон?

—

Вся биржа бешено играла
«На адмирала Колчака».
Где он теперь, палач Урала?
Его жестоко покарала
Твоя железная рука!

—

Деникин? Нет о нем помина.
Юденич? Вечный упокой.
А Русь советская—едина.
Сибирь, Кавказ и Украина
Защищены твоей рукой.

—

Ты сбавил спеси польской своре,
Сменив беду полубедой.
Кто победит, решится вскоре.
Пока-ж—ты мудро доброй ссоре
Мир предпочел полухудой.

—

Ты жаждешь подвига иного:
Рабочей, творческой страды.
Где места нет у нас больного?
Пора, дав жить тому, что ново,
Убрать гнилье с родной гряды.

—

Но—есть еще одна корона,
Досель не сбитая тобой,
[illegible] всходов новых оборона,
Ты на последнего барона
Теперь идешь в последний бой.

—

Под наши радостные клики
Хвалой венчанный боевой,
Гроза всех шаек бело-диких,
Ты—величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

—

Герой, несущий гибель змею,
Твоих имен не перечесть.
Тебе, Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею,
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь!*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Строители России.

Трехлетнее существование Советской Республики, ее оборонительная борьба против всех об'единенных сил старого мира, представляется многим иностранцам чудом, и может быть не столько нам, сколько нашим иностранным товарищам захочется поближе всмотреться в образы тех людей, которые строили это чудо—Республику. О Ленине, Троцком, Зиновьеве и других говорилось много были и небылиц. Но очень мало говорилось о рядовых строителях. Мне хочется к трехлетней годовщине извлечь из своих встреч и впечатлений несколько портретов рядовых строителей Советской России. Предупреждаю: это не гениальные, не исключительные, это средние, уездные работники, на которых держатся партия и Советская власть.

1. ПРИВЕТ ИЗ-ЗА ГРОБА.

Мне хочется начать с одного, которого уже нет в живых. Это—уральский рабочий Иван Кутасов.

Год тому назад я получил от него привет из-за гроба. Пришел ко мне один человек, спасшийся от колчаковской виселицы, и рассказал, что он, вместе с Кутасовым и другими, перенес в колчаковской тюрьме муки предсмертного томления. Кутасов и другие получили смертный приговор военно-полевого суда. Ему оставалось жить несколько часов, и в эти часы, обратись к товарищам по камере, Кутасов сказал: «Когда Урал снова станет свободным, когда вернутся на Урал старые уральские партийные работники, разыщите тов. Сосновского и передайте ему, что я, умирая, ни на одну минуту не сомневаюсь: наше дело победит. Привет всем уральским товарищам по борьбе».

Кутасов не был исключительным борцом или работником. Он был рядовой [illegible] рабочий, каких много по Руси. Но было в нем что-то такое, что заставило даже одного писателя из «Новой Жизни», в те дни, когда «Новая Жизнь» занимала самую [illegible], непримиримую позицию в отношении к большевикам, написать восторженный отзыв о Кутасове.

Дело было так. Сотрудник «Новой Жизни», возвращаясь из Сибири, в вагоне познакомился с Кутасовым. Разговорились об уральских делах, и Кутасов рассказал историю, которая достойна самого серьезного внимания. Кутасов жил и работал в Нижне-Петровском заводе. Этот завод принадлежал английскому акционерному обществу. В 1914 году, в начале войны, нижне-петровские рабочие устроили почти восстание против царской и заводской администрации. В наказание английские акционеры закрыли завод и обрекли рабочих (всех поголовно местных коренных жителей) на голодовку. И вот месяца за два, за три до октябрьского переворота Иван Кутасов и несколько других рабочих решили, что интересы России требуют пуска этого завода. Началась агитация среди рабочих, которая встретила самый горячий отклик. Откликнулись не только те рабочие, которые должны были работать в Нижне-Петровском заводе, но также нижне-петровские железнодорожники, из среды которых и вышел Кутасов. Все легальные способы, ходатайства о пуске стоящего завода ни к чему не привели. Тогда возникла мысль пустить этот завод самочинно. Так как не было оборотных средств, то рабочие, во-первых, сложили свои скудные крохи, сбережения, а, во-вторых, обязались круговой порукой не брать заработной платы в течение нескольких месяцев, пока завод не встанет на ноги. Людей, топлива и всего прочего оказалось достаточно.

Уральский Областной Совет (запомните, что это было еще при Керенском) благословил нижнепетровцев на самочинный пуск завода. Но это было покушение на священное право собственности, да еще собственности иностранного капитала.

Вскоре после этого мы получили как-то от пермского губернского комиссара об'явление в рассылку, из которой явствовало следующее: по ходатайству английских акционеров через российское министерство иностранных дел Керенский предписывает возбудить преследование против злоумышленников, позволивших себе вести агитацию за самочинный пуск завода и собирать на эту явно преступную цель деньги по подписке. Фактически это была **первая в России национализация завода еще до Советской власти**, и организатором, душой этого предприятия был покойный Кутасов.

Вот эту-то повесть о борьбе рабочих за право распоряжаться заводом и поведал Кутасов сотруднику «Новой Жизни», и тот, заканчивая свою статью, в раздумье писал: вот такими-то людьми и держится большевистская партия, это и есть настоящий хозяин, строитель России.

Мне рассказали, что в нынешнем году, во время приезда тов. Троцкого на Урал, снова поднимался вопрос о закрытии Нижне-Петровского завода (уже по другим, чисто деловым техническим соображениям). Один старый рабочий с волнением рассказал представителям центра эпопею борьбы рабочих за пуск этого завода и заявил, что лучше Нижне-Петровского завода в России нет, и этот завод не может быть закрыт.

Кутасов был одним из достойнейших представителей уральских рабочих, с богатейшими задатками строителя, организатора, смелого, отважного. Он был схвачен Колчаком с оружием в руках и погиб, защищая дело рабочего класса.

2. ХОЗЯИН УЕЗДА.

Во главе одного уездного исполкома в чисто крестьянском районе с начала революции стоял рабочий Степанов. Стоило приглядеться к нему, как невольно вспоминался покойный Яков Михайлович Свердлов.

Та же железная рука, тот же железный голос, такое же громадное влияние на всех ближайших и тот же непререкаемый авторитет в глазах всех, с ним соприкасавшихся.

Был момент, когда, после проведения чрезвычайного налога в уезде и после ликвидации периода комитетов бедноты, крестьянство, при ослаблении нажима сверху, приходило на уездные с'езды Советов в очень взбудораженном настроении. На поверхность выплывал «беспартийный» элемент, который с большим успехом выступал против коммунистических списков. Так было и здесь. Уездный с'езд провел в исполком подавляющее большинство беспартийных и меньшинство коммунистов, но кандидатура тов. Степанова прошла единогласно и именно в председатели. И крестьяне, и обыватели очень любят рассказывать друг другу сплетни и слухи о личной жизни и поведении руководящих советских работников. Но деятельность и личная жизнь тов. Степанова были таковы, что к его имени никто не решался прилепить какие-нибудь слухи или сплетни, или даже намек. Для рабочих, для бывших людей из буржуазии, для крестьян, для интеллигенции имя Степанова означало величайшую справедливость, беспристрастие, непреклонность в борьбе и величайшую внимательность к интересам бедноты.

Степанов являл собою образец хозяина-строителя. Он не только успешно справлялся с текущей работой, об'единяя деятельность всех отделов и подотделов исполкома, зная решительно все, что делается в различных областях государственной хозяйственной деятельности уезда. Он с увлечением разрабатывал план строительства и перерождения жизни родного уезда на новых началах.

Время было тяжелое, голодное, смутное. Приходилось думать о том, как сводить концы с концами, как провести разверстку, мобилизацию, сбор налога и т. п. Но это не мешало Степанову разрабатывать план широкого благоустройства своего городка, план постройки громадной гавани у города, план создания в уезде промышленности, основанной на использовании местных богатств.

Когда вследствие распоряжения высших партийных инстанций Степанов должен был перебраться на губернскую работу, по всему уезду пронесся вопль. Партия и крестьяне готовы были чуть ли не «с оружием в руках» добиваться оставления Степанова в этом городе. Чувствовалось, что с уезда сняли голову, и голову незаурядную.

Когда я всматриваюсь к руководителям многих наших центральных государственных и хозяйственных учреждений, мне совершенно ясно, что такие люди, как Степанов, могут с полным успехом заместить почти любого из них и справиться гораздо успешнее с этим делом.

3. ХОЗЯИН.

В отличие от Степанова, олицетворяющего собою твердую руку пролетария-строителя, другой строитель—Панков сочетал в себе черты пролетария и мужичка.

От пролетария в нем—дисциплина, мужество, выдержка, широкий кругозор. От мужичка—хозяйский глаз, практицизм, житейская мудрость, тонкое знание российского и особенно крестьянского быта.

Везде и всюду первые дни революции больше всего приковывали внимание работников к борьбе и разрушению старого строя.

Но строители, в роде Панкова, с первых же минут занялись хозяйством, собиранием и упорядочением наследства, оставшегося народу.

Панков старательно оберегал от разгрома помещичьи усадьбы, собирая лучший скот в советские экономии и коммуны.

На людей из класса бывших господ он тоже смотрел хозяйским глазом: на что бы они могли пригодиться?

Мне передавали, что почти с первых дней революции Панков в своем городе использовал бывшего городского голову, дав ему дело в канцелярии исполкома, где тот скоро украсил все стены интересными диаграммами и таблицами, наглядно выясняющими все хозяйство уезда и состояние разных отраслей жизни.

Он же, как мне рассказывали, пристроил некоего бывшего помещика, молодого гвардейского офицера, потерявшего на войне ногу, в качестве заведующего советскими конюшнями, использовав влечение этого человека к конскому спорту и знание лошадей.

Другую помещицу-старушку он приспособил к советскому птичьему хозяйству.

Мне говорили, что ежедневные доклады бывших господ бывшему рабу о состоянии вверенных им птиц или лошадей заслуживали большего внимания, как кусочки нового быта.

Хозяин-строитель—он ко всему подходил с меркой хозяина-строителя.

Вот женский монастырь. Для большинства уездных коммунистов это—просто воронье гнездо, подлежащее разгрому.

Для Панкова это—хозяйственный коллектив с разносторонней громадной производительностью. Это—пчелы, от которых надо прогнать трутней-паразитов.

— Мы вместо них устроим коммуну,—заявляют «боевые» коммунисты.

Панков убеждает их организовать в коммуну тех же тружениц-монахинь. Во-первых, лучше их и больше их никто не дает нам капустной рассады, овощей, молочных продуктов и яиц. Во-вторых, куда же пойдут эти бесприютные, одинокие труженицы, состарившиеся здесь в каторжном труде? В богадельни? в кусочки?

Я видел, как у этого крепкого и рьяного мужика навертывались слезы на глазах, когда он осматривал злосчастное обрушенное советское хозяйство или запущенный скот коммуны, и как он оживал, рассказывая о встреченной образцовой коммуне.

— Пчелки, истинные пчелки.

Не думайте, однако, что этот строитель погряз только в хозяйстве и чужд борьбе. Нет, он умел проявлять мужество и беспощадность в борьбе с контр-революционными кулацкими восстаниями. Однажды он попал в плен к дезертирской лесной банде, поднявшей восстание. Он был бы уничтожен, так как у него нашли партийные и советские мандаты. Но его спокойствие, находчивость, громадный авторитет и знание человеческой психологии его спасли, и он вернулся невредимым, сумев своей агитацией разложить единство настроений.

Мне не хватало бы места, если бы я захотел привести хоть часть моих впечатлений от встреч с этим превосходным мужиком-строителем.

Как он творил поистине Соломонов суд в запутанных земельных и семейных отношениях нашего [illegible] переходного быта! Какой огромный «следовательский» талант пропадает в этом человеке, умеющем двумя-тремя вопросами сломить бремя запирательства у опытного преступника.

Мне особенно нравилось, как он сурово устанавливал советские законы в [illegible] коммунистов новой формации.

— Разве вас для Ленина тому учит, чтобы пьянствовать да безобразничать? Разве так коммунисты [illegible]

И в воображении встает образ какого-то нового Ленина. Для [illegible] патриархальный старец-учитель, [illegible] Кто знает, может быть такой образ понятнее и [illegible], чем образ теоретика с программами и тезисами.

—

Для хозяина-строителя [illegible] до сих пор еще не доходило. Борец оттеснял строителя.

Но уж близится время, когда строительству откроется широкий, необ'ятный простор.

Здесь-то наши безымянные строители Степановы, Панковы и Кутасовы проявят свой коллективный строительский гений и покажут прежним бесчестным господам, каким цветущим, дивным садом может стать и станет изможденная прежними хозяевами убогая и обильная наша Русь.

Л. СОСНОВСКИЙ.

Новое в русской революции.

Наша революция, которая кладет конец «предыстории человечества» и открывает первые страницы его действительной истории, чрезвычайно интересна и поучительна своим гигантским, и притом совершенно новым, опытом. Если теперь открываешь, например, известную книжку Каутского о социальной революции, многое кажется там поистине детским лепетом. Тогда не было еще эмпирического материала для суждений о конкретных формах пролетарской диктатуры, да и о всех конкретных условиях ее проведения.

Социализм, рождающийся из хаоса мировой войны, на почве истощенного и обескровленного хозяйства, уже одно это давало и дает совершенно особый отпечаток развитию. Об этом думали только великие старики—Маркс и Энгельс. Об этом почти не думали жалкие эпигоны, будущие герои II Интернационала. И в этом смысле в русской революции все ново. Вот почему ни один серьезный революционер, будь он в Германии или в Аргентине, не пройдет мимо той гигантской лаборатории, которую представляет

того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель—самое большее через несколько месяцев—все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты.

Нетрудно понять, почему это так случилось. Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны погубить все, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию и рабочее движение и революцию.

В Италии теперь именно такое время. Что революционный кризис назревает в общенациональном масштабе, это видят и признают все. Пролетариат доказал делом свою способность подниматься стихийно, поднимать массы на могучее революционное движение. Беднейшее крестьянство или полупролетарии (напрасно тов. Серрати усвоил себе дурную привычку ставить знак вопроса при употреблении этого слова: это правильное марксистское слово, оно выражает правильную мысль, подтверждаемую фактами и в России и в Италии, именно что беднейшее крестьянство является наполовину собственником, наполовину пролетарием),—беднейшее крестьянство в Италии доказало делом, что оно способно подниматься на революционную борьбу вслед за пролетариатом. Теперь самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Италии состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, неспособная колебаться и проявить слабость в решительный момент;—партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, энергию, беззаветную смелость и решимость. Надо победить в чрезвычайно трудной, тяжелой, несущей великие жертвы, борьбе, надо отстоять завоеванную власть в обстановке невероятно обостренных покушений, интриг, сплетен, клевет, внушений, насилий со стороны буржуазии всего мира, в обстановке опаснейших колебаний всякого мелкобуржуазного демократа, всякого туратианца, всякого «центриста», всякого социал-демократа, социалиста, анархиста. В такой момент, в такой обстановке партия должна быть во сто крат тверже, решительнее, смелее, беззаветнее и беспощаднее, чем в обычное или в менее трудное время. В такой момент и в такой обстановке партия во сто крат усилится, а не ослабнет, если от нее совсем отойдут меньшевики в роде с'ехавшихся в Реджио Эмилии 11 октября 1920 г., если от руководства ею отойдут даже превосходные коммунисты, каковыми вероятно являются члены теперешнего Цека партии Баратоно, Дзаккарини, Бачча, Джакомини, Серрати.

Из людей этой последней категории большинство, несомненно, если бы и ушло в отставку теперь, очень скоро вернулось бы, сознав свою ошибку, после победы пролетариата, после упрочения его победы. Да и из итальянских меньшевиков, туратианцев, вероятно, часть вернулась бы тогда и была бы принята в партию после периода наибольших трудностей, как приняла теперь (мы прожили три трудных года после революции) к нам часть меньшевиков и эсеров, стоявших в 1917—1918 годах по другую сторону баррикады.

Итальянскому революционному пролетариату предстоит теперь полоса битв не только чрезвычайно трудных, как я сказал, но и самых трудных. Самое трудное еще впереди. Я считал бы легкомыслием и преступлением отмахиваться от этих трудностей. Я удивляюсь, как мог т. Серрати поместить без возражений в своем журнале «Коммунизм» (№ 24, 15—30 IX 1920) такую легкомысленную статью, как статья Ж. К. «Будем ли мы блокированы?» Я лично думаю, вопреки этому автору, что блокада Италии, если в ней победит пролетариат, со стороны Англии, Франции, Америки и возможна, и вероятна. По моему, гораздо правильнее поставил вопрос о блокаде тов. Грациадеи в своей речи на заседании Цека итальянской партии (см. «Avanti», 1 X 1920, туринское издание). Он признал вопрос о возможной блокаде «очень важным» вопросом (problema gravissimo). Он указал, что Россия продержалась, несмотря на блокаду, отчасти благодаря редкости населения и громадности пространства;—что революция в Италии «не могла бы сопротивляться (resistere) долго, если бы она не координировалась с революцией какой-либо другой страны центральной Европы», что «такая координация трудна, но не невозможна», ибо вся континентальная Европа переживает революционный период.

Это сказано очень осторожно, но это верно. Я бы только добавил, что известная координация—хотя еще недостаточная, хотя и не полная—Италии обеспечена и что за полную координацию надо будет бороться. Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам свое настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам больше твердости,—чтобы очистить партию от слабых, колеблющихся, шатающихся;—чтобы пропитать все движение большим энтузиазмом, большим интернационализмом, большей готовностью на жертвы ради великой цели: ускорить революцию в Англии, Франции, Америке, если эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальянскую республику.

Вопрос о замене реформистских или «центристских» опытных вождей новичками не есть частный вопрос, касающийся одной из стран в каком-либо особом случае. Это общий вопрос всякой пролетарской революции, и именно как таковой, он поставлен и разрешен вполне точно в резолюции 2-го конгресса Коммунистического Интернационала: «Об основных задачах Коммунистического Интернационала». В § 8 читаем: «Подготовка диктатуры пролетариата требует не только раз'яснения буржуазного характера всякого реформизма, но также замены старых вождей коммунистами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Необходимо во сто крат смелее, чем до сих пор, выгонять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплоатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплоататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения именно таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна и оно не будет поддерживаемо массой».

Напрасно поэтому Серрати говорит, что в итальянской партии «все» согласны принять решения коммунистического конгресса. На деле мы видим обратное.

В своем, упомянутом много выше, письме в «L'Humanité» Серрати пишет между прочим:

... «Что касается последних событий, то надо знать, что руководители Вс. Конфедерации труда (итальянское В. Ц. С. П. С., центр. правлен. профсоюзов) предлагали предоставить руководство движением тем, кто хотел руководить его до революции. Наши товарищи в Вс. Конф. Труда заявили, что они согласны остаться дисциплинированными солдатами, если экстремисты возьмут на себя руководство восстанием. Но экстремисты не приняли руководства движением»...

Со стороны Серрати было бы крайне наивно принимать подобное заявление реформистов в Вс. Конф. Труда за чистую монету. На самом деле, это одна из разновидностей саботажа революции: угроза отставкой в решительный момент. Тут дело вовсе не в лойяльности, а в том, что нельзя победить в революции, если руководители будут вносить колебания, шатания, отставки среди «своих», среди стоящих на верху, среди «вождей», при каждом трудном повороте событий. Может быть, тов. Серрати небесполезно будет узнать, что в конце сентября 1917 года, когда коалиция русских меньшевиков и эсеров с буржуазией явно проваливалась политически, не кто иной, как наши эсеры, партия Чернова, писали в своей газете: «Большевики будут обязаны формировать кабинет... Пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые ими теории о невозможности им взять власть. Этих теорий демократия не примет. В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку» (эсеровская газета, газета их партии, газета Чернова «Дело Народа», 21 сентября 1917 г., цитировано в моей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть», Петрогр. 1917, стр. 4).

Веровать в лойяльность подобных заявлений было бы со стороны революционных рабочих такой же роковой ошибкой, как [illegible] тистам, обещавшим Бела Куну помощь, вошедшим в Коммунистическую партию и все же-таки оказавшимся саботажниками революции, погубившим ее своими колебаниями.

* * *

Подвожу итоги.

1) Партия революционного пролетариата в Италии должна проявить величайшую выдержку, осмотрительность, хладнокровие, чтобы правильно оценить условия вообще и подходящий момент в особенности, при предстоящих решительных битвах итальянского рабочего класса с буржуазией за государственную власть.

2) Вся пропаганда и агитация этой партии должны быть вместе с тем проникнуты духом самой твердой решимости вести эту борьбу во что бы то ни стало, до победного конца, сплоченно, централизованно, с беззаветным героизмом, отсекая беспощадно колебания, нерешительность, шатания, которыми насквозь пропитаны туратианцы.

3) Такая пропаганда, которую ведет теперь миланское издание «Вперед» («Avanti»!) под редакцией Серрати, не воспитывает пролетариат к борьбе, а вносит разложение в его ряды. Цека партии в такой момент должен руководить рабочими, готовить их к революции, оспаривать неверные взгляды. Это можно (и должно) делать, давая в то же время высказываться всем оттенкам. Серрати руководит, но руководит в неправильном направлении.

4) Исключение из партии всех участников с'езда в Реджио Эмилии 11-го октября 1920 г. не ослабит, а усилит партию, ибо такие «вожди» способны лишь «по-венгерски» погубить революцию, даже оставаясь лойяльными. Белогвардейцы и буржуазия сумеют использовать шатания, колебания, сомнения, неуверенность и прочее даже вполне «лойяльных» социалистов, соц.-демократов и т. п.

5) Если такие люди, как Баратоно, Дзаккарини, Бачча, Джакомини, Серрати будут колебаться и подавать в отставку, нечего их упрашивать остаться, а сразу принимать ее. После периода решающих битв они вернутся и будут тогда полезнее пролетариату.

6) Товарищи, итальянские рабочие! Не забывайте уроков истории всех революций, уроков России и Венгрии в 1917—1920 годах. Перед пролетариатом в Италии стоят величайшие битвы, величайшие трудности, величайшие жертвы. От исхода этих битв, от сплоченности, дисциплинированности, беззаветности рабочих масс зависит победа над буржуазией, переход власти к пролетариату, упрочение Советской республики в Италии. Буржуазия Италии и всех стран мира сделает все возможное [illegible], пойдет на все преступления и зверства, чтобы не дать пролетариату власти, чтобы свергнуть его власть. Колебания, шатания, нерешительность реформистов и всех тех, кто участвовал на с'езде в Реджио Эмилии 11 октября 1920 г., неизбежны, ибо подобные люди при всей даже честности многих из них, во все времена, во всех странах губили революцию своими колебаниями. Подобные люди погубили революцию (первую революцию, за ней будет другая...) в Венгрии, погубили бы и в России, если бы не были сняты со всех ответственных постов и окружены стеной пролетарского недоверия, бдительности, надзора.

Трудящиеся и эксплоатируемые массы Италии пойдут за революционным пролетариатом. Победа будет в конце концов за ним, ибо его дело есть дело рабочих всего мира, ибо нет иного избавления от продолжения теперешних империалистских войн, от новых, уже подготовляемых, империалистских войн, от ужасов капиталистического рабства и угнетения, кроме советской, рабочей республики.

ЛЕНИН.

4 ноября 1920 г.

От редакции. Статья тов. Ленина была написана до получения им сведений о глупейшем поведении Д'Арагоны и синдикалистских профессионалистов членов партии, проводивших свою политику против Ц. К. своей собственной партии и в фактическом блоке с министром Джолитти, сорвавших громадное движение рабочего класса. Эти факты, на которых мы остановимся в одном из следующих номеров, еще лучше подтверждают правильность точки зрения тов. Ленина.

Документы Октябрьской революции.

Ниже мы печатаем два письма товарища Ленина, напечатанные накануне октябрьского переворота, которые рисуют и тогдашнюю политическую обстановку, и линию руководителей переворота нашей партии.

Письмо Ленина в Ц. К. Р. К. П., написанное в начале сентября 1917 г.

(Разрядка в подлиннике).

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной. Но все же на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества или (подобно другим б-кам) до блока с с.-р., до поддержки Вр. Пр-ва. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами лишь после перехода власти к пролетариату, после предложения мира, после разрыва тайных договоров и связей с банками, лишь после. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделают нас оборонцами. До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы не оборонцы.

И поддерживать пр-во Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: нужели не биться против Корнилова. Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные б-ки, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь главным стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому—арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную Думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр., и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому должны мы пред'являть эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их требования арестов генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Г. Думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» с.-р. особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и говорить об этом в агитации поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином революционном фронте революционной демократии, о поддержке Вр. Пр-ва и пр., и пр. надо бороться беспощадно, именно как с фразами. Теперь-де время дела: вы, г.г. с.-ры и м-ки, давно эти фразы истрепали. Теперь время дела, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский боится масс, боится народа). В войне против немцев именно теперь нужно дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все м-ки и с-ры останутся лакеями империализма.

Прочитав после написания этого шесть №№ «Рабочего», должен сказать, что совпадение получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М—на и Вольского.

Советы постороннего.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо С'езд Северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской—это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики—Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри,—и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тыс. (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) жел.-дор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнк. школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем надеяться, что, в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

Посторонний.

Примечание. Письмо написано тов. Лениным, скрывавшимся тогда от преследования Временного Правительства.

У КУРСАНТОВ.

В большом актовом зале, в глубине маленькая сцена. Зеленовато-синяя, как сапфир, комната мансарды художников на сцене, венки и узоры ваяшного самодельного панно, какие-то колонны...

У РАНЕНЫХ.

В госпитале на самодельной сцене больные и раненые красноармейцы разыгрывают самый популярный буржуаз...

В ДЕТСКОМ САДУ.

Шумливая как стая воробьев детвора, в одной из комнат детского сада разучивает отрывок из «Царя Салтана».

Ты лови, его, лови,
Да дави, его, дави!..

К новым ролям.

Социальная база Октябрьской революции.

Н. БУХАРИН.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

А. СЕРГЕЕВ.

Фантастическое путешествие Л. А. Рина в наше будущее.

ОТ РЕДАКЦИИ. В дни юбилеев полезно заглядывать не только в прошлое, но и в будущее. Руководимая этой разумной мыслью, редакция «Правды» обратилась к известному советскому изобретателю, профессору революционной белой и черной магии, скрывшемуся для данного случая под непроницаемым псевдонимом Л. А. Рина. Тов. Л. А. Рин, оседлав коня поэтического вымысла, Пегаса древних греков, посетил торжественное юбилейное заседание об'единенных пролетарских организаций 7 ноября 1940 г. О виденном и слышанном он представил редакции точный и подробный отчет, который редакция—выражая глубокое удовлетворение новыми успехами советской газетной техники—представляет тов. читателям.

Через 20 лет.

Послеобеденная, так-сказать, деловая часть юбилейного торжественного заседания по случаю 20-летней годовщины октябрьского переворота 1917 года началась с некоторым опозданием—даже 20 лет жизни на новых началах не вытравили еще из русского человека полностью психологических черт, усвоенных за вековую исто-...

Л. А. РИН.

Страничка женщины-работницы.

Три года назад спали оковы со всех угнетенных и с наиболее угнетенных из всех—женщин работниц и крестьянок.

Три года строили мы новую, свободную жизнь.

Стряхнем же с себя последние остатки старого быта! Сознанием, волей и организацией преодолеем навсегда неволю и рабство невежества!

Наши задачи тогда и теперь.

Третья годовщина октябрьских, памятных, исторических дней. Есть работницы и крестьянки, которые ждут этот праздник с чувством светлой радости: это те, кто сами творили октябрь и кто понимает, что значит октябрьская революция на крестном пути пролетариата, ведущем к великой цели коммунизму. Но есть и такие, которые думают: стоит-ли праздновать октябрьскую годовщину, если кругом еще столько горя и забот, если рабочий люд терпит лишения, голод, если советская жизнь еще так не налажена и столько еще в ней всякого нестроения?

Чтобы понять, осмыслить, охватить все значение октябрьского *красного праздника, надо оглянуться* назад и сравнить: что за задачи стояли перед работницей и рабочим, крестьянкой и крестьянином три года тому назад, и каковы задачи, что властно встают сейчас перед нами? Тогда ясно станет даже маловерной работнице или крестьянке, что жизнь не стоит на месте, а бурно несется вперед, увлекаемая революционным потоком, к светлой, желанной цели, избавительнице от всех наших бед—к коммунизму.

Три года тому назад в России власть еще была в руках буржуазии. Земля в руках помещиков, а фабрики и заводы принадлежали тем, у кого капитал. Частная собственность стояла крепкой и незыблемой. Процветала спекуляция, скрывавшаяся под законным обозначением «торговли». Империалистской бойне не предвиделось конца: буржуазный милитаризм бряцал своим победоносным оружием, грозя подавить всех, кто осмеливался поднять на него голос... Рабочий класс во всех странах покорно молчал. В близость социальной революции не верил никто и одни лишь большевики смело к ней призывали. Но их еще не боялся мировой капитал. Власть его тогда, в дооктябрьские дни, казалась несокрушимой.

В те дни простой, понятный клич об'единял работниц и рабочих, крестьян, матросов и солдат: вся власть советам! долой империалистскую войну! землю крестьянам, фабрики—трудовому народу. Таков был клич, на который отзывались сердца всей бесправной, исстрадавшейся бедноты России. Простые, ясные задачи стояли перед трудовым народом, заражая его всесокрушающим пламенем революционного воодушевления. Каждая, самая серая, отсталая работница или крестьянка три года тому назад сознавала: либо добиться осуществления призывных лозунгов тех дней, либо—смерть!.. Другого исхода быть не может и не должно.

Сейчас революционный клич октябрьского восстания нам кажется уже устаревшим, изжитым, ненужным. Задачи тех дней уже бессильны были бы сплотить, сорганизовать вокруг себя трудовой народ. Почему? Да потому, что то, что в канун октября было целью, призывным лозунгом, стало живой, практической действительностью. Власть буржуазии сметена, частная собственность упразднена, империалистическая война превращена в войну за освобождение мирового пролетариата, земля в руках крестьян, фабрики—достояние трудового народа.

Новые, более сложные, но не менее грандиозные, задачи ставит перед работницей и рабочим, крестьянкой и крестьянином октябрь двадцатого года. Период революционного натиска, острой борьбы с внутренними врагами трудящихся, приходит к концу. Наступает время строительно-творческое. Надо организовать, созидать новую коммунистическую жизнь, построенную на общем труде, на братской солидарности, на товарищеской заботе коллектива—общества о каждом своем члене. Как любящие родители стремятся сгладить жизненный путь своих детей, снять с них бремя забот, окружить их достатком, довольством, так и новая, великая трудовая семья—коммунистическое общество ставит задачей своей так наладить жизнь, чтобы каждому члену трудовой коммуны жилось светло, сытно, в творческом организованном труде и богатом духовными радостями отдыхе.

Но как создать такую жизнь? Октябрь двадцатого года выдвигает живые задачи, которые, подобно лозунгам семнадцатого, должны быть ступенью, ведущей нас к цели. *Первый наш боевой клич* сейчас это поднять народное хозяйство трудовой России, заставить работать производство, организовать наше земельное хозяйство, чтобы не было больше недостатка в хлебе, в продуктах, в сырье, топливе или готовых фабрикатах. Все на трудовой фронт, за победу над разрухой хозяйства, за развитие богатств и производительных сил нашей республики.

Второй наш клич: на работу на фронте продовольствия. Мало получить, собрать необходимые для жизни богатства, продукты, блага—надо еще суметь правильно, по справедливому их распределить, так, чтобы самый нуждающийся не остался обделенным. Неналаженность нашего продовольственного дела—великий бич для трудового люда, мука для женщины городской и сельской бедноты. Правильно поставить распределительный орган — такова задача, что в октябрьские дни должна собрать и спаять силы рабочих и работниц и всей крестьянской бедноты.

Третий призывный клич встает в эти дни перед нами и властно призывает женщин на помощь себе: добить Врангеля! уничтожить до-тла последнее гнездо вооруженной контр-революции, спасающейся от красных войск на Крымском полуострове. Только победа над слабеющей, разгромленной силой белогвардейщины даст трудовому народу возможность мирно строить лучшую, светлую жизнь коммунистического общества. Только окончательное поражение Врангеля обещает работницам и крестьянкам избавление от голода, болезней, лишений, этих неизбежных спутников гражданской войны.

На помощь красному фронту сбором одежды, обшиванием красноармейцев, организацией помощи раненым, несением службы связи, участием в работах армии на самом фронте и в тылу—таков настойчивый клич октябрьского праздника, ждущий отклика со стороны женщин рабочего класса и крестьянской бедноты Советской России.

Сумеем мы выполнить новые строительные задачи, что стоят перед нами, и спасение наше близко. Три года тому назад дружным натиском пролетариата и крестьян положен был конец господству буржуазии. Организованными силами работниц и рабочих, крестьянок и крестьян должен быть положен конец народохозяйственной разрухе, лишениям и заботам, рождаемым неналаженностью нашего продовольственного дела.

Пусть октябрьский праздник станет днем борьбы за творческие задачи коммунизма. Все на фронт организованного производства! Все за дело налаживания продовольствия! Все для победы красного фронта над последней ставкой контр-революции, над бандами Врангеля! *С этой победой приближается* и час мирового торжества коммунизма.

А. КОЛЛОНТАЙ.

ОКТЯБРЬ НАВЕКИ С ЖЕНЩИН СБИЛ ОКОВЫ,
ДЛЯ ЖЕНЩИН БОЛЬШЕ НЕТ ТЮРЬМЫ,
СОЕДИНИМСЯ В ЖИЗНИ НОВОЙ
В ОДНО ТОРЖЕСТВЕННОЕ МЫ.

За три года.

Далеко шагнула вперед женщина-работница, семимильными шагами прошла она путь с октября 1917 г. по настоящий день. Забитая, робкая и глубоко инертная в своей толще, равнодушная ко всему происходящему по ту сторону ее домишка в 1917 году, в 1920 г. она идет почти вровень с товарищем-рабочим, идет по пути защиты и укрепления своих рабочих завоеваний, безответно приносит жертвы своей собственной жизнью и жизнью своих детей.

Возьмем для сравнения женское делегатское собрание около двух лет тому назад, в начале женских комиссий при парткомах. 17—18 чел.—в одном районе, 20—30 чел.—в другом, а теперь? 150—200—300 человек. А как теперешние делегатки слушают докладчика! Два года назад—живая горячая речь агитатора доходила до них и вызывала ответное чувство, но спящая мысль была [illegible] и безмолвствовали [illegible]. А теперь? Теперь делегатки забрасывают докладчика записками, вопросами, [illegible] прения.

Вот для примера несколько записок, поданных докладчику, рассказывавшему о жизни немецких рабочих и работниц. «Устроена ли там биржа труда для безработных», «как и за чей счет обеспечиваются инвалиды в Германии», «каков % отношения в Германии между «верхним» рабочего класса, с одной стороны, и средними и голодными рабочими—с другой» *)... И наряду с ними, ни одной записки «о хлебе», о том, почему мы воюем, не лучше ли мириться и т. д., [illegible] пестрили делегатские собрания даже год тому назад. Глубоко, в толщу рабочих женских масс, проникло правильное понимание «текущего» момента, правильное понимание мировой политики Советской России.

Беспартийные делегатские собрания при [illegible] отделах работниц делают свое дело,—вовлечения беспартийных масс в интересы и строительство нашей страны. Пропаганда делом—наш лозунг—оправдывает себя здесь так же, как и на работе наших беспартийных конференций, организуемых нашими отделами ср[еди] женщин городов и деревень. Как же велик этот источник сил для строительства новой жизни? Норма выборов колеблется между 50 и 20, и цифры получаются приблизительно такие: в Москве—свыше 1,500, в Петрограде—свыше 2,000, в Туле—400, в Перми—180, в Самаре—120, в Тамбове—200 *). В одной Москве затронуто работой отделов до 80,000 работниц **). Делегатские собрания выделяют работников во все отделы Советов, и очень часто наши делегатки-практикантки, после некоторого стажа, отзываются отделами на постоянную работу в качестве заведующих подотделами и даже отделами.

Беспартийные конференции, вовлекающие широкие массы трудящихся женщин (в последнее время и домашних хозяек—*жен рабочих и красноармейцев*), проводятся не только по губернским и уездным городам, но, хотя и не совсем налажено, проводятся также и по волостям, вспахивая почти не распаханные целины—женские крестьянские массы. Последние конференции в Москве и Петрограде собрали больше, чем по 3,000 конференток, в Харькове—500, в Киеве—300, в Воронеже—500, в Саратове—500, а происходящие сейчас Всеукраинский с'езд работниц и крестьянок в Харькове и губернская конференция в Петербурге, обещают быть очень многолюдными.

Какие же вопросы обсуждаются на этих конференциях? Можно смело сказать, что нет такого вопроса нашей современной жизни, на который не откликнулась бы наша работница и крестьянка и который не поставила бы на обсуждение своего собрания. И борьба с разрухой, и помощь фронту (действительная, а не словесная, фактическое участие в сборе теплых вещей, в заботах о раненом и больном красноармейце и т. п.) и укрепление тыла, и проблемы будущей семьи, и борьба с проституцией в наше переходное время, все интересует работницу, на все она требует ответа и своего участия. Делегатское же собрание, кроме решения злободневных, текущих вопросов, дает делегатке некоторую, хотя бы и элементарную теоретическую подготовку (см. программы делег. собр. отд. раб. при М. К. Р. К. П.), ибо уже установлено, что через 3—4 месяца значительная часть наших делегаток вступает в наши партийные ряды.

Само собою разумеется, что все партийные и советские кампании проходят при самом живом участии работниц. Постепенно работница и даже крестьянка выходят на более широкую арену общественной работы, они не только выбирают в Советы, но и сами проходят на этих выборах, как полноправные члены Совета, так, в Петроградском Совете Рабочих и Красноармейских Депутатов—250 женщин, в Московском—98, в Самарском—36, в Курском—15, в Харьковском—40, в Одесском—10 и т. д.

Работница активно участвует и в военном деле, в деле обороны своего социалистического отечества *). Одних красных сестер, вышедших непосредственно из рабочей среды, выпущено в Москве и Петрограде—3,686 чел. В обороне Петрограда женщины принимали самое активное участие—рыли окопы, ходили на передовые линии сестрами и санитарками, строили заградительные отряды, несли службу связи и... не перечислить [illegible] женщины-работницы в этой геройской защите колыбели нашей революции—великого Петрограда. Наступление на Луганск в 1919 г. отстояли работницы. Наступление Деникина на Тулу—тоже вызвало активную защиту его работницами. «Только через наши трупы», говорили работницы, Деникин пройдет к Москве. Убитых, плененных и раненых на фронте женщин—1,854 (свед. Всероссглавштаба)... Не довольно ли цифр, не довольно ли слов! Не ясно ли, что работница выросла, закалилась в борьбе, осознала себя, крепко держит в своих руках красное победное знамя революции и не выпустит его до полной победы коммунизма.

Р. Б.

*) Записки привед. не полностью, но дословно.

*) Цифры здесь, как и в последующем изложении, взяты из журн. «Коммунистка», № 3, ст. Иткиной.

**) Уписова «Работа среди женщин Москвы и Моск. губ.

*) См. ст. Путиловской: «Оборона Петрограда и работница» и Колонтай: «Война и работница».

РАБОТНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ ВЕЛИКОЙ,
ПО ВСЕЙ СТРАНЕ СМЫКАЙТЕСЯ В РЯДЫ.
СЕМЬЕЮ ДРУЖНОЙ, МНОГОЛИКОЙ
ПРОТОПЧЕМ К РАВЕНСТВУ СЛЕДЫ.

Работницы и борьба с разрухой.

В борьбе за лучшую светлую жизнь рабочим и работницам Советской России приходится выдерживать сильный натиск со всех сторон. В первые два года Советской власти все усилия трудящихся были направлены на борьбу с внешней и внутренней контр-революцией, с вооруженным капиталом. На третьем году сопротивление капитала было в значительной мере сломлено. Прочнее и увереннее стал себя чувствовать истинный хозяин трудовой России—рабочие и крестьяне, и приступил к сколачиванию и налаживанию своего хозяйства. Работы не мало: капиталисты и затяжная империалистическая война успели все разорить. Голод страшным призраком встал перед рабочими, крестьянством и их семьей. Транспорт разрушен, паровозы изношены, пути разрушены; топлива нет—холодно в домах, детишки в школах мерзнут. Стали фабрики, нет мануфактуры, нет белья и платья для больных воинов, для ребятишек в детских домах и приютах; в городах лопнули водопроводные трубы от морозов — грязно стало в домах и мастерских.

Но не было места отчаянию в наших рядах. Едва освободив одну руку от борьбы с вооруженными белогвардейцами, пролетариат начал бешеное наступление на другом—бескровном фронте борьбы с разрухой.

9-й с'езд коммунистической партии в марте 1919 г. выдвинул во всей широте вопрос о борьбе с хозяйственной разрухой и положил начало созданию крепкого, сплоченного трудового фронта. Одновременно партийное совещание работниц почти всю свою работу сосредоточило вокруг вопроса о привлечении женского пролетариата к трудовой повинности, к сознательному добросовестному выполнению важнейшей задачи — восстановлению хозяйства страны. Не успели еще делегатки и делегаты раз'ехаться на места, а уже во всех концах Республики застучали молотки, заработали трудящиеся с новой силой, с новой энергией. Это видно хотя бы из того, как развивался коммунистический труд на субботниках.

Питерские и московские работницы заняли первые наиболее сплоченные боевые [illegible] для бескровного фронта. Достаточно сказать, что по Москве в субботниках за май участвовало 2.951 работница, в июне—13,919, в июле—34.772 и в августе—102.367. Еще организованнее шла работа в красном Питере.

Но и провинциальные работницы не отставали, тут работница все время шла рука об руку с мужчиной. Стоит только пересмотреть провинциальные газеты за последний год и мы найдем тысячи примеров геройской борьбы работницы и крестьянки с разрухой. Мы все помним беспрерывные трудовые недели, трудовой месяц, [illegible] субботники и пр., [illegible] новые формы добровольного сверхурочного труда, которые [illegible] Советской России [illegible].

Казанские работницы [illegible] мастерской пишут: «Когда мы узнали о трудовой неделе и для чего она устраивается, мы решили вместе с товарищами рабочими повоевать с общим врагом—разрухой. 22 апреля, мы, 1.. работниц, пошли из мастерской на полустанок, в Адмиралтейскую слободу и стали выгружать дрова из вагонов. Работали весело, с большой охотой, и за 4 часа разгрузили 14 вагонов дров».

А работницы обмундировочного отделения фабрики «Поляр» (Казань) об'явили в неделю трудового фронта 10-тичасовой рабочий день, но не удовлетворившись этим, они еще в обеденный перерыв очистили двор фабрики. Работница Макарова с лесопильного завода с радостным чувством сообщает, как заводские работницы в неделю труда работали по 10 часов в день, не зная усталости, горя нетерпением притти на помощь Советской власти в ее борьбе с разрухой.

Поволжское «Красное Знамя» от 16 октября пишет: «Третий паровоз выпустили мастерские Сызрано-Вяземской жел. дор., паровоз, отремонтированный заново рабочими в сверхурочные часы. В этом великом деле и добровольном труде приняли участие работницы. Их не много еще—это первые ласточки в паровозных мастерских, но за ними скоро прилетит стая славных сознательных труженниц».

А работницы завода «Ч[illegible]» (Пермской губ.) организовали две женские коммунальные трудовые артели по огородничеству и льноделию. Их пока 242 человека, но они работают хорошо, сознавая всю важность и коллективность сознательного труда для воссоздания народного хозяйства.

В одном из прифронтовых городков крестьянки и работницы устроили субботник, на котором вошили 133 матраца для лазаретов. И во всех революционных рядах помочь труженицы. В Челябинске на субботнике фронту 18 июля сего года участвовало 400 женщин. Сшито 245 пар белья, 1.800 мешков, много произведено работы по раскладке дров и пр.

Из Павловского посада, Самарской губ., пишут, что за прошлую зиму крестьянки-работницы собственным трудом создали 8 столовых, 6 детских домов, 3 очага, 3 яслей, и сами всюду же работают. Трудно перечислить ту огромную работу, которую проделали работницы и крестьянки на своих постоянных субботниках и воскресниках.

Чего-чего только не делали они в эти часы добровольного, часто тяжелого труда для того, чтобы вывести страну из разрухи: и детей бельем и платьем обшивали, и красноармейцев не забывали и больных. Детские помещения [illegible] снабжали, чистили, мыли, в жел.-дор. путях в прошлогодние снежные заносы расчищали, паровозы, вагоны чинили, казармы чистили, госпиталя обходили и многое, многое другое делали. А какой неподдельной радостью веет от тех незамысловатых [illegible], где работницы описывают первомайский субботник 1920 года. [illegible] день в нашей жизни, определяет работница [illegible] мастерской [illegible], и с ней нельзя не согласиться.

Труд сознательный на пользу всех трудящихся, на благо социалистического отечества, в будущем, при коммунизме будет высокой радостью для человека. Но и теперь уже добровольный труд, который берет на себя наш, часто измученный рабочий или работница, доставляет ему радостное сознание. А глубокое сознание исполняемого при этом труде долга делает наш новый, коммунистический труд в его глазах почти священным. Неудивительно поэтому, что почти все свои торжества трудящиеся России отмечают сверхурочным трудом: победа ли на фронте одержана—пролетариат устраивает в ее честь субботник, где чинит свое хозяйство, уездный ли, губернский с'езд собрался—делегаты заканчивают его тем же субботником, пришла ли весть о новом натиске западных пролетариев на капитал—в ответ стучат молоты российских рабочих и работниц, этим новым способом заявляющих о своей железной воле к победе, к жизни, к свободе. Даже любовь к своему великому вождю В. И. Ленину, горячую преданность к делу мировой революции, воплощением которой *он является—российские пролетарии* выражают тоже трудом. В свое время мы все могли читать в газетах о субботниках и сверхурочных работах в предприятиях, устроенных во многих местах тысячами работниц и рабочих ко дню 50-летнего юбилея тов. Ленина.

А теперь мы уже можем сказать, что не даром тратились силы, не бесследно прошел трудовой энтузиазм и под'ем. Быстрее помчались паровозы, живее побежал к нам хлеб, соль, нефть, сырье. Не так силен уж голод. Теплее стало и ребятишкам в школах, и в рабочих мастерских, не мерзнут больные и раненые в госпиталях. То тут, то там задымились трубы фабрик и заводов, долго не видевших своей пищи—топлива и сырья. Бледнеет призрак голода и холода и все дальше отходит от нас. Мы должны и можем его изгнать совершенно. Мы уже научились изгонять, уничтожать своих врагов—белогвардейцев и разруху, оставленную ими. Мы для этого нашли могучее и верное пролетарское средство: организованный сознательный всеобщий труд. И им мы победим!

Армия сознательных работниц и крестьянок *все больше крепнет и растет*, и спорится в мозолистых руках работа по борьбе с разрухой, по строительству новой счастливой жизни.

Э. ГУРВИЧ.

Красный воин и красная сестра.

В годовщину нашей революции наша первая мысль, горячая благодарность, сердечная забота должны быть направлены к тем, кто кровью своей отстоял неприкосновенность Советской Республики от врагов—к раненым красным воинам. На всех фронтах, на севере и юге, востоке и западе, на суше, на море и в воздухе болел красный воин, страдал от ран, голода, холода, болезней.

Постоянным спутником ему во всех этих тяжелых мытарствах, постоянным другом у постели раненого и больного был медицинский и ухаживающий персонал. Красному воину нужен был красный персонал. Пусть отдельные белые, желтые, черные и других цветов медработники шипели и саботировали у постели раненого и больного. В общем и целом медицинский персонал оберегал здоровье Красной армии, боролся мужественно на противоэпидемическом фронте и своей колоссальной, невиданной смертностью (в 4—5—6 раз превосходящей общегражданскую) доказал, что не прятался от своих тяжелых и опасных обязанностей.

Но его оказалось недостаточно. Нужно было спешно организовать широкую помощь. К кому было обратиться с призывом? Разумеется, к работницам и крестьянкам. Ибо чьему сердцу ближе страдания рабочего и крестьянина, несущего красную звезду, как не сердцу работницы и крестьянки? И призыв нашел горячий отклик.

Мы еще до сих пор не имеем точных сведений о числе выпущенных красных сестер и красных санитарок, и едва ли скоро получим их, ибо это был стихийный процесс, массовое движение на местах, не только в губерниях, но и в уездных городах, и работа в этом направлении еще продолжается. По предварительным подсчетам за последние 1½ года выпущено не меньше 50 тыс. красных сестер и санитарок; все они, за немногими исключениями, двинуты на фронты.

Мы знаем об их работе. Мы имеем много отчетов, писем с мест, заявлений от больных и раненых красноармейцев. В одном месте красные сестры находят санитарный поезд, обстреливаемый окружившими город белыми; поездная прислуга бежала от страха, тысячи больных и раненых красноармейцев обречены на зверское растерзание от рук белых. Красные сестры разыскивают машиниста, заставляют его сесть на паровоз, выводят состав и спасают таким образом жизнь красным бойцам.

С северного фронта сообщили, что красные сестры и санитарки с таким мужеством работали на передовых позициях, что красноармейцы кричали им: «Отойдите назад, вы мешаете нам стрелять!»

В одном полку армии т. Буденного из 6 сестер 4 были зарублены белыми в передовых рядах.

А вот несколько выдержек из писем, полученных от красных сестер, характеризующих их настроение при работе. Одна сестра пишет: «Я только теперь узнала, как может много хорошего и полезного сделать для фронта работница»...

Другая: «У себя в госпитале я нахожусь с 9 час. утра и до 10—11 час. ночи; времени не хватает; утром до 4 час. с больными, потом иду в партком слушать лекции, а после опять в госпиталь в ячейку; потом в клуб, где мы учим санитарок сами политической грамоте, а то читаем им про болезни. Очень довольна я, что поступила на курсы. Хочется учиться еще»...

Третья: «Благодарим всех вас за то, что дали нам; сначала было трудно, но потом все узнала и теперь нас главврач считает лучшими сестрами; много работаем в ячейке и в культурно-просветительной работе».

Четвертая: «Работы много; работаю по 16—18 час. в сутки; внимание обратить на все надо; комиссар хороший, но мало делает госпиталю; главврач сперва сторонился нас, но потом увидел, что красные сестры хотят работать. Теперь мы с ним хорошо работаем. Я очень довольна курсами, что окончила курсы, новую жизнь узнала и работа хорошая».

И так без конца.

Читаешь такие письма и думаешь только одно: да здравствует красный воин и его помощница красная сестра!

Н. СЕМАШКО.

Охрана детства в Советской России и участие в ней работниц.

Советская Россия вступает в 4 годовщину своего строительства. Хотя строительству этому суждено все еще итти под грохот пушек и при зареве пожаров, в труднейших условиях лишь военного существования,—все же оно идет вперед во всех сферах работы, по всей России. Двинулось оно сильно и в той его части, которая охватывает охрану детства.

Такого понятия и в такой широте не знает ни одно буржуазное государство, потому что только в государстве, вставшем на путь социализма, все дети совершенно одинаковы и равноценны. Каждый ребенок есть гражданин и строитель в будущем и должен быть достойно воспитан для этого. В советском государстве не может быть, как во всяком буржуазном, «лишних» детей. Все такие заброшенные, осиротевшие дети являются главной заботой государства. Из них выйдут, может быть, лучшие его строители. Все дети должны быть воспитаны по способностям.

Отдел охраны детства,—существовавший сначала при Наркомсобесе, а затем при Наркомпросе,—организует по всей России детские дома для нуждающихся в заботе и воспитании детей. К 1 января 1919 года таких домов было 1.279 и детей в них 75.574; к 1 июля 1920 года их насчитывалось 3.140, а детей в них 210.405. Дома эти не только растут количественно, но и улучшаются качественно; под них занимаются особняки бывших собственников с садами, хорошими зданиями.

Дети в них воспитываются социально, т.-е. общественно, и [illegible] прежнему [illegible], когда воспитание шло в замкнутых семьях—в каждой на свой образец. Нашему строю нужны люди, воспитываемые с детства в коммунистических началах. Поэтому мы воспитываем их коллективно, приучая с детства к тому, чтобы «все за одного, один за всех», чтобы все вкладывали долю своего труда в общую работу, [illegible] в устройстве своего дома, своей жизни и в ее самоуправлении. Таким образом, они будут вырастать уже в тех принципах, которые нужны нашему строю и строю будущего и которых прежнее воспитание не давало.

В таком духе ведется воспитание в детских домах Отдела Охраны Детства, в котором участвует много работниц в качестве заведующих хозяйством одного дома или целого района, инструкторов и помощниц воспитательниц. Особенно много их работает в Москве и Петрограде, в Московской и Петроградской губерниях, в фабричных районах. Так, в Москве от Отдела работниц имеется в каждом районе по 2—3 хозяйственных инструктора, 3 центральных и 1 общественный. Хозяйственные инструктора входят в совет детского дома; представитель от хозяйственных инструкторов района входит в совещательную комиссию при районной секции охраны детства. Общественный инструктор является пока один, но предполагается в каждом районе с тем, чтобы создать и президиум районных работниц по детским домам. То же имеет место в ряде уездов Московской и центральных губерний. Во многих уездах работницы заведуют подотделом охраны детства, а в Оренбурге даже губернским подотделом. В целом ряде губерний при подотделах охраны детства существуют рабочие коллегии, в которые входят представители женотделов и Союза Коммунистической Молодежи. Устраиваются курсы воспитательниц для работниц, по прослушании которых они направляются на стаж в детские дома. Так в Ярославскую губ. в мае сего года было направлено 40 практиканток, из которых после работы в детских домах, под руководством воспитательниц, 30 были зачислены [illegible] воспитательницами. Подобные курсы имели место в Москве, Петрограде, Московской, Владимирской и ряде других губерний. Размеры этой статьи не позволяют мне остановиться на этом более подробно, укажем лишь, что на многих более крупных фабриках и заводах имеются представительницы работниц, которые ведут работу там по заданиям подотдела охраны детства, популяризируют его идеи и делают периодические отчеты и доклады о этой работе. Для урегулирования этой работы секцией охраны детства при Нар. Ком. Пр. совместно с женотделом при Ц. К. была выработана общая инструкция. Женотдел был осведомлен о работе подотдела правовой защиты детей и первый выпуск курсов братьев и сестер социальной помощи дал большинство работниц, которые исполняют теперь обязанности сестер социальной помощи. Большой процент их слушает и второй курс.

Дело охраны детства—кровное дело каждой работницы, которая более чем кто-либо заинтересована в том, чтобы дети ее были охранены и воспитаны настоящими работниками нового строя. И женщина-работница, сама проникнутая идеалами коммунизма, лучше чем кто-либо сумеет привить их детям. И богатые практической сметкой, полные кипучей энергии, они налаживают организацию нового дела как в отдельных домах, так и в целых районах; добывают помещения, снабжают их всем необходимым. Они ревизуют детские дома, блюдут, чтобы дети не были обижены кем-либо из персонала. Так в прошлом году в Орле, где дело было поставлено плохо, взялась за реорганизацию комиссия работниц и наладила дело. Правда, с приходом белых, многое как в Орле, так и в Курске, было снова разорено, дети были выкинуты из особняков бывшей буржуазии, инвентарь и белье их было расхищено. Из-за того нам и трудно строить, что ход гражданской войны ломает вновь и вновь с таким трудом построенное. А кроме того, количество детей, нуждающихся в помещении в детские дома, растет гораздо быстрее наших возможностей устроить их,—быстрее числа помещений, необходимого количества инвентаря, требуемого числа воспитателей. Создается такое нетерпимое положение, что во многих частях Советской России, особенно на окраинах, большое количество детей не находят себе места в детских домах, подотдел охраны детства не поспевает с открытием их, потому что все наши советские учреждения, исполкомы, горткомы, продкомы, не идут в достаточной степени на помощь нам. Среди наших товарищей, отчасти потому, что они захвачены горячечной работой на фронте, отчасти потому, что злоба дня поглощает невольно всех, недостаточно ясно развито представление о том, что дети—наше будущее—должны быть в центре внимания Советской России, что для них разрушали мы старое и гнилое и строим новое и светлое. И на работницах-коммунистках, этих матерях будущей России, лежит задача напомнить нашим товарищам, завертевшимся в другой работе, о нашем молодом фронте, который должен быть поставлен на ряду с красноармейским, потому что выступит ему на смену и довершит и достойно закончит все завоевания Советской Республики.

А. ЕЛИЗАРОВА.

Охрана материнства и младенчества.

Ни в одном из государств охрана матери и ребенка никогда не ставилась и не ставится так широко, как в Советской России. Только Советская власть, власть рабочих и крестьян могла понять, что все наше будущее зависит от здорового поколения, что женщина-мать должна пользоваться особым вниманием и уходом.

Улучшение материальных условий матери-работницы и крестьянки, обеспечение детей всеми видами помощи, которые только возможны при современной разрухе,—все это осуществляется через подотдел охраны материнства и младенчества. В то время, как раньше работница рожала чуть ли не у станка, теперь она имеет необходимый ей 2-месячный отдых до родов и такой же после родов. Организуются дома матери и ребенка, где женщина, готовясь стать матерью, и находит необходимый ей приют. Здесь она, будучи еще беременной, уже учится правильному уходу за новорожденными и приобретает знания правильного кормления и воспитания ребенка. Пройдя, таким образом, хорошую школу материнства и окрепнув физически, выходит мать из дома матери и ребенка и снова вступает на работу. Ребенка своего она не бросит теперь в запертой квартире, а понесет его в ясли, и сознание, что ее дитя находится в хороших условиях, дает ей возможность спокойно, продуктивно работать.

Работа подотдела охраны материнства и младенчества с самого начала привлекла к себе внимание и интерес широких масс работниц. Наибольшее количество делегаток направлялось именно сюда.

В Москве подотдел существует два года, и за это время по всем районам было привлечено к его работе большое число работниц. Многие из них в качестве делегаток близко ознакомились с жизнью яслей и домами младенца и, возвращаясь на свои фабрики и заводы, являлись лучшими проводниками идей охраны материнства и младенчества. Другие товарищи-работницы ознакомились также с организационной работой подотдела, принимали в ней широкое участие и через некоторое время заняли более или менее ответственные посты. Часть из товарищей шла учиться на курсы и затем уже в качестве специалистов работала в учреждениях. И те, и другие, и третьи, будучи тесно связаны с широкими пролетарскими массами, являются связующим звеном между подотделом и теми массами матерей, обучить и обслуживать которых подотдел ставит себе целью.

И нужно видеть, как эта работа стала теперь популярна в массах. Два года тому назад, организовав ясли на какой-либо фабрике, нужно было устраивать целый ряд собраний, убеждая работниц нести туда детей. Матери посылали делегаток проследить, как обслуживаются дети в яслях, и только убедившись, что детям здесь гораздо лучше чем дома, понемногу начинали смотреть на ясли, как на совершенно необходимое учреждение. В то время, как раньше фабрично-заводскими комитетами для яслей предлагались едва ли не худшие помещения на фабричном дворе, теперь под ясли занимаются почти все директорские дома при фабриках.

В настоящее время в Москве имеется домов матери и ребенка—5, домов младенца — 10, консультаций — 15, яслей—72; ими обслуживается 4.000 детей до 3 лет от рождения.

По губерниям имеется: 10 домов младенца и 70 яслей; обслуживаются 7.000 детей до 3 лет.

Если город имеет в своих рядах порядочное количество пролетарок на ответственных должностях, то в губерниях вся организационная работа ведется исключительно работницами. На происходившем недавно в Москве совещании заведующих уездными подотделами охраны материнства и младенчества из 18 человек 15 было работниц и 2 крестьянки. За небольшим исключением все они показали себя достаточно серьезными работниками, которым смело можно доверить такое сложное и ответственное дело, как организация яслей и домов младенца. Приходилось удивляться, как с виду некультурная и едва владеющая словом заведующая Павлово-*Посадским районом* дельно и толково делает доклад, проявляя ясно глубокое понимание основных вопросов работы.

В заключение можно сказать, что если к организационной работе по охране материнства и младенчества уже привлечена сама мать-работница, то можно смело утверждать, что оздоровление населения пойдет быстрым шагом и правильным путем.

О. НОГИНА.

Работница и охрана труда.

Для рабочей власти Советской России охрана труда, естественно, является с самого начала одной из важнейших забот. Но здесь рабочая власть натолкнулась на величайшие затруднения.

В неслыханно тяжелых общехозяйственных условиях проводилась она. Острый недостаток наиболее необходимых жизненных продуктов, сырья и топлива вместе с таким же недостатком рабочей силы, недостаток соответствующей организации, ожесточенная борьба на жизнь и смерть на фронтах с врагами, поглощавшая все силы и у власти, и у пролетариата,—все это до крайности затрудняло заботы наших законов и органов власти осуществлять охрану труда. Однако, несмотря на все это, рабочий класс сумел провести и в этой области огромную работу и добиться ряда серьезных результатов.

Не осталась забытой при этом и работница. Наоборот, можно даже сказать, что в области охраны женского труда сами удалось провести в жизнь гораздо больше, чем во всех других. И здесь [illegible] глубоко проникли в самую толщу широких рабочих масс. Инспектора труда всей России, обследуя фабрично-заводские и другие промышленные предприятия, единодушно отмечают, что нарушения законов об охране женского труда приходится встречать все реже и реже. Почти нет уже случаев, чтобы беременные работницы не отпускались от работы в положенный им срок (8 недель до родов), или снова после родов возвращались бы к труду раньше 8-ми недель. [illegible] социального обеспечения в период порождения или на детское пособие. По последним сведениям становятся все реже и реже нарушения охраны женского труда также при проведении трудовой повинности, и центральная инструкция в этой области все более осуществляется даже в самых глухих местах России.

Несколько хуже обстоит дело с устранением женщины-работницы от самых вредных и опасных работ. Предписания об этом на места из центра даны, но еще не издан подробный список тех профессий и отдельных производственных процессов, которые должны быть признаны особо вредными для здоровья женского организма, и где, следовательно, недопустимо всякое участие женского труда. Это об'ясняется только тем, что в виду большого числа женщин на многих отраслях промышленности в настоящее время, когда большинство мужчин борется на фронтах или занято в трудовых предприятиях, совершенно невозможно: пришлось бы совсем закрыть множество очень важных и нужных фабрик и заводов. Однако, всюду, где только это возможно, женщины отстраняются от работы более тяжелой и менее [illegible].

Наконец, необходимо упомянуть, что за три года советской власти необходимость охраны женского труда уже в достаточной степени внедрилась в сознание широких пролетарских масс, как мужских, так и женских; уже почти не бывает случаев, когда бы заводские устраняли себя от этих вопросов, как то было, что два года тому назад, заявляли что это исключительно «их дело», «бабье дело».

Но одним из самых важных для нас является участие самой работницы в этой новой отрасли нашего [illegible]. При этом необходимо отметить, что у нас нет специальной «женской инспекции труда», на чем [illegible] настаивают либералы всех стран. У нас женщина на равных основаниях с мужчиной входит в общую систему инспекции труда, не ограничивая себя [illegible]

...то исключительными женскими задачами.

По последним сведениям у нас имеется 34 женщины-инспектора труда, из них: работниц—15, служащих—12, свободных профессий—7.

Таким образом, почти половина женщин-инспекторов вышла непосредственно от станка, а всего пролетарок около 80%, так как в графе «служащих» вошли обычно мелкие конторские, торговые, почтово-телеграфные и т. п. подобные работницы. По образованию они распределяются так: с высшим образованием—3 чел. (9%), с средним—8 чел. (23%), с средним специальным—1 чел. (3%), с низшим—19 чел. (56%), с домашним—3 чел. (9%).

По партийности: коммунисток—18 чел. (53%), сочувствующих—7 чел. (21%), [illegible]—1 чел. (3%), беспартийных—6 чел. (17%), невыясненных—2 чел. (6%). Таким образом мы видим, что около 3/4 из них (75%) являются коммунистками. Это значит, что в инспекцию труда пошли наиболее сознательные в классовом отношении, наиболее преданные делу пролетариата работницы.

В этом убеждаешься, читая собственноручно написанные, бесхитростные автобиографии их. Почти все они (даже интеллигентки) вышли из рабочей или бедной крестьянско-мещанской среды. С ранней юности в самых тяжелых условиях начали они добывать хлеб свой. Но жажда творческой работы, стремление к свету, к знанию, дали им возможность стать сознательными строителями коммунистического общества. Одна из них пишет о том, как она, еще 8 лет, получая 3-рублевое жалованье, откладывает по 20 копеек на ученье. После октябрьской революции она заведывала культурно-просветительным отделом, а затем была избрана в инспекторы труда. Горькая жизнь закалила этих работниц. 10 из них в их подпольную партийную работу, были организаторами стачек. Таким образом, мы видим, что состав женщин-инспекторов не оставляет желать лучшего. Надо только приложить все усилия к тому, чтобы в инспекцию труда выбиралось возможно больше сознательных и честных работниц.

Много еще работы предстоит нам в области охраны женского труда. Когда мы окончательно справимся с врагами и одолеем разруху, нам можно будет совсем уничтожить ночной труд и сверхурочные работы для женщин и сделать многое другое. Но для того, чтобы подготовиться к этому счастливому времени, а также для того, чтобы сейчас использовать все возможное для охраны труда, надо, чтобы работницы приняли в этой работе самое горячее участие, шли бы в инспекцию труда, в делегаты при подотделах охраны труда, в отделы охраны труда профсоюзов и т. д. Дело борьбы с вырождением рабочего класса, борьбы за физическое и нравственное оздоровление молодого поколения должно стать важным и близким для каждой работницы.

С. КАПЛУН.

Работницы на фронте борьбы с темнотой.

(Московский опыт).

Когда мы приступили к работе по ликвидации неграмотности, то перед нами встал основной вопрос: какую цель мы должны преследовать? Должны ли мы ста... [illegible]

...работницы, открывая специальные курсы. После работы, иногда в праздники, прибегали они на курсы, с [illegible] слушали лекции, задавали вопросы и ста... [illegible]

[illegible]

...собственной шкуре испытал и понял, что заработная плата, рабочий день, норма выработки, его материальное и духовное положение зависит от того, кто стоит у власти, какую политику проводит власть, что направлять деятельность рабочих организаций исключительно на приспособление к капиталистическому строю—это шарлатанство и одурачивание рабочих масс. Поэтому, когда в 1906 г., после падения революционной волны, собралась 2-я Всеросс. конференция профсоюзов, главный вопрос занимал ее: могут ли профсоюзы легально (открыто) работать при существующем строе и, подводя итог своему опыту, постановила легальных профсоюзов не организовывать, ибо это значило бы окончательно разбить союзные силы и средства, повело бы только к арестам и ссылкам. Профсоюзы, как и политические партии принуждены были уйти в подполье.

Работниц в последующий период 1905—1917 г.г., организованных в профсоюзы, было мало, ибо тут требовалась, прежде всего, сознательность и готовность пойти на все жертвы, которых требовало подполье. Но так как женщина наиболее пострадала от войны, была наиболее необеспечена, наиболее обездолена, то все революционные движения, политические и экономические стачки находили отклик в сердце работницы и ставили в ряды революционеров: манифестантов, стачечников и мало женщин. Так или иначе русские профсоюзы, в отличие от западных, не только допускали их в свои профсоюзы, но и на первой же конференции после февральской революции (июнь 1917 г.) поставили вопрос о женском труде.

Дело в том, что в России работницы, занятые в различных производствах, еще в 1914 г. составляли 45%. Война повысила % женского труда: к январю 1917 г. женщин, занятых в одной только текстильной промышленности, [illegible]

...профсоюзов, который состоялся в тот же период, когда Советская Россия, отбив Колчака, Деникина и Юденича, переживала передышку и готовилась «перековать мечи на плуги»—среди других организационных задач—укрепления союзного аппарата, связи широких масс, рядовых членов с союзными органами, мог снова поставить вопрос по работе среди женщин. 3-й Всеросс. с'езд профсоюзов перенес центр тяжести союзной работы из области организационной в область производственно-хозяйственную и поставил вопрос о женском труде глубже. Женщина-работница, как член профсоюза, является, прежде всего, производителем, от работы, которого зависит сейчас жизнь или смерть революции. Но работница по сравнению с рабочими в настоящее время еще не равноценный производитель, ибо она обременена домашними работами, которые выполняет придя домой и тем самым не восстанавливает свою затраченную силу, понижая тем самым свое качество. Поэтому она в огромном большинстве неквалифицирована, и развита и неграмотна в политическом отношении. Поэтому III Всеросс. С'езд обратил внимание профсоюзов, прежде всего, на организацию вместе с другими органами Советского государства—тех учреждений (дома-коммуны, ясли, сады, школы, общественные столовые, прачечные и т. д.), которые оставляли бы работнице хоть сколько-нибудь свободного времени для участия в общественной работе, для своего развития и обучения. Второй важной задачей является поднятие квалификации женщин-работниц, составляющих почти 50% всей рабочей силы предприятий, путем профессионально-технического образования. И, наконец, 3-й задачей—вовлечь ее в работу профсоюза и в организацию своего производства. И объединить, совместно с отделами работниц по примеру Московского и Питерского Губ... [illegible]

...родного хозяйства. Но годы опустошительной гражданской войны не прошли даром для работницы. Жизнь, сама жизнь вытолкала ее на общественную работу, превращала ее в строителя. За три года революции работница в профессиональном движении кое-чему научилась, и заняла место в союзных органах. Вот некоторые данные Московских профсоюзов, в которых женщины составляют больший %.

Наименование союза.	% Женщин членов союза.	Количество женщин, занятых в Органах Союза Правл. Фабзавкомах и его комис.	Количество женщин в Управлениях предприятий.
Текстильщики	70%	60	5
Раб. швейн. промышл.	75%	380	11
Табачники	79%	20	1
Пищевиков	35%	205	—

Московский Губпрофсовет об'единяет около 200,000 работниц, почти половину всех рабочих (Питерский Губпрофсовет 115.438, что составляет 77—78% всех рабочих). Все эта работницы вместе со всеми рабочими-мужчинами переносили и переносят трудности, переживаемого момента, трудности работы по налаживанию... [illegible]

...бочего строительства, начатое 3 года тому назад,—правое, необходимое дело, по нашему пути идут рабочие и работницы всех стран, всех цветов кожи, все человечество, ибо за нами, правда, за нами справедливость. Еще дружней, еще плотнее сомкнем мы наши ряды, ибо только в нашей борьбе, в нашей работе—залог победы над русской и мировой разрухой, которая тяжелее всего ложится на плечи женщины-работницы!

С. Герштейн-Дроздовская.

Чудо.

(Впечатления).

Нет, не то чудо, что девица, после того, как на нее спустился голубь, произвела на свет младенца мужского пола. И не то, что мертвецы, уж провонялые, начинали разгуливать по белу свету. И не то, что с неба начинают валиться жареные мачные пироги, да превкусные. На эту поповскую удочку мало кто идет.

Я сижу в театре имени Петра Алексеева и гляжу, и слушаю.

И вижу, и слышу чудо. Только не поповское чудо, а чудо, сотворенное железным ходом истории.

Весь театр залит женскими лицами. В платочках, в косыночках; пожилые, замученные; молодые с задорным блеском глаз; в валенках, в башмаках или туфлях, в которых так холодно на снегу.

Царство работницы. Это—делегатки со всех районов. Они собрались вспомнить борьбу октябрьских дней.

Выходят и говорят. Есть навык, говорят гладко, свободно, убедительно.

А есть, выходят и выкладывают душу попросту, по-деревенски, самыми простыми словами; их жадно слушают. Одна почти поет, это размер песни или причитания.

И я оглядываюсь. Всего три года, даже два года, год тому назад над ними лежала дремучая тьма. А теперь эти женщины и девушки, эти работницы—борцы.

И это чудо! И до такой степени чудо, что боишься пошевелиться,—а вдруг проснешься, а ничего этого нет.

Товарищи, работающие в отделе работниц при Ц. К., говорят:

— Ведь, они совсем к нам идут,—с горшками, как варить; с кофтами, как шить; со всеми своими радостями и горестями, решительно со всем.

А я думаю: чудесно! Вот, вот, так именно и надо строить работу,—от жизни, от ее самых мелких частичек, кирпичиков надо вести к общим широким идеям строительства. Вы только помогите ей горшок с варевом в печку поставить, а насчет того, что фабрикант—сукин сын, это вы живо поладите.

Не так ли надо вести работу и с крестьянством, с малосознательными рабочими. Снизу, а не с крыши.

Работницы идут на слом старой жизни густой массой, а впереди рассыпалась стрелковую цепь представительницы печати.

Выходит милая девушка, читает свои стихи. Читает другая. Их радостно и любовно слушают. Ведь, это ж свои, поймите же, вот среди них же поднялись,—они их отлично знают,—и прочитали свои собственные произведения.

Да, разве же это не радость! Разве это не победа!

Мне трогательно рассказывать: безграмотная крестьянка, не умеет писать, а образы рвутся. И она диктует, а товарищи записывают, и выходит трогательный рассказ.

И уже сто работниц, сто работниц и крестьянок берут в руки неодолимое оружие печати.

И если бы я эти три года проспал с завязанными глазами и ушами, и на несколько часов бы только открыл их и глянул бы на работниц в доме Петра Алексеева, я бы крикнул:

— Да здравствует великая социальная революция, ибо она творит невиданное чудо!

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Работницы в революции.

Первые советы.

Теперь, когда я смотрю на Советы Рабочих Депутатов, которые во всех городах занимают лучшие здания, и вижу, как партийная работа широкой волной свободно разлилась по всей России; мне вспоминается наша революционная дея... [illegible]

...теряно в тот момент, что спустя неделю мы снова смогли собираться легально.

В августе месяц пролетариат дальше не мог выдержать, и всеобщая 3-месячная стачка в Иваново-Вознесенске прекратилась, и вместе с ней была ликвидирована деятельность нашего Совета.

Но партийная работа усилилась еще... [illegible]

...за Керенского. Керенский хочет учредилку, а Ленин—Советы. Рабочий класс понял это, пошли дружно рыть окопы по Москве, а мы, женщины, не могли рыть окопы, так мы дежурили в комитетах и варили пищу нашим борцам. Три дня и три ночи мы не имели отдыха и смены и думали, что этому не будет конца. Но на четвертый день белогвардейцы дрогнули и сдались, и рабочие вошли в Кремль и подняли там красный флаг рабочей диктатуры.

Что же заставило сдаться белую гвардию? Они хорошо владеют оружием, они образованы, сыты, а рабочий темен и неуклюж и голоден. На мой взгляд ответ прост: вот эти-то все обиды и недостатки сплотили рабочих в одно целое, и я сама наблюдала, что они боролись, как львы, грязные, холодные и голодные, полные сознания важности событий. Организованность рабочего класса и победила пьяную белую гвардию и юнкерство.

Много легло славных борцов Октябрьской революции, и поредели ряды рабочих. Но не умрет память о славных героях, павших за великое и правое дело рабочего класса. В третью годовщину Октябрьской революции вспомним наших павших героев и скажем: мир вашему праху, товарищи, а мы, оставшиеся в живых рабочие и работницы, не щадя своих сил, следуя вашему примеру, как великих героев, доведем начатое вами дело твердо и честно до конца.

Да здравствуют Советы и рабоче-крестьянская диктатура и великие вожди Октябрьского переворота, товарищи Ленин и Троцкий!

Работница А. Оглерина.

Работница в октябре.

Ничто так не об'единяет работниц и рабочих, как их классовое самосознание... [illegible]

...помощь раненым, находясь под самым огнем. Но вот выстрелы делаются чаще, белые начинают стрелять с крыш домов, работницы кричат: «Все равно, мы победим». Через десять минут все сливается в один звук—выстрелы, огонь и голоса, революционные песни, даже веселый смех работниц. И лишь видны красные знамена и ленты, повязки работниц.

Так восстали рабочие вместе с рабочими, взяли власть в свои руки и на весь мир громко крикнули свое человеческое «я». Так работницы завоевали свои права.

Работница К. Пустова.

Наступление немцев и работница.

В ночь с 24-го на 25-е Февраля 1918 г. фабрично-заводские гудки разбудили спящих работниц и рабочих. Раньше гудки гудели только в определенные часы и звали трудящихся на работу.

Что же случилось? Почему гудки в такой неурочный час?

Зовут на работу? Нет. В этом зове нет обычного: «идите на работу», нет, это дружный мощный клич: «к оружию!».

Свободные рабочие и работницы! Красному рабочему Питеру грозит опасность. Грозная волна немецкого империализма подкатывается к стенам свободного города.

И ожили рабочие кварталы. Их обитатели спешили на зов. Они шли, перегоняя друг друга, спеша на зову.

Идут не только рабочие, но и работницы.

Кто идет на завод, на фабрику, но большинство прямо к районным Советам. Там уже происходит формирование... [illegible]

[illegible]

...вый зов стать на защиту первой в мире власти трудящихся, власти, освободившей их от векового рабства.

Работница показала, что она достойна свободы и сумеет за нее бороться.

На протяжении трех лет борьбы с бедными, работницы занимали не последнее место в рядах борцов, и впредь они будут там, куда позовет их Советская власть.

Работница проснулась, и никто не заставит ее заснуть, ибо она свободна.

Работница Б. Садовская.

Работница в профессиональном движении за три года революции.

Профессиональные союзы в России—детище революции. Революция дала им жизнь, революция взрастила и укрепила их. Но еще до революции,—в 1905 г. на первой Всероссийской конференции профсоюзов,—формулируя свои цели и задачи, молодое русское профессиональное движение с момента своего зарождения заняло совершенно другую позицию, отличающуюся от западно-европейского тред-юнионизма. Цель, которую поставили себе профсоюзы на первой же своей конференции, это—свержение капиталистического строя с его частной собственностью, с анархическим способом ведения хозяйства, с его нищетой, рабством для рабочего класса, ибо русский рабочий в эпоху царизма, на практике, на своей... [illegible]

Три года революции.

Неужели «уже» и неужели «только» три года, как мир был потрясен вестью, что в России пролетариат, в революционной борьбе, [illegible] и [illegible], взял в свои сильные руки политическую власть и в форме советского строя установил свою диктатуру?

«Уже 3 года», ибо кто пережил это огромнейшее историческое событие—пережил с [illegible] душой человека, [illegible] [illegible] освобождающую роль пролетарской революции,—для того оно остановило время, [illegible] [illegible]. Яркий свет, [illegible] мировой [illegible], [illegible] над темной бездной ужасной мировой войны и хаотического развала старого капиталистического мира. «Уже» и одновременно «только» три года! Если оглянешься назад на пройденное за этот короткий промежуток времени, то, по богатству исторических [illegible], которые [illegible] пронеслись мимо нас,—все это покажется нам целой вечностью.

Революция русского пролетариата была, [illegible], [illegible] Брест-Литовский мир, [illegible] [illegible] [illegible]. Она [illegible] путь для той революции, которая на [illegible] Австро-Венгерской двойной монархии образовала [illegible] республики. Она [illegible] путь для того переворота, который в Германской империи [illegible] с трона [illegible] [illegible] [illegible] федерального Гогенцоллерна и вместе с ним почти две дюжины [illegible] династий, нанесла сокрушительный удар юнкерскому милитаризму и кинул[illegible] подбросил пролетариату, в качестве [illegible] и плохо использованного подарка, государственную власть. Нельзя вычеркнуть из истории этого факта, что развал германского западного фронта и восстание широких народных масс в Германии сопровождалось появлением многочисленных рабочих и солдатских советов, которые как грибы выросли за одну ночь.

С тех пор колеблющийся в [illegible] мир капитализма [illegible] не может вернуться к прежнему спокойствию и [illegible] своим [illegible] [illegible] и эксплоатацией. Советская Венгрия и Советский Мюнхен появились как метеоры, исчезли в море крови, но [illegible] все же не напрасно, ибо во всяком случае останутся не бесславными страницами в истории борьбы международного пролетариата. В Германии рабочий класс, под убийственным перекрестным огнем буржуазной демократии и классовой диктатуры, орудием которых служили Шейдеманы, Эберты и Носке, начал создавать себе традиции революционной борьбы. Все решительнее, все сознательнее становится его натиск против организованной силы господствующих классов, против их [illegible] [illegible]. [illegible] пролетарские массы теряют веру [illegible] в [illegible] буржуазной демократии, и [illegible] фальшивую «социализацию»; они теряют [illegible] [illegible] [illegible] перед [illegible] «Оргешем»*) [illegible].

*) «Оргеш»—организация белогвардейского полковника Эшериха. (Прим. перев.).

[illegible]

...и пролетарских масс, соперничающих между собою в революционной смелости, в энергии, в готовности к жертвам, в упорном терпении; дело партии, полной сконцентрированной энергией, уверенной в своей цели, знающей свой путь и решительной, в дело класса, безостановочно стремящегося вперед. След их не потонет в реке забвения.

Три года Советского строя куплены, разумеется, дорогой ценой. Страданиями миллионов, кровью десятков тысяч. И все же цена эта не слишком велика. Ибо бесчисленные поколения будут жить по всей земле в широком, солнечным лучами пронизанном общественном здании Об'единенных Коммунистических Советских Республик, постройку которого начали русские пролетарии. Советская Россия обороняет, борется и строит для эксплоатируемых всего мира, для всего человечества. Исходящие от нее струи, пробуждающие революционную жизнь, разливаются по всем странам. Ее борьба и строительство самым убедительным образом покажут всем несчастным и обремененным, что их спасением и [illegible] не власть эксплоатирующих классов, не организованная сила их господства, а скорее собственное [illegible], [illegible] вера в собственные силы. Мужественная вера в собственную силу и действие сделала Советскую Россию непобедимой, неотразимой. [illegible] этой верой, Советская Россия выполнила свой долг перед самой собою, перед пролетариями всего мира, выполнила его щедрой рукой, несмотря на [illegible]. Теперь остается рабочим всех стран выполнить, наконец, свой долг!

[illegible] в строю Коммунистического Интернационала, в бой за мировую революцию!

КЛАРА ЦЕТКИН.

Москва, 27 октября 1920 г.

На Тверском бульваре.

С легкой руки «нейтральных»,—хотя в эти дни нейтральными могли быть только «вожди», а массы по своим симпатиям резко разделились на два лагеря,—было заключено перемирие «для выяснения условий прекращения кровопролития на улицах Москвы». Перемирие начиналось с 12 час. дня 30 октября (стар. стиля), и не началось. Часа в два в штаба получается донесение: белые из дома градоначальства начали усиленно обстреливать наши посты на Тверском бульваре, держаться трудно, просят подкрепления.

Прохожу в помещение ревкома—дежурит член ревкома и штаба В. М. Смирнов. Передаю содержание полученного донесения.

— В градоначальстве все еще держатся? Под боком у совета? Надо выбить!

— Чем? Там горстка красногвардейцев.

— Возьмите батарею и батальон 85-го запасного полка—собьете.

Через полчаса батарея грохочет на площади у Совета. Выстраивается батальон 85-го полка. Командует подпрапорщик: строятся торопливо, сосредоточенно, в молчании. Решаю дойти до Страстной площади, откуда и начать наступление.

Двигаемся по Тверской, и у Гнездниковского подвергаемся пулеметному обстрелу. Стреляют из глубины переулка, по-видимому, из здания бывшей охранки. Небольшая заминка.

— Чего стали!?—орет подпрапорщик на свой оробевший батальон,—небось, при Николае как ходили!—и бросается вперед, рослый, в хорошей шинели, с блестящими погонами, с нафабренными «по привычке» усами.

Пример действует. Батальон «справа по одному» перебегает опасное место.

Несколько человек остаются лежать. Двое с перебитыми ногами переползают, оставляя позади полосу крови. Ротный фельдшер тут же перевязывает их.

Но батарее пройти нельзя. Приходится повернуть, спуститься по Глинищевскому переулку на Дмитровку и вновь подняться вдоль бульвара на Страстную площадь.

Наконец, все в сборе—собрались у трамвайной станции, прижимаясь к ее стенкам от летящих от градоначальства пуль. Впереди, рассыпавшись поперек вдоль Тверского бульвара, наша цепь—отряд красногвардейцев и часть запасного полка под командой не молодого уже подпоручика. Подхожу к нему.

— Много их?

— А черт их знает!.. Есть пулемет. Огонь медленный, но губительный—не подойдешь. Лежим на брюхе за деревьями и все ждем, что подкрепят.

На меня глядят с ожиданием улыбающиеся глаза, и в них я вижу не только ожидание, но и уверенность в достижении.

— Сейчас откроем артиллерийский огонь, а вы протяните цепочку корректировать.

— Идет.

Устанавливаем одно орудие между трамвайной станцией и памятником Пушкину. У орудия оживленное совещание, какой ставить прицел? Наконец, решено: 12.

— Огонь!

Зеркальные окна аптеки с грохотом сыплются на улицу.

— Ну, как?.. Верно?..—запрашиваем через цепочку.

Минут через пять приходит ответ:

— Не видать, куда и залетела...

Командир батареи, высокий, худой фейерверкер, смущен.

— Десять!—мрачно командует он.

— Огонь!

На этот раз ответ цепочки приходит почти немедленно.

— Черти!.. Дьяволы!.. По своим ударили!..

Общее смущение.

— Стойте,—решаю я,—вот я влезу на крышу дома—буду оттуда корректировать.

Со двора по пожарной лестнице влезаю на крышу углового дома, в котором помещается пострадавшая аптека, со мною [illegible].

— Слушайте... постойте, граждане офицер... [illegible]

По двору беспомощно мечется по[illegible].

— Послушайте!..—кричит «пожилой».—Я представитель домового комитета!..

— Ну—и дальше?

— Слезьте с крыши!

— Не слезу.

— Слезьте—я вам говорю!.. Разве вы не читали приказа полковника Рябцева: если с крыши дома будут стрелять большевики, то дом будет обстрелян войсками!

С крыши дома весь Тверской бульвар и дом градоначальства как на ладони. Через 15 минут снаряды начинают ложиться у самого дома, попадают в фасад его и во двор.

Одним снарядом пополам перебивается столб газового фонаря перед под'ездом, газ загорается и столб пламени, колыхаясь, поднимается аршина на 2 в воздухе. Другой снаряд, [illegible] орудия, попадает в трамвайный столб, и, прорезав его правильной дыркой, разрывается тут же. После 8—10 снарядов огонь «защитников Временного Правительства» стихает.

Я вновь пробираюсь по бульвару вперед. За это время наши цепи вплотную подошли к цели.

Вызываю охотника, привязываю на штык платок, приказываю прекратить огонь и посылаю его «парламентером» для предложения сдаться.

Огонь противоположной стороны прекращается.

Парень подходит к воротам градоначальства, скрывается за ними. Проходит несколько долгих тяжких минут... Наконец он показывается вновь и с ним две штатских фигуры—парламентеры. С завязанными глазами, держатся за его руку. Отводим их за два дома, развязываем глаза—передо мною два моих знакомых присяжных поверенных, служащих в милиции.

— Как!.. Вы с ними?..—почти одновременно восклицаю я и они, но тотчас вспоминаем, что мы «парламентеры», и переходим на официальный тон.

— Сдавайтесь,—заявляю я.—У меня 6 орудий и пехота, мы сметем вас с лица земли.

— Нас 300 человек, милиция и юнкера. Рябцев нам обещал прислать подкрепление. А, впрочем, дайте нам 2 часа на размышление.

Я делаю знак, «парламентерам» завязывают глаза.

— Вот вам мои условия: безусловная сдача с гарантией жизни, на размышление 15 минут. После этого срока ни в какие переговоры вступать не буду.

Их уводят.

Красногвардеец возвращается обратно.

— Ну, что? Много их там?

— Да нет! Есть юнкера, милиция. Бабы тоже с ребятами—плачут.

Через 10 минут ворота градоначальства отворяются, и показываются пленные: около 250—300 человек штатских милиционеров, военных милиционеров, человек 30—40 юнкеров, какие-то плачущие бабы с ревущими ребятами на руках. Все они с поднятыми кверху руками выходят на улицу. Громовое «ура» наших солдат.

Признаюсь, мне не мало труда стоило удержать озлобленный гнев восставших и обеспечить сдавшимся гарантированную им жизнь.

Вся эта колонна, сопровождаемая толпою «осаждавших», доходит до Совета и выстраивается у памятника Скобелеву, грозящего Совету своею чугунною шашкой.

Иду в штаб.

— Что это такое?.. Откуда?..

— А вот—принимайте пленных.

— Да на кой черт вы их столько натащили?—не выдерживает начальник штаба, тов. Аросев.

— Что же с ними делать—сдаются.

Пленников водворяют в верхний этаж «Дрездена». Часть из них—мирные присяжные поверенные из милиции—были отпущены в тот же или на следующий день, милиционеры же и юнкера досидели до «мирного договора».

Инициатор, вдохновитель и руководитель обороны градоначальства, начальник милиции, присяжный поверенный Воскресенский, избежал плена, прибегнув к одному из гнуснейших приемов обмана. Пользуясь неприкосновенностью лиц с повязкою Красного Креста, с такими же флажками в руках, подбиравших по улицам раненых той и другой стороны, он в момент выхода из ворот сдающихся надел повязку, и вооружившись флажком, проскользнул в сторону Никитских ворот и отправился к Рудневу и Рябцеву рапортовать о сдаче «крепости».

Богаты о сестрах и братьях милосердия. С первого выстрела, с появлением на улице первого воюющего красногвардейца и солдата, с появлением вооруженных до зубов юнкеров и вольноперов, появились и сестры и братья милосердия. Каждая сторона имела своих: у нас—работницы с грубо сделанными повязками, [illegible] и студенты попроще, у них—бой-скауты, франтоватые барышни, в 14—15 л. толпами заполнившие лазареты и мешавшие работать там постоянному составу. Представители той и другой стороны пользовались безопасностью: их появление посреди улицы прекращало огонь, им давали свободно вытаскивать раненых. На этой почве происходило не мало таких случаев.

По Никитской—группа юнкеров. Наш пулеметчик из углового окна тщательно целится, выпускает патронов пять-шесть и... пулемет замолкает—осечка. Юнкера шарахнулись и прижимаются к стенам домов. Тут бы их и бить, но по улице к раненым и убитым бежит сестра с флагом и с ней два студента с повязками Красного Креста, с флажками в руках—и огонь прекращается. Юнкера чувствуют себя в безопасности и шмыгают в соседний переулок.

Взятием дома градоначальства бой на Тверском бульваре не кончается. Со стороны Никитских ворот показывается цепь юнкеров и начинает обстреливать наших ребят, подтягивающихся на уровень занятого дома. Снова возвращаюсь, налаживаю артиллерийский огонь. Полчаса—и дом, замыкающий Тверской бульвар со стороны Никитских ворот, где помещалась столь популярная столовая Троицкой, в наших руках. Быстро пробираемся в его часть, обращенную окнами на Никитскую, и бой загорается вновь. В наших руках соседний угловой двухэтажный дом, напротив, в театре «Унион» и в гостинице «Ницца», юнкера; расстреливаем друг друга в упор из окон здания.

Та часть, которую мы заняли,—какие-то меблированные комнаты. На столах еще неостывшие самовары, недопитые стаканы чаю. Видно, что наше появление вспугнуло мирно шедшую обывательскую жизнь «меблирашек». Обитателей в комнатах ни души: все они столпились внутри двора, часть прячется в подвалах.

— Что это будет! что это будет!..—растерянно спрашивает меня пожилая женщина, хватая за руку.—И Коли нет... сын мой... С утра ушел...

— Послушайте... Вы скоро освободите наши комнаты?—кокетливо говорит немолодая женщина с сильно подведенными глазами.

— В Англии дом ли, квартира ли частного гражданина священны, никто не может самовольно войти, даже агенты государства, не говоря уже о демонстрантах; даже революционеры уважают это право неприкосновенности домашнего очага. Но, конечно, это в Англии, а не у нас в полуварварской России!..

Аккуратно выбритый старичок, тип учителя чистописания, говоря это, саркастически улыбается.

— Уходите лучше,—говорю я,—по Тверскому бульвару можно пройти.

— Уйти?.. А вы тут без нас все разграбите? Как же!.. нашли дураков! Нет, мы уж в подвале посидим—все равно вас минут через 10 выгонят!

— Молчи, сволочь!..—прерывает его рослый красногвардеец с винтовкой в перевязанной кистью левой руке.—Добро твое что ли нам нужно? Не беспокойся, победим—все у вас, буржуев, отберем, [illegible]. А будешь, поганец, еще лаяться...—и винтовка, как перышко, подымается в воздухе.

— Господин офицер!.. Господин офицер! Что же это такое?.. Угрозы?.. Свобода слова... революция...

Остается махнуть рукой, да итти. А дела много. К юнкерам, очевидно, подошло подкрепление, огонь их становится все сильнее. Неладно что-то творится в [illegible] доме. С той стороны, где булочная Савостьянова, огня наших солдат почти не слышно. Пробую—перебегаю через проезд и прохожу во двор. Кучка солдат угрюмо толпится в углу. Оказывается, убили их ротного, юного прапорщика, члена партии большевиков, которого я накануне видел в штабе беседовавшим с Аросевым. Лишились командира, растерялись и не знают, что делать. Приходится назначить старшего и водворить их снова на место.

Надо перебежать обратно, на Тверской бульвар, а пули по булыжнику так и цокают. Была не была... Пускаюсь напрямки. Благополучно добегаю до середины улицы... Как будто удар палки резко обжигает мне ногу. На мгновение падаю на колено и тотчас же с ощущением—кость цела!—пускаюсь, но уже не дальше, а в открытые ворота, что около дома Горчакова; здесь несколько солдат. На их зов с бульвара спокойно переходит студент с магическим флажком. Делает перевязку. Под охраной его же флажка солдаты на руках переносят меня через Тверской бульвар, в Малой Бронной. Чья-то рука протягивает мне кисть винограду. На углу Бронной и просят автомобиль.

—Куда вас?—спрашивают меня.—Вы—советский или белый?

Солдаты ржут.

— Да это наш командир, а вы: белый!

Через пятнадцать минут я в Совете. Нижние комнаты, когда-то иностранное отделение, превращены в лазарет, сестры—секретарши, машинистки Совета; [illegible] забота, уход. Через полчаса в комнату заглядывает Усиевич.

— Ну, как?.. не очень опасно? Ну, это хорошо. А наши [illegible] заняли. Завтра с утра будем Кремль обстреливать.

И снова исчезает.

В черном небе вспыхивает заревом. Горит дом у Никитских ворот, загоревшийся от гранаты, брошенной белыми в Никитскую аптеку. Заканчивается один из кровавых эпизодов борьбы за власть Советов в Москве.

Ю. САБЛИН.

Кавказский фронт.

1,040 дней борьбы одного „маленького человека“.

Я хочу, чтобы все честные рабочие, крестьяне и красноармейцы сегодня, именно сегодня, прочли историю одной маленькой революционной жизни. Я хочу, чтобы будущий историк великой социальной революции и гражданской борьбы труда с капиталом занес на своих страницах похождения одного из тех людей, которых белая гвардия и все ее прислужники клеймят «разбойниками, грабителями, разрушителями и безбожниками», и пусть все честное, здоровое и хорошее, что есть среди людей, пусть весь трудящийся мир из этого простого рассказа сделает соответствующий вывод.

Я буду говорить не о великих вождях мировой революции, не о Ленине, Троцком, Луначарском и др. О них говорит сама революция, их знает рабочий класс всех стран, эти имена знакомы всем трудящимся массам мира. Я буду говорить об одном украинском мужике, об одной сильной и необыкновенно честной натуре, настоящего имени которого никто до сих пор не знает. В каждом отряде, на каждом новом посту он меняет свое имя. Я его знаю давно. Познакомился с ним еще в 1912 г. в каменец-подольской тюрьме. Наше знакомство длилось тогда недолго. Мы встречались на прогулке. Помню его черные, сердито нахмуренные брови и вопрос: «политический?» Движением головы я ответил ему утвердительно. Он стал еще серьезнее и, пользуясь расположением надзирателя, крепко сжав мне руку, шепнул: «Ужасно тяжело бездельничать, во что бы то ни стало надо уйти отсюда» и его смоляные брови еще мрачнее сгустились. «Тебя как зовут?»—спросил я его.—«Никита»—был его ответ.

Ранее через три дня он осуществил свой побег.

Лишь через два года, совершенно случайно, почти у порога смерти, я встретил этого бесстрашного человека, который спас и меня, и весь гарнизон от гибели.

Он почти не изменился, если не считать прибавившейся лысины выше широкого лба. Дело было осенью, как раз, когда керенщина стала трещать и власть захватывалась пролетариатом. В одном из уездных городов Подольской губернии, в ночь на 26 ноября 1917 г., во время заседания Исполкома мы услышали внезапно частые ружейные выстрелы и грохот пулеметов. Это стреляла восставшая местная буржуазия во главе с каким-то генералом. Выйти из здания Исполкома уже нельзя было. Оно было оцеплено белой гвардией. Телефонное сообщение было прервано. Ночь принадлежала черной сотне. Все честное и стойкое, что было в городе, было перерезано и замучено. Помню восходящее солнце следующего утра, беспорядочную стрельбу по городу, крики, стоны и пьяную команду озверевшей черни.

Против здания Исполкома из окна третьего этажа был выброшен 60-ти летний старик, а на балконе этого дома вместо красного флага был поднят царский трехцветный. Мы ждали смерти, но она к нам не приходила, ибо нас оставляли для более продолжительных пыток и издевательств. Между тем караул переменялся, раздались тревожные сигналы белой гвардии, а где-то далеко за городом затрещали пулеметы. Улицы опустели. Но вот раздались звуки музыки, все ближе и ближе... Минуту спустя послышался ровный топот людей...

На белой лошади впереди отряда был «Никита». Со слезами радости я вышел навстречу. «Ты откуда взялся, Никита? Узнаешь?»—спросил я. Пристально-пронзительным взглядом он посмотрел на меня, и как бы вспоминая далекое, вдруг произнес, сказал: «Ах, да там... на прогулке... ну-да... так. Вот что, я следую дальше, еще много работы, слишком много паразитов, я оставлю тебе маленький отряд, ты-организуй силы.. Время работает на нас, так не зевайте же...». С этими словами, отдав соответствующее распоряжение и пожав мне руку, сказал: «Прощай, не забудь же, а то опять придется ходить на прогулку, как тогда».. Прощай, Никита»,—ответил я. «Я сейчас «Андрей»,—ответил он и умчался на своем белом коне.

Между тем для Советской Украины настали грозные февральские дни, когда гайдамаки в сопровождении немецких империалистических штыков стали наступать на нашу армию. Помню я отступил с небольшим отрядом со ст. Жмеринка, преследуемый 34 немецким полком, когда, не доходя ст. Вапнярка, я встретил во главе хорошо организованного 2-тысячного партизанского отряда тов. Никиту-Андрея. «Кто командует этим отрядом?»—спросил я первого попавшегося партизана.—«Стенька-Рябой»,—ответил он, как бы гордясь своим начальником. Когда меня привели в его штаб, то передо мной стоял мой старый друг Никита или Андрей.—«Зачем ты каждый раз меняешь свое имя?»—с досадой спросил я его. Он не сразу ответил. Черные брови нахмурились: по обыкновению стали мрачнее, задумчивее и придавали его наружности какой-то особенный, отрезвый вид, а спустя немного, как бы очнувшись, он произнес: «Оттого, что я избегаю почестей, славы и карьеры. Я хочу, чтобы меня знали, только моя совесть, мой долг перед народом... Никому дела нет до моих подвигов, успехов или поражений... Я отчитываюсь перед своей глубокой верой в торжество социальной революции и не все-ли равно кто честно исполняет свой долг перед рабочим классом: Степан или Никита? А впрочем не твое это дело... «У тебя много людей? Сегодня ночью предстоит тяжелый бой с немцами. Готовься, пойдем вместе в наступление».

Ночь, действительно, была одна из тех ночей, которые трудно вычеркнуть из памяти. Противник во чтобы то ни стало старался овладеть нашим опорным пунктом и пускал в ход все средства разрушения. 4 раза станция переходила из рук в руки. Я видел моего друга в эту ночь на поле брани, я видел его перебегающего с одного фланга на другой под градом пуль и удушливых газов. Две раны в правую руку как бы не тронули его... «Вперед, ни шагу назад!»—раздавались его ободряющие крики всю ночь.

К утру мы должны были, однако, отступить.

По стратегическим причинам я расстался со своим другом на второй день. С тех пор я не видел его и считал давно погибшим.

Только на-днях, в грязном конверте получаю от него письмо, в котором он пишет: «Дорогой друг, случайно узнал, что ты в Саратове, я—«Стенька-Рябой, а ныне «Ваня-Лихой»—нахожусь в N-ском корпусе под Мариуполем. Таким же маленьким безызвестным человеком, как и раньше,—1040 дней борьбы не сломили мою веру в победу социализма в грядущее, близкое поражение наших заклятых врагов. Я верю, надеюсь, борюсь и убежден, что нам не придется просить воздуха у палачей рабочей революции. Твой Ваня-Лихой».

Такова краткая история одного из вождей рабочего класса, почти никому неизвестного. А сколько таких безызвестных, но истинных героев создали эти года тяжелой революционной войны!

Так умеют, неустанно перенося все лишения, бороться и верить только представители бессмертной идеи коммунизма.

Е. ЕФИМОВ.

Россия.

Долго глухой дорогой
Вехами монастырских глав,
Кликушествуя убого,
С причитаниями брела.
Смутным вопросом билась
У распятого Христа в ногах,
Проселками бродила,
Терялася на площадях...
Новгород-вольный забыт-ли?..
Вече забыла-ли ты
На перекрестке событий,
Голода и маеты?..
Вспомнила... и свистнули плеть,
Окровавливая пыль...
На черной дороге столетий
Не ты ли, Россия, не ты ль?..
И за пытку, плаху и казни,
За анафему и за кнут
Широкогрудой Волгой Разин
Над Русью расплеснул Весну...
Эх!.. да на покорные плечи
Вновь—кандалы годов!..
И чутки о вече речи,
И глуше шепот шагов...
Долго окольной дорогой
К солнцу—мечте брела,
Вились над ней с тревогой
Два заревых крыла.
Перед грозовой тишью
Стыли годы... и вот—
Громовым Трибуном вышел
На площадь Семнадцатый год.
В плесень и ветошь были—
Лавой расплавленных дней.
Не ты ли, Россия, не ты ли
Над пьедесталом царей?..
Мускулы голод гложет,
Сердце на земном костре,
Но первым камнем заложено
Грядущее в Октябре.
В язвах, в тифу в холере—
Тысяча сотый день.
Но чем же, чем измерить
Пройденных высот ступень?!.
К Солнцу!.. На камень-камень!..
На гильотину—Быль,
Чтоб Небу седыми веками
Грядущее не забыть...
Бей и барабанным кличем
В зареве пожарищ и ран:
—«Взрывайте троны Величеств,
Пролетарии всех стран!..
Сравнивайте и мостите
Пропасти наций и рас.
Евангелие старых истин
Срывайте с прозревших глаз!..»
Отгрохотали Карпаты.
Венгрия сбросила цепь.
Дрожит роковою расплатой
Кровь в королевском венце.
Скоро Лондон, Париж, Чикаго,
Стран сжигая рубежи,
Гранитной огромят баррикадой
Дымящиеся Мятежи.
Сердце кричать не устанет,
Ураганам не задушить
Пылающий Факел восстаний
И взлет окрыленной души...
Сердце Интернационала — Кремль,
Красным Исходом—Москва.
Как в море, в мире не дремлет
России Девятый Вал...

С. ОБРАДОВИЧ.

Всякая болтовня встречает отпор.

Три года в России существует Советская власть—власть самих рабочих и крестьян, ибо они завоевали ее с оружием в руках, в открытом бою, без болтовни и голосования. Трудно было представить, как могло случиться, чтобы была в России Советская власть, в той стране, где рабочие и крестьяне были необразованы, забиты, да вдобавок сердца их добры, покорны и послушны. И вот, эти-то забитые люди, с их добрыми сердцами, выбрали свой тяжелый и трудный путь под руководством большевиков. А этими большевиками были самые трудовые и честные рабочие, в том числе и бедные крестьяне. Какая же была их цель и задача? Цель их была во чтобы то ни стало добиться полной победы над эксплоататорами, помещиками, фабрикантами и кулаками, чтобы все было в руках рабочих и крестьян, ибо они потом и кровью создали все богатства России, а пользовались ими другие люди. И вот эта та кучка стала всюду и везде на улицах и переулках, в селах, городах и по железным дорогам вести травлю против большевиков. А большевики имели определенную задачу: земля, десятинами крестьянам, фабрики и заводы—рабочим. Чтобы этого не случилось, задача врагов рабочего класса была такова: борьба всеми силами и средствами, в том числе и болтовней.

Как только узнают, что большевики проводят восьмичасовой рабочий день, тут вой и гам по всем статьям, что они вот работать не хотят, а жалованье просят. Надо, якобы, пожалеть крестьян. Указывали: вот они, труженики, все 24 часа трудятся, а вы, что делаете, предатели, сейчас война с Германией, а вы, что задумали. Кругом пишут и визжат, что рабочие работать не хотят и все большевиков винят.

Но, не обращая внимания на разную болтовню, рабочие сплачиваются сильнее и сплоченнее, они понимают, кто ругает, и за что. Рабочего не обманешь: у него вырастают большевики с самого детства, ибо он рожден без денег и богатства.

А рабочий контроль прошелся какой вой! Здесь, что говорится, не на жизнь стали биться.

Как это, мол, необразованный серый мужик будет рыться в книгах у них. Вот до чего доперли. Скоро будут по карманам деньги проверять и к себе забирать. Не имеешь права деньгами пошевелиться и своим добром распоряжаться. Вот до чего дошли наши большевики. Но это им не удастся.

Враги всякую злую агитацию в ход пустили, но рабочего этим не смутили. Они говорили: будем продолжать свой чумазый нос совать и поменьше на болтовню внимания обращать. Мы знаем, кто что говорит и чего хочет.

А буржуй говорит: ворует большевик и желает кулаком—задавим вам потом, намылим шею.

Сколько тут было угроз, но рабочий утер свой нос и продолжал начатое им дело.

Большевики говорят: рабочий, ты в управлении должен стать, подучайся, вперед рабочий народ, не смущайся. Стали сильнее крепнуть силы и, наконец, встали во всю мощь и отбросили всякую сволочь прочь, а некоторые увидали, что они проморгали, поджали хвост и удрали.

Но кумушки - голубушки и другие прихлебатели барского стола, которых буржуазия с собой не брала, а может быть и не успела,—остались здесь, и опять покатилась любимая песня:

— Скоро, скоро такого скандала не будет, бог накажет, и их всех перевешают.

Но видят угроза и божье наказание не берет, и заорали во весь рот:

— Караул, грабят, обирают,—чумазых наделяют и в наши хоромы пускают. Грязные шагают, полы воском не натирают, ох, все пропадет. А в некоторых местах так поуплотнили, с ребятишками к нам напустили, безобразие, отдохнуть не дадут. Господи, хотя бы Вильгельм пришел и сжалился над нами.

А поп твердит: Царица Небесная, встретим с хлебом, солью и святой водой избавителя. Союзники, вы что же, идите, хоть Москву берите, Петроград и не жалко.

Ничего не берет, все от нас отказались, знать не нужны никому. Эх, да, мы и забыли, детки милые—интеллигентики милые. К вам мы обращаемся, не допустите, чтоб над нами измывались. Помогите саботажникам, чтобы легче было прятать пайками, а они придут, нас в обиду не дадут.

Все воронье отмахнулось на все русских буржуазных болтунов. Вильгельмы, Красновы, Деникины, Юденич, Колчак и Скоропадский со всеми помещиками и с нашими саботажниками, все завертелось кругом, как будто грозная туча нависла над большевиками. Вот-вот разразится удар и будет рабочий скандал.

Ага, вы обещали хлебушка, мира и угля и тогда будет благодать одна. Неправда, будем рвать, кромсать, заставим рабочих голодать; может не увидят, опомнятся про нас и свергнут советскую власть, ибо она нам хуже черта пришлась.

И опять зашипели враги, зашагали попы с крестным ходом и стращают народ иностранным походом. Патриот утирает свой лоб: забыл он матушку-Русь, мечтает: когда же я к богатству вернусь и с рабочими по-своему порасправлюсь.

— Какое безобразие, женщинам дали равноправие, а если будешь рожать, станешь четыре месяца отдыхать. А когда же это было?—Да после этого она должна домой ходить и через три часа ребятишек кормить. Эх, не говоря, очаги, ясли, школы, клубы, комитеты, до чего додумались видные черти. Но вот настала пора! Деникин подходит сюда, покажем мы вам и советы, застонут все на свете, которые вместе с вами шагали с красными флагами.

— Ничего не берет, тверд рабочий народ, отбивает все наши затеи, вооружился он под красной звездой, отбивает походы. Как ни ругаем мы, ни стращает поп, их и черт не берет, до чего вооружился народ за свободу. По милости нашей голодный, холодный привык ходить, босиком, для него как-будто все нипочем; откуда берется сила! и кто приучил к труду, таскать сумки на горбу, подмышкой дровишки и, наконец, Ваньку с Танькой под венец, заставили исполнять нашие делишки. Как ни трудно шагать, а надо исполнять. Многие из нас повели волокиту, чтобы затормозить советскую машину и тем ухудшить положение страны, но тут оказались ребята хитрые, поставили комиссаров, которые поддают нам жару. Эх, наша беда, была надежда на польского пана, но и у того жилка оказалась слаба. Да, наша не берет, рабочий прет изо всех сил, тянется в работу. Тащит топливо, сырье, дело будет, Зашумели пары, застучали станки, одеваться станут. А если ослабнут наши, наше дело не пища, у рабочих хлебушек будет.

— Стой, стой, а верхи и низы, порой спорят большевики. Неужели и здесь нам не удастся ход найти и агитацию против них повести. Брось, не то, в их дела не суй нос никогда, знают кого ругают. Они знают, кто среди них стал пищать и выворачивать, они сумеют тем людям шею намылить, и надо бояться, как бы не попал такой, какой жалеет буржуазный строй—значит, выходи из нашей братии. Ну, кругом беда, пусть будет так, как хочет судьба.

— Товарищи, заканчивая, скажу: плюньте на разную болтовню. Сплотитесь сильнее, как никогда, и вами будет всякая негодная тварь побеждена, ибо она теперь, как никогда, шипит от злости, как муха перед зимой. Труженики, рабочие, вперед! Восстановим экономическую жизнь страны, тогда заживем счастливо и свободно. Наступает царство свободы, царство труда во всем мире, да здравствуют чумазые рабочие Советской России.

П. КУТУЗОВ.

К 3-й годовщине Октябрьской революции.

(От австрийского плена до трехлетия пролетарской диктатуры).

Когда прокатилась первая волна революции в России, мы, военнопленные, в горьком австрийском плену встрепенулись и стали прислушиваться к ее раскатам. И на пороге развивающейся революции в Австро-Венгрии заговорили, что в России есть великие вожди партии большевиков т. Ленин и т. Троцкий, которые создадут сильную первоклассную армию из трудящихся для борьбы с вековыми угнетателями. И у нас, пленных, зажглась надежда, что русская социальная революция вырвет и освободит нас из ярма несчастного плена.

В лагере военнопленных мы также создали свою организацию. И следя за газетой «Arbeiter Zeitung», которая написала, что в России началась великая октябрьская революция, под непосредственным руководством тов. Ленина и других, мы революционно воодушевились, горели желанием сражаться за благо народа, и с горечью в сердце жалели, что лично не могли участвовать в битве великой за освобождение от капиталистического господства и от цепей рабства. Но на митингах в лагере Грейг давали слово, что по возвращении на родину будем вступать в партию большевиков и в ее рядах сражаться за социализм. В Австро-Венгрии рабочие также под влиянием октябрьской революции были настроены революционно, а солдаты с фронта бежали для борьбы с общим врагом—капиталистами и кайзерами. Многие из русских пленных вступили в области Тироле в партизанские красные отряды, боровшиеся за обобществление земли. После свержения кайзеров Вильгельма и Карла, новое немецкое буржуазное «демократическое» правительство, под влиянием великой октябрьской революции и большевистского настроения пленных, всех нас стало отправлять на родину. Отправляли также английских, французских, итальянских. Пленные итальянцы говорили, что как вернутся в Италию, также создадут сильную организацию и совершат революцию, как и в России большевики.

Мне из плена пришлось вырваться в декабре 1918 г., и уже многие из т.т. пленных добровольно сражались в доблестных рядах Красной армии. Например, в Киеве, во 2 Сов. Укр. Таращанский полк без всякого отдыха вступил целый батальон бывших пленных, которые в боях против провокатора Петлюры дрались, как львы, и в течение времени с 9-го января по 28-е декабря 1919 г. ни разу не отступали, гнали полчища буржуазии и кулаков от Киева, Фастова, Казатина, Винницы, Жмеринки, Ярмолинец. Здесь весь фланг петлюровцев сдался на нашу сторону. По ликвидации этого фронта, 2 Сов. Укр. Таращанский полк перебросили под г. Бердичев, здесь после шестидневного боя враг был сбит, а в Дубне за отличие в боях полку вручили красное знамя. Затем полк перекинули под Старо-Константинов, здесь банды погромщиков-петлюровцев тоже были, а в М. Ярмолинце (Подольск. г.) меня назначили комендантом полка и города. В августе 1919 г. военное положение изменилось, меня отправили в Москву, где я служил в 1 стр. полку делопроизводителем полк. суда. Считаю за великое счастье, что был на фронте, где сражался против наемников капитала, что данное в плену слово исполнил. И всегда готов вперед с оружием в руках сражаться за наше трудовое счастье и новую коммунистическую жизнь. Празднуя 3-ю годовщину великой Октябрьской революции вместе с русскими трудящимися, весь пролетариат всего мира должен итти плечо в плечо под руководством Рабочей Коммунистической Партии, боевого III Коммунистического Интернационала и великих вождей. Подвиги доблестной Красной армии—вот действительная, практическая социология. Благодаря ей, человечество идет к победе в мировой Октябрьской революции и к торжеству труда над капиталистами путем диктатуры пролетариата и бедного крестьянства. И западно-европейскому пролетариату довольно быть на поводу у соглашателей Шейдеманов и разной дребедени, кои толкаются в кабинетах золотого кумира, ведя пролетарское освобождение на кобылу и затяжку мировой коммунистической революции. Смерть черному и желтому интернационалам! Да здравствует III Коммунистический Интернационал! Да здравствует диктатура пролетариата во всем мире! Да здравствует Р. К. Партия (большевиков) и великие вожди Ленин, Троцкий и др.! Да здравствует международная Советская республика!

В. ПАПЫШЕВ.

25-е октября.

То не солнце сверкает жемчужным лучом—
Власть Советская в мир свои искры бросает.
На земле исторический бой закипает,
Выходите на улицу с красным мечом.
Пролетарии города, пахари сел,
Становитесь в ряды под родные знамена.
Кто на праздник трудящихся к нам не пришел,
Тот, как крот, никогда не видал небосклона,
Тот умрет бесполезным и жалким рабом
За стеклом прокопченного дымом оконца.
Выходите на улицу с красным мечом
Дети вольной земли и свободного солнца.
Слышишь—в дымной дали, словно моря прибой,
Быстро катится гул исторической смуты?—
Это дети труда дружно ринулись в бой.
Что стоишь ты?—Не медли и ты ни минуты.
Мир трещит, как в грозу корабельная снасть,
Как накрененный корпус бушующей пучины—
И да здравствует в мире Советская власть
И разумное царство свободной коммуны!

Иван Кулик.

Воспоминания об октябрьских днях.

Три года мировой войны довели Россию до такого разорения, что прежде богатая наша страна стала нуждаться в самом необходимом—в одежде и в пище. Лопнуло народное терпение. Могучим взрывом народного гнева было сметено царское правительство в феврале 1917 года.

Свергнув царскую свору, русский народ вздохнул свободнее. Но хитрая буржуазия, как нельзя лучше, воспользовалась плодами народных побед. Она захватила власть в свои руки и крепко уцепилась за нее. Освободившийся было народ снова очутился в цепях рабства. Снова его согнули в дугу и погнали на бойню для завоевания дарданельских проливов и Константинополя.

Но наиболее сознательная и революционная часть народа—пролетариат, возглавляемый своей коммунистической партией, копил силы, чтобы дать решительный бой царству капитализма. И вот 25-го октября 1917 года пролетариат Петрограда выступил на борьбу и в тот же день захватил власть в свои руки. Но в Москве пролетариату пришлось вести борьбу за власть целую неделю.

Еще задолго до октябрьской революции я вступила в ряды партии большевиков. Как член партии, я приняла непосредственное участие в борьбе между трудом и капиталом, в этих великих в истории рабочего класса днях.

Вечером 25-го октября, как только пришла первая весть о захвате власти в Петрограде рабочими, в Москве был отдан приказ Красной гвардии быть в боевой готовности. Я тоже находилась в рядах Красной гвардии. Вместе с другими товарищами красногвардейцами в ночь на 26-е октября я отправилась в караул Замоскворецкого районного Совета. Другие красногвардейцы несли караулы на фабриках и заводах района.

26-го октября день прошел спокойно.

Но уже 27-го сорганизовавшиеся юнкера и белогвардейцы заняли ряд важных пунктов и учреждений в центре и открыли боевые действия против Красной гвардии. Несколько отрядов Красной гвардии и сочувствовавших пролетариату солдат было отправлено в центр: нужно было выбить засевших там белогвардейцев.

Я, как женщина, была назначена в санитарный отряд красной сестрой. Всю неделю я работала в санитарном отряде. Многих товарищей пришлось мне перевязывать, многим раненым я оказала первую помощь под обстрелом белогвардейцев. Я не жалела своих сил, везде и всюду я старалась облегчить страдания раненых и умирающих товарищей...

Целую неделю продолжалась героическая кровавая борьба рабочего класса с защитниками капитализма. И закончилась она полной победой пролетариата. Много товарищей беззаветно пало в этой борьбе. Помню я и никогда не забуду бой на Остоженке.

Красногвардейцы наскоро вырыли поперек улицы окоп. Впереди виднеется хорошо защищенный окоп белогвардейцев, по сторонам улицы—высокие дома, в которых засели белогвардейцы и из окон сверху обстреливают наших товарищей. Положение красногвардейцев отчаянное. Они упали духом и готовятся к отступлению.

Но вот к ним перебежала молоденькая пропагандистка Люся. «Товарищи, вперед!»—крикнула она и упала и[illegible], пораженная меткой пулей белогвардейца. На помощь к ней побежал из нашего отряда тов. Зубков, в надежде, что она только ранена, но не добежал до нее и упал тоже убитым. Наши красногвардейцы, увидя гибель любимой агитаторши, бросились вперед на ура и выбили белогвардейцев из окопов.

Так умирали наши товарищи, не жалея себя, а только горя желанием помочь друг другу в тяжелый момент.

Три года прошло с тех пор, но Советская Россия и сейчас ведет борьбу против белых армий всемирного капитала. В этой борьбе она крепнет и усиливается, а всемирный капитал разрушается и ослабевает под натиском нашей доблестной Красной армии и идущего к нам на помощь международного пролетариата. Уже близок день, когда красное знамя коммунизма взовьется над всем миром.

Товарищи-женщины, к вам я обращаюсь в день 3-й годовщины октябрьской революции. Сомкните теснее ряды вокруг коммунистической партии. Идите помогать Советской власти строить новую жизнь. От старого мира нам остались одни никуда негодные развалины. Только при дружном усиленном труде мы можем создать, построить новый мир. Идите в отряды работниц. Там вас научат работать, научат управлять своим рабочим государством. Там вам укажут те прямые пути, по которым мы пойдем в новый мир, мир творческого, свободного и радостного труда, в мир равенства и братства, в светлый мир коммунизма.

Вперед же, товарищи-работницы! Смелее, дружнее за работу! Еще одно общее дружное усилие—и мы победим... Вечная память погибшим в борьбе! И да не будут напрасны их жертвы... Слава живым строителям новой жизни!

Работница А. С. ГАЛКАНОВА.

Участие рабочих в завкомах.

При керенщине создавались заводские комитеты. В то время у нас на фабрике работало всего около 2.000 человек, причем из них было 800 работниц. Мужчины и женщины собирались вместе, устраивали собрания, выбирали делегатов, входили в контрольную комиссию, организовали президиум.

Работа протекала более или менее организованно. Все сырье было взято на учет. Без ведома рабочих ничто не вывозилось из продуктов производства с фабрики. Работницы-коммунистки были сорганизованы хорошо. На каждом шагу старались раз'яснить беспартийным, что нужно смотреть за всем, что происходит на фабрике, и в особенности чтобы ничего не вывозилось. Голос коммунисток им говорил, что все, что есть на фабрике нашей, пусть остается так, как есть, за нами, чтобы мы потом могли работать.

Рабочие и работницы вполне понимали это и охотно исполняли все то, что старались внушить им коммунисты. Но были, конечно, и такие, которые по своей несознательности, а может быть, и по трусости перед начинающейся великой Октябрьской революцией, смотрели как-то на происходившее спустя рукава и, попав в лапы фабрикантов, испытали на себе всю их честность.

Дело было вот как. Собрались однажды буржуи на заседание и давай думать, как бы обмануть рабочих. Думали, гадали и догадались. А как? Очень просто. Давайте-ка дадим всем желающим отпуск на три месяца, да еще за их «усердную» работу выдадим «наградных» по 300 рублей; небось, все согласятся на такой лакомый кусок, раз'едутся по деревням своим в отпуска, а мы, в это время, замок на ворота, и дело в шляпе. Конечно, некоторые рабочие попали им на удочку, но немногие. Правда, кто из нас, бедных работниц, мог иметь такую сумму денег, как 300 руб. чистоганом, да еще как «наградные», за добросовестную работу? Некоторым польстило это: вот, десять, что-нибудь купим на эти деньги, да и отдохнем. И вот, благодаря таким размышлениям они и были выкинуты на улицу.

Когда приходилось выступать на собраниях и раскрывать всю ложь отпусков, затеваемых не с добра фабрикантами, то их прислужники-меньшевики, засевшие в комитете, говорили, чтобы рабочие не слушали большевиков. Они пели, будто бы большевики все шпионы, что мы хотим погубить дело революции, а не освободить рабочий народ. Они не раз бросали невозможные клеветы и на нашего т. Ильича. Говорили, что он, дескать, немецкий шпион, и все большевики работают за громадные деньги. Но зная, что и это им не поможет, что не могут перетянуть на свою сторону рабочую массу, они начинали застращивать рабочих, заливая своим продажным языком, что нет топлива, сырья, а если мы де разгневаете господина хозяина, Шарля Адольфовича, то он повесит замок на ворота фабрики и закроет ее.

Да, трудно было бороться. Всюду и везде засилье меньшевиков. Рабочие оказались на распутьи. Где выход? Что делать? Куда итти—не знали. Кто их верный защитник—понять не могли. И начинали брать отпуск. А хозяйчики потирали уже себе от удовольствия руки и думали: нагрели рабочих. Но это продолжалось недолго. Рабочие поняли, какую устроили для них хитрую штуку [illegible] фабриканты и их лакеи меньшевики, и в одно прекрасное время постановили: переизбрать комитет, где 14 человек было соглашателей и лишь только три большевика. Но раны залечить было трудно. 700 человек рабочих было выкинуто на улицу, за их несостоятельность, на произвол судьбы.

Однажды на общем собрании присутствовали меньшевики и самый правый с.-ф. Аносов, который вел выборы завкома, выступил с предложением кандидатов меньшевиков и своей партии. Но рабочие не подчинились его списку, и сами наметили кандидатов. Так был избран новый завком, в который вошли 7 коммунистов, 5 сочувствующих, и 5 беспартийных. Меньшевики сразу потеряли к себе доверие и покинули с бранью.

Дело было в августе 17 г. Новый завком, распределив работу, начал вести переговоры с эксплоат. хозяевами. Не выходили из кабинета по 4—5 ч. без перерыва. Но прежде чем итти на переговоры, завком умело подготовлял рабочих на местах, говоря: «Товарищи, прежде чем уйдем на переговоры, вы должны знать, по каким вопросам мы будем вести переговоры, а именно: 1) прекращение увольнения, 2) ввести 8-час. рабочий день и 3) повышение заработной платы. Предупреждаем вас всех, что если мы не кончим переговоры к концу работ, то вы все, как один, работницы и рабочие, должны подойти к конторе». И так было всегда. Кончают бывало работницы работу и бегом отправятся к конторе. Увидят их из окна эксплоататоры и говорят нам, членам завкома: «Удалите эту толпу». А мы отвечаем: «вы должны им ответить, а мы пришли отстаивать то, что поручила нам вот эта бедная, угнетенная масса: вы должны им ответить, они не уйдут до тех пор, пока вы не исполните наши требования». Буржуазия страшно боялась, чтобы ее не вывезли рабочие на тачке из ворот своей фабрики, что проделывалось с буржуазными лакеями-меньшевиками. Она предчувствовала, что рано или поздно, ей придется сделаться жертвой рабочих, и шла нам на уступки. И так до Октябрьской революции мы сумели удержать всех рабочих за собой. Потом [illegible] рабочая семья стала чувствовать себя сорганизованной и более сильной. Везде и всюду [illegible] пролетарский глаз. Контрольная комиссия следила за расходом сырья и за выделкой продуктов, а также и за их распределением.

Буржуазии сразу были отрезаны ее хищные руки. Но не успокоились и тут наши купчики. Видя, что проигрывают свое дело, они задумали открыть всероссийский с'езд парфюмеров и мыловаров, затребовав со всей России делегатов. Они думали, что там, на заседании, они все же сумеют с помощью своих лакеев из союза парфюмеров переманить голоса рабочих, ссылаясь на злополучную «отечественную» войну, благодаря которой добыча сырья-де уменьшилась, рынка нет, товары идут плохо, а поэтому и считают необходимым прикрыть все предприятие. Но не тут было. Завкомы знали про открывающийся с'езд, который действительно приготовил лишь петлю для рабочих, и направились туда. Являемся и видим: сидят брюхатые и прилизанные фабриканты, сверкая своими злыми, [illegible] глазами, судорожно хватаясь за свои золотые очки и за толстые золотые цепи, растянутые по животам, ожидают открытия с'езда. Вокруг них вертятся на побегушках меньшевики и многочисленные делегаты. Мы быстрыми шагами обмериваем одну залу за другой, отыскиваем наших делегатов и об'ясняем им цель с'езда. Делегаты отказываются от с'езда, а мы устраиваем тут же совещание. Буржуи, как сычи, [illegible], с поджатыми головами [illegible], и открывается чисто рабочий с'езд.

После этого все время проходит в лихорадочной работе по подготовке Октябрьского переворота: усиленная работа в районах, беспрерывное присутствие на митингах, работа по организации, [illegible], распространение большевистской печати, открытие клубов и этим самым привлечение рабочих в наши же ряды. Завком и старые члены организуют боевую дружину, которая сыграла в дни октября немаловажную услугу. Половина ее [illegible] на улицах, а остальные несут охрану фабрики.

Но вот миновали и памятные дни октября. Под грохот орудий, треск пулеметов и ружей, под крики и стоны умирающих, [illegible] «Интернационала» [illegible] над стенами Кремля [illegible]

знамя коммунизма. Тогда мы пред'явили господам фабрикантам свое окончательное требование: «Ну, господа палачи, теперь фабрика наша. Если хотите оставаться у нас, можете работать, как и все служащие, ибо у нас, рабочих, есть свой лозунг: нетрудящийся да не ест». Трудно было изнеженному барскому телу, выросшему на белых булках, брать в руки метлу или топор, и они сочли за лучшее оставить нас в покое и удалиться с чемоданами с глаз ненавистных, побороших их рабочих. А наши бедняки действуют вовсю. Занимают барские хоромы, бросая голодные заснеженные подвалы и чердаки, отбирают у буржуйчиков мягкую мебель, расселяются организованно по банкирским прекрасным особнякам. Неприятно было смотреть на все это меньшевикам и интеллигенции, и она со злостью бросает рабочим, выглядывающим своими бледными лицами из окон богатых домов: «Поцарствуйте, не надолго, дай Бог хотя с месяц, а там выгоним вас из этих самых окон выбрасывать, как хотят». В ответ им слышались веселые слова: «хоть месяц, да наш; поживем, поваляемся на ваших перинах».

Работница поняла, за что она, ее мужья, отцы и братья дрались в октябре на баррикадах. Она видит себя теперь не в подвале или в холодном чердаке, а в хорошо обставленном буржуйском доме, где медный головчатый чепок заменила прялка, где ящик из-под яблок, купленный когда-то за 10 к. и служивший ей вместо стола, теперь заменил тонкой работы расписной стол; где тусклый коптящий ночник заменен электрической лампочкой, где глиняный грязный горшок, служивший ей когда-то вместо самовара, теперь заменил сияющий пузатый самовар, и ребенок ее не валяется на сыром нетопленом полу в нестиранных пеленках, а находится в яслях, где уход, чистота и опрятность. Она видит, что открываются дома коммуны, детские сады, школы, бесплатные столовые и лечебницы, и последний грош советское строительство тратит на детей. Она видит все это, понимает, и, может быть, не у одной уже сверкали глаза радостными слезами, благословляя вождей, открывших ей глаза на радостную жизнь.

Но это все еще ничто по сравнению с расцветом полного коммунизма. Она верит что настанет полное освобождение мира от рабства, когда народы будут жить, как братья, когда наука и искусство будут ей открыты и она достигнет полного совершенства. Точно также она верит и в то, что борьба еще не окончена, и поэтому она несет свои последние силы для этой борьбы, отдавая свободное время субботникам и воскресникам, потому что знает, что:

> Никто не даст нам избавленья,
> Ни бог, ни царь и ни герой,
> Добьемся мы освобожденья
> Своею собственной рукой.

Да, своею собственной, мозолистой, заскорузлой рукой.

К. Волгина.

Три года штурма желтой крепости.

Три года московские печатники, а вместе с ними и провинциальные штурмовали желтую крепость—Московский союз рабочих печатного дела. Фактически с 7-го ноября 1917 года начинается раскол их массы на два лагеря: на революционный и соглашательский, красный и желтый.

По поводу неучастия желтого правления в ноябрьских боях за свободу ряд типографий, начиная с больших и кончая маленькими, выносит протест правлению за «анти-рабочую политику» и требуют немедленного перевыбора правления. Но меньшевики, засевшие в союзе, под различными предлогами с выборами не спешили, их оттягивали. Коммунисты не решались выйти из правления, как требовали массы, так как предполагали взять союз внутренней борьбой и начать организационную работу по налаживанию типографского хозяйства. А типографии были в ужасных условиях. Совет народного хозяйства только налаживался. Типографии работали без всякого плана, хаотически. Меньшевикам это было на руку. Они указывали на положение типографии, как на хозяйство большевиков, а сами в смысле организации типографий и пальцем не пошевельнули. Единственным руководителем предприятий должен был быть союз, но союз рабочих печатного дела своими действиями разрушал печатное хозяйство.

Печатники с мест посылали в подрайон печатников-коммунистов своих делегатов с требованием образования красного союза печатников. Но подрайон все еще тогда не решался.

Политическая атмосфера в московских типографиях накалялась. И в один прекрасный день правленцы - коммунисты вышли из состава желтого правления. Пользуясь этим, меньшевики злорадствовали и разносили по типографиям различные чудовищные слухи и клеветы, как на коммунистов печатников, так и на всю коммунистическую партию.

В 1919 году желтое правление начинает бешеную агитацию среди типографов, так как, кроме этой работы, другой работы у них не было. Меньшевиками созывается пресловутый совет уполномоченных, различные совещания, и т. п. Чаще всего в порядке дня ставится тарифный вопрос, как самый больной вопрос для еще несознательной массы.

Для выяснения положения коммунистов-печатников 19 января созывается фабрично-заводская конференция, которая клеймит желтое правление и становится целиком на сторону революционных рабочих. Было создано новое правление «Красного союза» печатников.

Правление красного союза начинает с митингов по всем типографиям, созываются конференции, на которых выясняются цели и задачи красного союза и платформа 1 и 2 всероссийских с'ездов профсоюзов.

Ставится на очередь и государственная работа. Нужно было в спешном порядке организовать производственные отделы, которых не организовал желтый союз. Рабочие на местах на это живо откликнулись, так что скоро было организовано несколько таких отделов. Провинция, чутко прислушивалась к борьбе московских печатников, также требовала скорейшего разрыва с меньшевиками. Делегаты приезжали в Москву, поднимали вопрос о созыве чрезвычайного всероссийского с'езда печатников.

22 февраля, по предложению красного союза печатников, вопрос о печатниках ставится на заседании М. К. Р. К. П.

После докладов т.т. Борщевского и Мельничанского, Московский комитет постановляет:

1) Предложить фракции М. С. П. С. начать кампанию и принять меры к роспуску старого желтого союза печатников;

2) Приветствовать образование красного союза печатников и предложить тов рищам коммунистам усилить работу среди печатников с целью вовлечения в красный союз более широких масс тружеников печатного дела и приобщения их к общему пролетарскому движению.

3) Предложить М. С. П. С. зарегистрировать красный союз печатников как производственный союз, стоящий на почве решения 1 и 2 с'ездов профсоюзов.

На 1 мая была назначена 1-я конференция красных печатников. Делегаты, которые не могли присутствовать, присылали приветственные телеграммы, таковые были получены даже из Туркестана.

Меньшевики почувствовали, что крепость порядком-таки шатается и что недолго не удержаться. И нужно было струсить, когда на конференции было представлено 56.222 организованных члена.

В июле месяце на чрезвычайном с'езде печатников совет всероссийского союза рабочих печатного дела был переизбран. В него вошли коммунисты.

Только спустя три великих года, накануне 3-й годовщины пролетарской революции, московский союз печатников стал революционным союзом, гордо и высоко несущим знамя пролетарской революции. Три великих года штурмовали желтую крепость московские печатники и победили. 7 ноября 1920 года является для московских печатников двойным праздником-воспоминанием о победе пролетариата России и днем, когда первый московский союз очистился от желтого предательского налета и, наконец, водрузил крепко великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ив. ЛОМСКИЙ.

Вниманию товарищей.

За недостатком места, редакция «Правды» была лишена возможности поместить все воспоминания товарищей об октябрьских днях.

Не вошедшие в номер будут переданы в «Истпарт».

Действия и распоряжения правительства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБ АМНИСТИИ К 3-й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Все силы империализма и мировой контр-революции, направляемые Антантой в течение трех лет против первой в мире республики рабочих и крестьян, отражались геройской самоотверженной борьбой Красной армии на фронте и органами борьбы с контр-революцией в тылу. С каждым годом Советская власть крепла, а вместе с тем, расчищался путь для строительства нового общества, в котором не может быть угнетенных и эксплоатируемых. Ныне борьба эта завершается победами Красной армии над последним оплотом буржуазной диктатуры в Крыму. На пути к окончательной победе над врагом трудящихся, в радостный день 3-й годовщины великой пролетарской революции, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет считает возможным облегчить участь всех тех, приговоренных народными судами, революционными трибуналами и административными органами, или привлеченных к следствию за преступления, направленные против Советской республики, лиц, лишение свободы которых не вызывается крайней необходимостью.

Посему Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Применить в широких размерах по отношению ко всем лицам, совершившим то или иное преступление до 7-го ноября 1920 года, амнистию, в виде:

а) полного освобождения от всех наказаний, не сопряженных с лишением свободы, наложенных судебными и административными органами;

б) досрочного освобождения из мест заключения с переводом на принудительные работы без лишения свободы или без такового перевода;

в) сокращения срока заключения.

2. Амнистию применить как к лицам уже осужденным, так равно находящимся под следствием.

3. Вменить в обязанность революционным трибуналам пересмотреть списки заключенных к пожизненному заключению с заменой таковых срочным заключением.

4. Обязать подлежащие учреждения пересмотреть списки приговоренных до конца гражданской войны и освободить таковых от заключения, или установить определенный срок заключения, но не свыше 5-ти лет с момента заключения.

5. Обязать учреждения, вынесшие приговоры к высшей мере наказания, не приведенные в исполнение до 7-го ноября 1920 года, пересмотреть все означенные дела для выяснения возможности смягчения этого наказания.

6. Обязать В. Ч. К. и ее отделы пересмотреть в месячный срок списки всех заложников и военнопленных гражданской войны и освободить тех из них, содержание коих не вызывается крайней необходимостью.

7. Смягчить наказания, как личные, так и имущественные, вплоть до полного освобождения от таковых, наложенные за дезертирство и пособничество дезертирству.

Сложить наложенные на сельские общества, на основе круговой поруки имущественные взыскания за укрывательство дезертиров, если постановления о таковых не приведены в исполнение до 7-го ноября 1920 года.

8. Поручить Народному Комиссариату юстиции выработать подробную инструкцию в исполнение сего постановления и поручить ему наблюдение за его точным и неуклонным проведением.

9. Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу.

Председатель В. Ц. И. К. М. Калинин.
Секретарь В. Ц. И. К. А. Енукидзе.

Москва, Кремль 6-го ноября 1920 г.

ИНСТРУКЦИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ О ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ АМНИСТИИ 7-го НОЯБРЯ 1920 ГОДА.

Во исполнение постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 7-го ноября 1920 года об амнистии в ознаменование 3-й годовщины Октябрьской революции, Народный Комиссар юстиции предлагает всем подлежащим учреждениям принять к руководству и исполнению нижеследующее:

1. Амнистия применяется как к лицам, уже осужденным, так равно и находящимся под следствием.

2. Амнистия состоит:

а) в отношении осужденных в досрочном освобождении от заключения, или сокращении срока заключения, в освобождении от принудительных работ без лишения свободы, освобождении от наложенных по суду и не внесенных денежных штрафов и от конфискации имущества по судебным или административным приговорам;

б) по отношению к подследственным—в прекращении дела в случаях, указанных в настоящей инструкции.

3. Приговоры к высшей мере наказания, каким бы учреждением они ни были вынесены, подлежат пересмотру в недельный срок на предмет возможности смягчения наказания.

4. Амнистия в виде освобождения от заключения применяется только к лицам, не представляющим явной опасности для Советской республики, и не может применяться к приговоренным или обвиняемым в заговорах, или участии в организациях, вооруженно выступающих против Советской власти, к шпионам, изменникам и бандитам.

5. Дела лиц, приговоренных к пожизненному заключению, должны быть в течение двух недель пересмотрены учреждениями, вынесшими приговор, с заменой бессрочного приговора—срочным.

6. Дела приговоренных до конца гражданской войны должны быть в течение двух недель пересмотрены учреждениями, вынесшими приговор, с освобождением означенных лиц от дальнейшего заключения или с изменением приговора на срочный.

7. Всем осужденным к лишению свободы на срок свыше 5-ти лет, таковой сокращается до 5-ти лет.

8. По отношению ко всем осужденным к лишению свободы, за исключением категорий, указанных в ст. 4-й, амнистия применяется с соблюдением нижеследующих правил:

А) Профессиональным преступникам и упорным рецидивистам срок наказания сокращается на половину; сокращение срока более, чем на половину или немедленное освобождение от заключения с обращением на принудительные работы может быть применяемо к ним в отдельных случаях лишь на основании одобрительных отзывов о них со стороны губернских распределительных комиссий.

Б) Лицам, осужденным за корыстные преступления, но не подлежащим к числу профессиональных преступников или упорных рецидивистов, срок сокращается на 2/3, а при одобрительном отзыве распределительных комиссий такие лица могут быть освобождаемы из заключения с обращением на принудительные работы без лишения свободы и ранее отбытия 1/3 наказания.

В) Лицам, виновным в должностных преступлениях корыстного характера, срок наказания понижается на 1/3; сокращение сроков в большем размере, или освобождение с обращением на принудительные работы может происходить лишь по особому ходатайству распределительной комиссии.

Г) Осужденные за преступления по должности не корыстного характера могут быть освобождаемы от наказания вне зависимости от срока, в течение коего они отбывают наказание.

9. В. Ч. К. и ее отделы должны в месячный срок пересмотреть списки всех заложников и военнопленных гражданской войны и освободить всех тех из них, содержание коих под стражей не вызывается крайней необходимостью. Для сего все местные органы В. Ч. К. обязаны не позже, чем в двухнедельный срок, представить в В. Ч. К. полные списки всех содержащихся в местах заключения заложников и военнопленных гражданской войны, заверенные временной комиссией, указанной в ст. 14.

10. По отношению к дезертирам и пособникам их, амнистия применяется на следующих основаниях:

а) Приговоренным за дезертирство к расстрелу, приговоры о коих состоялись до 7-го ноября с. г. и не приведены в исполнение, расстрел заменяется лишением свободы на 5 лет.

б) Приговоренным за дезертирство к пожизненному заключению или к заключению на срок свыше 5-ти лет, срок заключения уменьшается до 5-ти лет с зачетом времени отбытого наказания.

в) Приговоренные за дезертирство к лишению свободы на сроки менее 5-ти лет, а также присужденные к менее тяжким наказаниям освобождаются от наказания условно с отправкой на фронт.

г) Все наложенные за дезертирство имущественные взыскания, если приговоры и постановления о них не приведены в исполнение до 7-го ноября с. г., в исполнение не приводятся в отношении лиц, в настоящее время находящихся в рядах Красной армии.

д) Наложенные на сельские общества на основе круговой поруки имущественные взыскания за укрывательство дезертиров, если приговоры и постановления о них не приведены в исполнение до 7-го ноября с. г., в исполнение не приводятся.

е) Все дезертиры, которые в течение 7-ми суток с момента об'явления постановления об амнистии местной властью по месту их пребывания, добровольно явятся к представителю этой власти (военной или гражданской) для зачисления их на военную службу, от личного и имущественного наказания освобождаются.

ж) Льготы по настоящей амнистии распространяются на пособников и укрывателей дезертиров.

з) По невынесенным к 7-му ноября с. г. делам, правила этой инструкции применяются при постановке по ним приговоров.

11. По отношению к лицам, находящимся под следствием, при применении амнистии надлежит руководствоваться началами, изложенными в предыдущих статьях.

В случае признания дела не подлежащим прекращению, вопрос о применении амнистии разрешается при рассмотрении дела по существу.

12. По отношению к отбывающим наказание по судебным приговорам, амнистия применяется органами, вынесшими приговор (народными судами, революционными трибуналами).

13. Амнистия по отношению к лицам, числящимся за следственными комиссиями (народными следователями), применяется народными судами или советом народных судей по принадлежности. К лицам, следствие по делам коих ведется следственными органами Ч. К., амнистия применяется или тем учреждением, в которое дело надлежит быть направлено, или президиумом В. Ч. К. или Губчека по принадлежности.

14. По отношению к лицам, отбывающим то или иное наказание, по постановлениям В. Ч. К. и ее отделов, Губчека и всех других административных органов, амнистия применяется образуемыми для этой цели в губернских городах временными комиссиями в составе представителей: от губисполкома (или губ. рев. ком.), губернского отдела юстиции (или губернской распределительной комиссии), губревтрибунала и Губчека, назначаемых персонально президиумом губернского исполнительного комитета.

15. Судебные органы обязаны пересмотреть в месячный срок дела всех осужденных ими лиц как отбывающих наказание, так равно и тех, приговоры по делам коих не приведены в исполнение.

16. Следственные органы по каждому находящемуся в их производстве делу, обязаны обсудить вопрос о возможности прекращения дела или изменения меры пресечения и представить свое заключение в соответствующие судебные органы в 2-х недельный срок.

17. Все места заключения должны в 3-х дневный срок переслать списки находящихся в них заключенных в те учреждения, по приговору или постановлению которых заключенные содержатся под стражей.

18. Органы В. Ч. К. и ее отделы, Губ Ч. К. и другие административные органы обязаны в 3-х дневный срок представить временной комиссии (ст. 14) списки лиц, приговоренных ими к тому или иному наказанию, как отбывающих наказание, так равно и тех, приговоры по делам коих не приведены еще в исполнение.

19. Настоящая амнистия применяется ко всем осужденным вне зависимости от того, применялась ли к ним предыдущая амнистия или нет.

20. Указания в приговорах на неприменение предстоящих амнистий, как неправомерные, не могут служить препятствием к применению настоящей амнистии, и таковая применяется и по отношению к означенным лицам с точным соблюдением указаний настоящей инструкции.

21. За всеми дополнительными раз'яснениями по применению настоящей амнистии подлежащие органы должны обращаться в Народный комиссариат юстиции по телеграфу.

Народный комиссар юстиции Курский.
Москва, Кремль 6-го ноября 1920 г.

Телеграммы.

Оборона Советской России.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ОТ 6 НОЯБРЯ.

СЕВЕРНЫЙ, ЗАПАДНЫЙ И ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ. Спокойно.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ. Перестрелка и усиленные поиски наших разведчиков.

За военкома полевого штаба Р. В. С. Р. **Илим.**

В Германии.

МОНАРХИСТЫ ГОТОВЯТСЯ.

БЕРЛИН, 4 ноября. (Через Ригу). «Гамбургер Эхо» приводит сообщение из достоверных источников, что монархисты намереваются произвести в Гамбурге 5-го ноября переворот. «Форвертс» сообщает, что в последнее время поступают сообщения, согласно которым 6-го или 7-го ноября должны начаться уже давно подготовляемые выступления Каппа. «Форвертс» отмечает, что правительству следовало бы разобраться в этих сообщениях и принять надлежащие меры. (РОСТА).

В Англии.

РУССКИЙ ВОПРОС В ПАЛАТЕ ОБЩИН.

ЛОНДОН, 3 ноября. (Радио). Сегодня в палате общин член парламента Чарльс Эдвардс спросил Черчилля, имеются ли британские представители при отрядах Балаховича и Перемыкина. Черчилль ответил отрицательно. На тот же заданный Пармуром вопрос Ллойд-Джорджа, оказывает ли великобританское правительство какую-либо поддержку кампании против советского правительства, которую в настоящее время проводят Врангель и Балахович. Бонар-Лоу ответил, что уже неоднократно заявлялось в парламенте, что великобританское правительство никоим образом не содействует этой кампании. (РОСТА).

ЗА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ.

НАУЭН, 5 ноября. (Радио). По сообщению из Лондона, местные секции «советов действия» устроили по всей Англии митинги по вопросу об отношении к России. Принятые резолюции резко критикуют внешнюю политику британского правительства, требуя немедленного возобновления экономических и дипломатических сношений с Советской Россией. (РОСТА).

Во Франции.

СОЦИАЛИСТЫ И III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

ПАРИЖ, 4-го ноября. (Радио австр. корр.спондентбюро). Опубликован текст воззвания, призывающего к вступлению в III Интернационал и имеющего быть предложенным конгрессу французских социалистов. Воззвание составлено Кашеном и Фроссаром при сотрудничестве об'единительной комиссии, а также выходящих в отставку членов комитета восстановления Интернационала.

Воззвание состоит из восьми больших частей.

1) Захват власти пролетариатом и диктатура пролетариата. В виду невозможности непосредственного перехода от буржуазной государственности к коммунистическому государству, диктатура пролетариата является необходимым переходом. 2) Коммунистическая партия и пролетарская революция. Вся руководительская и дисциплинированная политика своей партии пролетарская революция невозможна. Синдикалисты должны вновь стать носителями идеи революции и отвести широкое место коммунистическим идеям. 3) Международная солидарность. Ближайшая задача пролетариата в настоящий момент—заставить буржуазные правительства немедленно заключить мир с Советской Республикой. 4) Аграрный вопрос. Этот вопрос требует во Франции особенно внимательного отношения в виду существующего уже в этой стране раздробления земельной собственности. Партия должна действовать в этом вопросе без догматической узости и добиваться привлечения к революции бедняцких слоев крестьянского населения, нейтрализуя при этом средне-крестьянство. 5) Организация женщин и молодежи. На таковую следует обратить особое внимание. 6) Условия вступления. Предложенные Москвой условия в общем принимаются.

Партия постановляет вести непрерывную пропаганду за присоединение всех пролетарских организаций к коммунизму. Профессиональный Интернационал в Амстердаме, политика которого тождественна политике II-го Интернационала, должен погибнуть вместе с последним. Партия принимает новое название: Социалистическая партия, французская секция коммунистического Интернационала. (Вместо «Секция рабочего Интернационала»).

Конгресс ознакомит исполнительный комитет коммунистического Интернационала с теми доводами, которые побуждают партию всем этим принять вышеозначенное название.

Конгресс должен после реорганизации партии вынести следующие постановления: 1) Ежегодно собирающийся конгресс избирает комитет, состоящий из 2-х членов. 2) Конгресс избирает представителя партии в высший сино-административный Совет партийного органа «Юманите». 3) Руководящий комитет назначает—А) представителя в исполнит. комитет коммунистического Интернационала. Б) Генерального секретаря, международного секретаря и кассира. В) Редактора «Юманите». Г) Редактор «Голоса Крестьян». Д) Дежурного депутата. Е) Третейский трибунал. 4) Все уполномоченные партии, которые руководящим комитетом дано задание, ответственны и все постановки и могут быть всегда им сменены. 5) Особая комиссия из 12-ти членов назначается конгрессом на предмет выработки нового устава партии и должна доложить его на партийном с'езде, который имеет быть созванным в течение трех месяцев руководящим комитетом. (РОСТА).

ЗАБАСТОВКА ХИМИКОВ.

БЕРЛИН, 3 ноября. (Через Ригу). «Юманите» сообщает из Марселя, что синдикат рабочих-химиков своих предприятий вотировал всеобщую забастовку на 3-е ноября, вследствие отказа хозяев повысить заработную плату. (РОСТА).

В Америке.

ПРОТИВ БЛОКАДЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ.

РИГА, 4 ноября. «Юнайтед Телеграф» от 2 ноября сообщают из Вашингтона, что Соединенные Штаты отклонили предложения французского правительства присоединиться к блокаде черноморского побережья Советской России. Адмиралу Бристолу поручено собрать точные сведения о том, по чьему распоряжению начата блокада. (РОСТА).

ГАРДИНГ—ПРЕЗИДЕНТ.

РЕВЕЛЬ, 5 ноября. Гардинг выбран американским президентом подавляющим большинством голосов. (РОСТА).

В Ирландии.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБОСТРЯЕТСЯ.

НАУЭН, 5 ноября. (Радио). По всем данным, в Ирландии настроение с каждым днем обостряется. Полиция производит жестокие расправы с населением. (РОСТА).

В Испании.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ЛИОН, 6 ноября. (Радио). Революционное движение продолжается в Испании. В Сарагоссе жандармерией были замечены три лица, несшие бомбы. Когда жандармы их окликнули, они бросились бежать и скрылись в одном доме, откуда отстреливались в продолжение нескольких часов, после чего двое сдались, а один застрелился. В Саламанке всеобщая забастовка продолжается. Опасаются, что к забастовочному движению присоединятся и железнодорожники. Банки охраняются войсками. (РОСТА).

В Польше

ПЕРЕД УГРОЗОЙ ЗАБАСТОВКИ.

РИГА, 5 ноября. Как сообщает «Курьер Польский» от 27 октября, состоялось заседание главного правления профсоюза батраков, на котором рассматривался вопрос о саботаже земельных собственников и репрессиях со стороны правительства. Решено обратиться к сейму и к центральной комиссии классовых профсоюзов. Если эти меры не увенчаются успехом, на обсуждение будет поставлен вопрос о забастовке. (РОСТА).

Польско-литовский конфликт

РАЗДЕЛ ЛИТВЫ.

БЕРЛИН, 3 ноября. (Через Ригу). «Локаль Анцейгер» сообщают из Копенгагена от 2 ноября: Между Польшей и Латвией заключен тайный договор, имеющий целью раздел Литвы между названными государствами. Северная часть Литвы должна отойти к Латвии, остальную часть получает Польша. Этот план поддерживается Францией, желающей таким способом совершенно отрезать Германию от России. Польша получает Мемель, который будет соединен с Польшей при помощи нового коридора вдоль восточной границы Восточной Пруссии. (РОСТА).

РАЗЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК.

КОВНО, 3 ноября. (Через Ригу). Из осведомленных источников сообщают, что в польских войсках на литовском фронте начались волнения. Недавно самовольно ушел с фронта польский 201 полк 13 варшавской дивизии. Среди войска часто бывают ожесточенные междоусобные перестрелки. (РОСТА).

Торжественное заседание в Большом театре.

Вчера, вечером, в Большом театре состоялось первое торжественное собрание в честь третьей годовщины Октябрьской революции. В этом собрании приняли участие пленум Московского Совета Р. и К. Д. совместно с правлениями профсоюзов и фабрично-заводскими комитетами.

Десятки и сотни аплодисментами представители московского пролетариата встретили появление на трибуне т. Ленина, выступившего с краткой речью, посвященной третьей годовщине. Он говорил, что эта дата совпадает с нашей победой на фронте. Но главная наша победа выражается в том, что русский пролетариат, взяв власть в свои руки, сумел твердо ее держать в течение трех лет, полных тяжелой борьбы на фронтах и тягчайших лишений в тылу, благодаря империалистической войне. Но,—говорит т. Ленин,—как бы ни были значительны наши достижения в настоящем, надо помнить, что они составляют всего не более половины той окончательной победы, которую мы должны еще одержать и на фронтах борьбы с международной буржуазией, и в нашем внутреннем устроении на пути к новому будущему, к коммунистическому строю. И т. Ленин призывает к тому, чтобы в дни нашего победного настроения по случаю третьей Октябрьской годовщины мы вложили бы наш энтузиазм в упорную повседневную работу, к которой обязывает нас необходимость борьбы с наследием прошлого во всех наших хозяйственных делах, с бюрократизмом, с рутиной старых мелких чиновников, с мешаниной собственническими инстинктами и пр. Без этой работы до социализма мы никогда не дойдем.

Речь тов. Ленина покрывается дружными, долго не прекращающимися аплодисментами.

Слово берет т. Каменев, который также говорит о значении переживаемых дней, о том, что колоссальные задачи коммунистического строя требуют еще многого упорной и самой кропотливой работы». Он говорит о необходимости дальнейшего вовлечения широких пролетарских масс в дело управления, о необходимости тесной связи советских аппаратов с массами, о необходимости революционного подъема во всей нашей работе.

Речь Каменева также неоднократно прерывается аплодисментами.

Горячей овацией встречает собрание появление на трибуне т. Троцкого, который в краткой речи делится воспоминаниями об октябрьских событиях три года назад. Он говорит, что если у нас и нет прежнего острого энтузиазма, это не значит, что наш пыл потускнел, что силы ослабели. «Нет, мы стали тверже в нашей революционной уверенности, у нас нет горячего полудетского энтузиазма, но у нас есть глубокие рубцы на теле и в душе, они являются залогом нашей будущей в советской стране и нашей борьбе и стремлении к победе». Говоря о том пороге, который мы сейчас должны переступить в Крыму, т. Троцкий выражает уверенность, что и на Востоке, и в Азии, и в Европе, счеты пролетарской революции перешагнут через все пороги, которые будут стоять ей и на Востоке, и в Азии, и в Европе.

В этом походе не последнее место будут занимать питерский и московский пролетариат.

Т. Троцкий, при дружных аплодисментах зала и кликах «Да здравствует Красная армия!», заканчивает возгласом: «Да здравствует наш герой—рабочий Питера и рабочий Москвы!»

Последним выступил один из активнейших руководителей боевого пролетарского восстания октябрьских дней в Москве т. Н. И. Муралов.

В заключение собрание в память погибших товарищей встает с своих мест при звуках похоронного марша в исполнении государственного оркестра Большого театра.

Собрание заканчивается «Интернационалом» в исполнении оркестра и при дружном пении всех присутствующих. «Интернационал» повторяется несколько раз. Заключительным аккордом раздаются клики: «Да здравствует пролетариат всего мира! Да здравствует Красная армия! Да здравствует III Коммунистический Интернационал!»

Хамовнический райком.

Очень серьезно и вдумчиво отнесся Хамовнический райком к агитационной кампании в октябрьские дни. Этой кампании предшествовала организация дискуссии о характере докладов в связи с директивами Ц. К. Ни одного митинга, сопровождающегося шумихой, бессодержательных фраз и общих мест.

Побольше деловых обоснованных докладов, рисующих в простой и ясной форме деятельность Советской власти за три года—вот лозунг, выброшенный организационно - агитационным отделом райкома.

Избраны темы: «Общий обзор деятельности Советской власти за три года», «Октябрьские торжества», «Продовольственный вопрос», «народные празднества» и др.

Райком вместе О. Н. О. решили обратить большое внимание на политическое воспитание учительских масс. 6-го устраивается большой митинг-концерт для членов «Союза Работников Просвещения и Социалистической Культуры». Выступает тов. Покровский.

8-го для рабочих и учителей устраивается ряд докладов по вопросам Народного Просвещения.

Во всех школах силами детей устраиваются спектакли.

Большое внимание райкома обращено на работу среди красноармейских частей. Комиссия, Государственный Университет и большая масса беспартийного студенчества очень охотно откликнулись на призывы райкома. В среду было организовано студенчеством обследование госпиталей и казарм. В субботу 500 студентов устраивают субботник, будут вымыты полы, примут участие в мытье полов и т. д.

Этой работе райком придает большое политическое значение. Решено ознаменовать октябрьские дни переименованием ряда улиц и переулков.

ХРОНИКА.

К СВЕДЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ Г. МОСКВЫ.

Моск. центр. комиссия по праздн. Октябрьской годовщины извещает, что на М. Дмитровке, д. 16, в 12 ч. д. сегодня состоится открытие выставки эскизов и украшений столовых и клубов Москвы по заданиям секции изобр. искусств худож. подотд. МОНО. Выставка открыта ежедневно в течение недели от 12 до 5 ч. веч.

СПЕКТАКЛИ В ДЕНЬ 3-й ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ—ВЕЧЕРОМ.

Большой. «Золотой петушок».—**Художественный.** «Дочь Анго».—**1-я студия.** «Гибель Надежды».—**Корш.** «Прерванный пир»., «Коварство и любовь».—**Незлобина.** «Народ».—**Камерный.** «Принцесса Брамбилла».—**Театр Р. С. Ф. С. Р. (б. Вольный).** «Зори».—**Театр рев. сатиры.** (б. Никитский). «Мужичек»., «Хлам»., «Весы».—**Замоскворецкий.** «Марат»., «По хорошему». — **Рогожско-Симоновский.** «Король мужик».

ДЛЯ ДЕТЕЙ—ДНЕМ.

Большой. «Конек Горбунок».—**Художественный.** «Сверчок на печи».—**Колизей.** «Скупой».—**1-й Государственный цирк.** «Детская программа».—**Корш.** «Сам у себя под стражей».—**1-я студия.** «Хозяйка гостиницы».—**Народный Художественный** (Дом имени Каляева). «На дне».—**Замоскворецкий.** «Враги».—**Детский государ. Показател.** «Маугли».—**Дом для слепых.** (1-я Мещанская). «Ночь под Рождество».—**Яр.** «Гензель и Гретель».—**Коммуна.** «Цветы маленькой Иды».—**Кино-Красная Пресня.** «Рождество обитателей леса», «Приключения Алисы». — **Кино-Ханжонкова.** «Махмудкины дети», «В царстве пернатых».—**Кино-Уран.** «Сказка о рыбаке и рыбке».—**Сретенский.** «Детский день».—**Арс.** «Цирк Бори».—**Балканы кино-сеансы.** «Руслан и Людмила».—**Ермаковское город. убежище.** «Баба-яга и веселые зверушки».—**Кино-культура.** «Толстой при жизни».—**Алексеевская водокачка.** «Конек Горбунок».

В РАЙОНАХ.

СПЕКТАКЛИ СИЛАМИ ДЕТЕЙ.

Бауманский. Детский Дом: 1) (Ново-Басм., 16). «Дюймовочка», сказка по Андерсену. 2) Кл. рабоч. подр., им. Ухтомского (Красносельск., 8): «Сцена в корчме», «Ночное» и инсцениров. басен. 3) Кл. раб. подр., им. Троцкого (Сыромятники, 15): «Ссора», «Жена ямщика» и басни. 4) Преображенский Нар. Дом (Преображенская площ.): «Божий луг», «Сцена в корчме» и «Сон часовщика». 5) С-з молодежи (Лаврентьевский пер., 3): «Два подростка», Гарина. 6) Юнком (Гороховский пер.): «Кукольный бал», инсц. «Макс и Мориц», русская пляска.

Городской. 7) Детский кружок (Неглинный, 17): «Подснежник», Денисова. 8) При раб. факультете (Моховая, университет): 9) Участ. кл. с-за мол. (Ананьевск. пер., д. 5): «Мститель».

Замоскворецкий. 10) Школа при электр. станции (Раушск. набер.): «Снежинки», танец гномов и русск. пляска. 11) 2-я, 3-я, 4, 9 (Б. Ордынка, 47): «Мститель». 12) С-з ком. молодежи (Пятницкая, 64): «Злоумышленник», «Разговор двух дам».

Краснопресненский. 13) При ф-ке Эмиль: «Американцы». Андрюшенко, ревконцерт. 14) С-з молодежи (2-я Брестская, 42): «Мститель» и «Искупление». 15) Б. Грузинская, 6: «У панели», из жизни английского пролетариата. 16) Шк. 1-й ступ., № 55: «Чудесное зеркальце». 17) Шк. 1-й ст., № 54: «Красный цветок», «Снежинки» и «Погадала». 18) Шк. 2-й ступ., № 101: «Праздничный сон до обеда» 19) Шк. 2-й ст., № 107: «На дне»

Рогожск.-Сим. 20) Шк. 2-й ст.: 57, 19, 21: ревконцерт 21) Кл. раб. подр. при ф-ке гот. плат.: «Сцены из Снегурочки». 22) Андроньевский клуб: сцены из. «Сон в летнюю ночь». 23) С-з молод. (Алексеевская, 32): «Марат». 24) Дет. кр. при Таган. тюрьме: «Опасенная царевна».

Сокольничий. 25) Шк. 1-й ст.: «Три пояса», Борина. 26) № 3, кл. раб. подростк. Ермаковская, 56): «Гусь прижалейка», сказка. 27) № 1. кл. раб. подр.: инсцен. рев. стихов. «Каменщики», «Воскресник» и «Прачка». 30) С-з молодежи (Краснопрудная, 28): концерт.

Хамовнич. 30) Шк. № 100, 2-й ст.: «Мальчик звездочка», по Уайльду. 30) Шк. № 24, 2-й ст.: «На светлый путь», сцены из «Русалки». 31) Кл. раб. подр., № 3: революц. стихотворения. 32) С-з молодежи: «На конспиративной квартире».

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

Московский комитет Р. К. П. устраивает сегодня, в здании бывш. театра Зимина, Б. Дмитровка, 6, **большой интернациональный митинг-концерт.**

От Московского комитета выступят тт. Ралек и Балабанова, от Польского бюро—т. Кон, Латышского—т. Симан-Берг, Юго-Славянского—т. Ковачич, Венгерского—т. Лоценгер, Чехо-Словацкого—т. Штейн, Мусульманского—т. Халидов, Эстонского—т. Кастра, Китайского—т. Вансюи, Корейской секции—т. Авненхак, Немецкой секции—т. Курти, Литовского Ц. Б-т—т. Раскаас.

В концертной части:

Лабинский исполняет Энгеля: «Свобода»; Держинская—Рахманинова: «Вешние воды»; Оборовская—народный танец; квартет Страдивариуса · Бородина: 1-я часть, квартет: Тихомиров, Гельцер—балет «Русская идиллия»; В. Петров—Сохновский кузнец; М. Н. Ермолова—многоголосая декламация; государств. институт сл., под управлением Сережникова, Верхарна: «Мятеж» исполняет поэт **В. Брюсов.**

Начало в 6 час. вечера.

Входные билеты для организаций можно получить у входа в театр.

Московская Центральная Комиссия по проведению Октябрьских празднеств в день 3-ей годовщины Великой Октябрьской Революции, в 3 часа дня, открывает выставку, посвященную 3-летним Октябрьским завоеваниям, на Петровке, в бывш. цветочном магазине «Флора».

Моск. отд. работниц сообщ., что 8 ноября, в 7 ч. в., сост. лекция в школе агитаторов при М. К.

В среду, 10 ноября, в 12 ч. утра, состоится заседание Московского Комитета Р. К. П. Порядок дня: 1) Доклад М. Г. С. П. С. 2) Доклад Военного Отдела М. К. 3) Доклад Бюро М. К.

Во вторник, 9 ноября, в 11 ч. утра, в Отделе Субботников при М. К. Р. К. П. (Б. Дмитровка, д. 15/а) назначается заседание уездных организаторов субботников Московской губ. Явка обязательна и без опозданий.

Отдел Субботников при М. К. Р. К. П.

7 ноября, в 11 час. утра, в Введенском Народном доме созывается торжеств. заседание пленума районного Совета совместно с представителями от избирателей из предприятий: до 100 чел.—один товарищ, до 1.000 чел.—2 товарища и свыше 1.000—3 товарища. Правл. ф.-зав. к-тов, в полном составе, участк. бюро, правл. уч. клубов к-та союза молодежи, делегат. работн. и районн. отдел. профсоюза Все члены районн. М. С. проходят по своим мандатам; все проч.—по соответств. удостовер.

ВСЕМ ЯЧЕЙКАМ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.

8-го ноября, в 5 час. веч., в помещ. союза (Б. Садовая, 29) сост. собрание секретарей ячеек. Присутствие всех обязательно.

Бюро фракции.

Бауманск. р. К-т Р. К. П. извещ., что 7 ноября, в 11 ч. утр., в помещ. Введенского Нар. дома созывается расширенный пленум районного совета с представ. правлений предприятий и выборных от общего собрания рабочих до 100 ч. один предст., до 1.000—два и свыше—три предстаз. На собрание приглаш. все район. фабр.-зав. к-ты, участковое бюро, правления участковых клубов, К. С. М. и делегатки от Отд. Работн. Порядок дня: 1) Итоги Октябрьской Революц. 2) Отчет Р. Совета.

ПАРТИЙНЫЕ.

— Красно-Пресн. р. к. Р. К. П. извещает, что 8 ноября, в 5 ч. дня сост. собрание секретарей, совместно с инструкторами информаторами по ячейкам. Явке кроме секретарей подлежат следующие товарищи:

Иванов, А. Г., Андреев, Ивович (Совет), Аборин (Рабкрин), Вощинин, Поликарпова, Тарасова (Военком), Васильева (Служ. Рыбин (Парк. Склад), Дубинский (Главвоздухофлот), Лапкинцев, Беляков (Алексан. ж. д.), Эрмуш, Чанг, Карлсонова, Ворошилов, Абрамов Кошкин, Муравьев, Осипов, Порфиров, Титов, Малченков, Чернов, А., Пашков, Басманов, Мусятов, Самарин, Новиков, Беленький, Авакесов (Рабкрин), Воронцов (Транспорт. отд.), Кумпуп, Дорочинский (Масловская ферма), Бабкин (М. Ч. К.), Лисицын (Московск. Совет), Муралова, С., Колочев, Меркулов, Рыкунов, Зашкина (Плен. ком.), Федосов (Зоологический парк), Попов, Воронцов, Никитин (Савеловск. ж. д.), Панов, Вальтер, Смирнов (Савеловск. ж. д.), Рашкович, Моисеев, Андреев (старш.), Вельмин, Павлова, Васильев, Багышев, Гафиза, Левин, Некудров (Миусский парк), Гоников (Совет), Габсевич, Штуцлов (Совет), Потапов, Врублевский (Артиллерийск. Совет), Белова, Бурова, Лелин, Позухин, Клаймер, Штукель, Дмитриев, Ребельский (Рабкрин), Бородина (Военно-артиллерийск. завод), Вохо, Алешин (Савеловск. ж. д.), Елин, Мамзон (Бутырская тюрьма), Круликов (Военно-хоз. сурс), Гарбачикий (М. П. О.), Рывачский (Гувуз), Афанасьев Пискин (Кушнарева), Горшков (Прохоровка), Горшков, В., Кольсон (Санитарная Техника), Заморенов (Прохоровка), Шурский (Сахарн. завод), Соколов Лобит (151 госпиталь), Шейкельс, Сергеев (Фагтех), Миллер (Рабкрин), Емельянов (Мосг. Совет), Соков (Санитарн. Техника), Залетин, Шичогин (Райсовет), Сорин (М. К.), Журавлев, Латышко, А., Зинкович (Прохоровка), Повалев (Райсовет), Андреев (Шорно упряжн.), Александров (Санитарн. Техника), Сутонкин (Лукат), Альтер, Беленький, Томарин (Рабкрин), Кольцин (В. Рублево), Заяук (Центро-Эвак), Копнинов, Воронков (Савеловск. жел. дор.), Колотов (Рабкрин), Волков (Кушнарева), Копалкин (Машиностр.), Манацин (Воздухофлот), Михайлов (Гувуз), Забанов, Ракитин (Рабкрин), Рошинский (Рев. Трибунал), Желоганов, Чепной (Завков), Манаснов, Витлин (Рабкрин), Дмитрович, Султанов, Куретов, Симонов (Совет), Лядовская, Волков, С. (Прохоровка), Красиков.

Ко всем неявившимся без уважительных причин будут приняты самые строгие меры привлечения к ответственности.

— Гор. р. Р. К. П. 8 ноября, в 7 ч. веч. сост. заседан. комитета.

— Горрайком Р. К. С. М. извещ., что с 8 по 15 ноября будет произв. перерегистрац. чл., не состоящ. в ячейках, в райкоме (Рождественск. б., 12).

— 8 ноября, в 5 ч. веч., в клубе «Освоб. тр.», сост. заседан. бюро фракции 3-го уч. Хамовническ. р. Обязаны явиться следующ. тт.: Рапопорт, Воронцова, Мясникова, Кошаренко, Левит, Поселенская, Кирюшина. В 7 ч. там же сост. заседан. секретарей участка.

— 7 ноября, в 12 ч. дня, в пом. т. «Яр» (Петроградское шоссе, 32), сост. торжествен. заседан. пленума Красно-Пр. Совета с завкомами и заводоуправлениями.

— 7 ноября, в 11 ч. утра, в т. «Тиволи» (Сокольн. застава), сост. торжествен. заседан. пленума Сокольническ. Совета совместно с фабрично-зав. комитетами и правлениями предпр.

— 7 ноября, в 11 ч. утра, в пом. Вс. союза коммун. хоз. (по Софийке, 9), сост. торжествен. заседан. пленума Гор. р. Совета с представ. от профсоюзов и фабр.-зав. к-тов в честь 3-й годов. Окт. Рев.

— 8 ноября, в 6 ч. веч., в помещ. столовой Совдепа (Кузнецк. М., 6), сост. собран. секции Отд. Нар. Образ. Совдепа Гор. р.

— 7 ноября сост. торжественное заседание Пленума Совета Замоскворецк. района, совместно с фабрично-заводск. комитетами и делегатским собран., посвященное 3 годовщине Октябрьской Революции Заседан. сост. в помещении районного театра в 5 ч. веч.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— Бюро фракции Р. К. П. союза раб. Просв. и Соц. к-ры извещ., что 9 ноября, в 5 ч. веч., в помещ. Политехническ. музея (Аудитория № 2), сост. общее собран. работн. просвещен.-коммунистов.

— Бюро секции Аптечн. раб. союза «Всемедикосантруд», в 5½ ч. веч., сост. делегатск. собран. в помещ. Горздравотдела (Тверская, 12).

— М. Г. О. с. Сопработников сообщ., что 8 ноября, в 4½ ч. веч., в помещ. союза (Ильинка, 21), сост. 12 организацион. совещание.

ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ, МИТИНГИ.

— Клуб ВССР им. В. И. Ленина (Никольская, 9) устраив. 7 ноября митинг-спектакль, с участ. петрогр. театра Поставлен будет «Красный путь». Нач. в 6 ч. веч.

— 9 ноября фортепианные сонаты Бетховена в исполнении К. Н. Игумнова.

— 11 ноября 5 концерт памяти Танеева. В программе—IV и VI квартеты имени Страдивариуса. Н. Г. Райский (пение).

— 12 ноября 2 концерт пианиста С. Е. Фейнберга. В программе: Бах—8 хоральных прелюдий, в обработке С. Фейнберга. Бетховен—сонаты, ор. 57, 109 и Рондо—ор. 129.

Начало концертов в 7 ч. 30 мин. Билеты продаются в кассе Госуд. клавирного склада (Кузнецкий Мост, 3) и в Театральной кассе ЦТО (Петровка, 5) и в дни концертов—при входе в зал.

— Немецк. Секция при Гор. р. устраив. концерт-митинг, 7 ноября, в клубе 6 уч. (Спиридоновка, 30), в 5 ч. дня. В 1-м пункте (Чугунный мост)—в 5 час. дня. 8 ноября, в 5 час. дня, в XV пункте (у Красных ворот).

— Литературный Особняк. Очередное собрание в Доме Печати (Никитская), сост. 8 ноября, в 9 ч. веч.

— Евр. Раб. Клуб им. Борохова устраив. 7 ноября в честь 3-й годов. Окт. Рев. митинг-концерт. Нач. в 8 ч. веч. Вход свободный.

— К. П. О. С. Нар. Питания извещ., что в клубе союза (Б. Дмитровка, 26), 7 ноября, сост. митинг-концерт. Предстоя. будут: «Мститель» Киселева и «Жизнь французских коммунаров». 8 ноября сост. лекция тов. Волкова.

— Дворец Искусств (Поварская, 52). 7 нояб. Вечер поэзии И. Эренбурга. Свои стихи: «Две зари», прочтет автор. Перед чтением стихов вступительное слово. Нач. в 8½ ч. Продажа билетов при входе.

СОВЕТСКИЕ.

— Президиум Хамовн. Совета доводит до сведения всех членов Моск. Совета, избранных по Хамовническому району, а также членов районного Совета и фабр.-зав. к-ты, что 7 ноября, в 12 ч. дня, сост. торжественное заседание в здании Совета (Плющиха, д. 37, помещ. 60).

Типография Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Сов. Раб. Кр. Красн. Деп., Тверская, 48.

Тираж газеты «Правда» 250,000 экз.